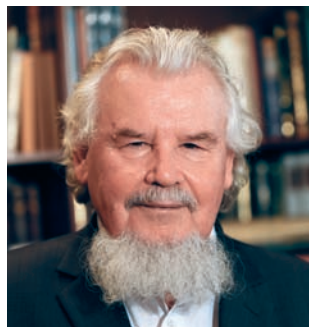

Православное
КНИЖНОЕ май
КОБОЗРЕНИЕ 2012
№ 5 (018)

 ОФИЦИАЛЬНО

**В ПАЛАТЕ
ПОПЕЧИТЕЛЕЙ** 4

 ПРЕМИЯ

**ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ,
К ПРАВДЕ**
(Из выступления Святейшего
Патриарха Кирилла) 5

**ИНТЕРЕС К ПРЕМИИ
РАСТЕТ** 10

**ВЛАДИСЛАВ
БАХРЕВСКИЙ** 13

Вооружение правдой
(интервью) 14

**ПРОТОИЕРЕЙ
АРТЕМИЙ
ВЛАДИМИРОВ** 28
Священство —
это «мое все» (интервью) 30

БОРИС ЕКИМОВ 36
Люди Дона (интервью) 39

ВИКТОР НИКОЛАЕВ 44
На войне как на войне
(интервью) 46

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА 59
Дух любви и свободы
(интервью) 62

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ 69
Итоги года (интервью) 74

**АЛЕКСЕЙ
СОЛНИЦЫН** 79
Кино и проза
(интервью) 80

ИВАН ЧАРОТА 93
Россия и славянство
(интервью) 94

НОМИНАНТЫ

Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (слева направо):

Владислав Анатольевич Бахревский, протоиерей Артемий Владимиров, Борис Петрович Екимов, Олеся Александровна Николаева, Виктор Николаевич Николаев, Александр Юрьевич Сегень, Алексей Алексеевич Солоницын, Александр Иванович Яковлев, Иван Алексеевич Чарота, Сергей Антонович Щербаков

СЕРГЕЙ ЩЕРБАКОВ 100
Реки текут в море
(интервью) 107

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ 109
Сокровищница
просвещения царского
(интервью) 110

 ПРОЗА
ЦАРЕВИЧ ДМИТРИЙ
В. Бахревский 16

БЕЛАЯ ДОРОГА
Б. Екимов 40

**СТАРШИЙ
ЛЕЙТЕНАНТ ТЯГАЧ**
В. Николаев 48

**МОНАШЕСКИЙ
ПОСТРИГ**
А. Сегень 72

**ДРУГАЯ
ЗИМОВКА**
С. Щербаков 102

**ПОСЛЕДНЯЯ
БЕСЕДА**
А. Яковлев 112

 ПОЭЗИЯ
ПРИЗЫВ ГОРЛИЦЫ
Протоиерей
Артемий Владимиров 34

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ
О. Николаева 63

 ПУБЛИЦИСТИКА
ЛУЧИ НАШЕЙ ВЕРЫ
А. Солоницын 82

**ОСЛОВЕСИТЬ
ЖИЗНЬ НАШУ**
И. Чарота 96

В ПАЛАТЕ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ

В Патриаршей резиденции в Свято-Даниловом монастыре 4 мая под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла состоялось итоговое заседание Палаты попечителей Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

В заседании приняли участие:

- *Митрополит Калужский и Боровский Климент*, председатель Издательского Совета Русской Православной Церкви — секретарь Палаты попечителей;
- *Епископ Борисовский Вениамин*, викарий Минской епархии, председатель Издательского Совета Белорусской Православной Церкви;
- *Протоиерей Всеволод Чаплин*, председатель Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества, член Общественной Палаты РФ;
- *Протоиерей Николай Агафонов*, член Союза писателей России;
- *Варламов Алексей Николаевич*, писатель, филолог, исследователь истории русской литературы XX века, член Союза российских писателей;
- *Василевский Андрей Витальевич*, главный редактор журнала «Новый мир»;
- *Володихин Дмитрий Михайлович*, историк, писатель-фантаст, литературный критик, издатель, кандидат исторических наук, доцент;
- *Ганичев Валерий Николаевич*, председатель Союза писателей России, доктор исторических наук;
- *Николаева Олеся (Ольга) Александровна*, поэт, прозаик, эссеист, профессор Государственного литературного института имени А. М. Горького;
- *Соколов Александр Сергеевич*, профессор, ректор Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского;
- *Тарасов Борис Николаевич*, ректор Государственного литературного института имени А. М. Горького, писатель, доктор филологических наук;
- *Чупринин Сергей Иванович*, главный редактор журнала «Знамя».

В ходе заседания был утвержден и обнародован короткий список номинантов Патриаршей литературной премии 2012 года.

ЗАСЕДАНИЕ Палаты попечителей Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ, К ПРАВДЕ

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА НА ЗАСЕДАНИИ ПАЛАТЫ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ПАТРИАРШЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ

Я хотел бы поделиться с вами некоторыми ображениями, касающимися не только той темы, ради которой и был создан этот совет, но и более широкого круга вопросов: о состоянии нашей литературы, о современном литературном творчестве и вообще о том, что значит быть писателем в наше время.

Думаю, наша работа должна сопровождаться не только обсуждением тем, которые, собственно, составляют повестку дня Совета попечителей, но и, может быть, более широкого круга проблем. Для меня это важно, потому что не каждый день я имею возможность встречаться с представителями писательского цеха и мне хо-

ПРЕМИЯ

6

телось бы услышать ваше мнение по поводу тех вопросов, которые я попытаюсь сформулировать.

Общественная жизнь — это процесс, который имеет интеллектуальное, нравственное и духовное измерения. Еще совсем недавно считалось чем-то само собой разумеющимся, что писатели — это властители дум, защитники и выразители высоких нравственных норм. Сегодня на смену традиционной культуре, ориентированной на личностное возрастание, приходит культура массовая, в основе которой лежат принципы потребления, развлечения, досуга. В этих условиях писателям становится все труднее следовать своему истинному призванию — свидетельствовать о непреходящих ценностях, об идеалах, к которым должен стремиться человек, художественным путем раскрывать внутреннюю борьбу ради достижения этих идеалов, показывать драматизм того, что означает поиск целей и смысла человеческой жизни.

Потребительское отношение сегодня проникло буквально во все сферы жизни, и литература здесь не исключение. Если мы посмотрим, что у нас пользуется особым спросом в книжных магазинах, то станет ясно, что в сфере беллетристики это книги, построенные на остром сюжете, на быстрой смене событий и острых ситуациях в жизни героев, где наблюдается подмена мысли действием, или, как теперь говорят, «экшн» (не люблю использовать такого рода слова и выражения, заимствованные из иностранного языка, но наш русский язык сегодня настолько заполнен такого рода терминами, что иногда, для того чтобы широкая публика поняла, о чем идет речь, приходится их употребить).

Вместо мысли, вместо подлинной драмы, отражающей сложные перипетии человеческого бытия, мы имеем «экшн», который приучает человека к некоему эмоциональному допингу, а не к трезвому осмыслению жизни. Такая литература отучает человека от размышления, призывает к поверхностной оценке явлений, не дает точных нравственных ориентиров. В результате подобное чтение усредняет, духовно обезличивает читателя, сливая его с толпой, делая его неким атомом массовой культуры, и в этом кроется большая опасность для всего общества. Ведь, выражаясь словами известного испанского философа XX века Хосе Ортеги-и-Гассета, представитель массы — это «всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой». Для такого человека критерии добра и зла просто перестают существовать, и это явление поистине катастрофично для любого общества. Мы все чаще сталкиваемся с узаконенным нравственным релятивизмом, который доходит до культурного, интеллектуального и духовного одичания людей. Потом, конечно, мы хватаемся за голову, когда оказываемся свидетелями бурных обсуждений человеческих трагедий на телеэкране или когда лицом к лицу сталкиваемся с умопомрачающими случаями отношения родителей к детям или детей к родителям, когда содрогаетесь от количества детских самоубийств. Но было бы, наверное, странно, если бы всего этого не было. Ведь общество и личность отучаются от самоанализа, от погружения в самих себя, от движения по пути нравственного, духовного и интеллектуального возрастания в их целокупности. Это, конечно, не просто обедняет личность — это искажает саму природу человеческого обще-

ства, потому что общество может существовать только при наличии определенного морального консенсуса, некоей нравственной общности, а если общество атомизируется, то этот нравственный консенсус разрушается, общество перестает быть обществом.

Я уже имел возможность где-то сказать о том, что убежденность в силе права представляется очень наивной. Собственно говоря, современный взгляд на развитие общества не предполагает никакой другой общей платформы, кроме права. Есть закон — извольте соблюдать закон. Кто закон не соблюдает, тот является правонарушителем. Морального консенсуса не нужно. Но если серьезно подумать, то ведь никакого права не может быть без морального консенсуса. Право призвано отстаивать справедливость, а справедливость есть нравственное понятие. Если в обществе не формируются нравственные идеалы, то такое общество не способно достичь и нравственного консенсуса, а значит, право «повисает», право без нравственной основы перестает быть убедительным и эффективным, а нередко и отторгается человеческим обществом или отдельными индивидами.

Отсутствие в сознании человека границ между добром и злом приводит, в свою очередь, к разрушению самого понятия «культура», ибо без этих границ культура теряет почву, становится пустой, вырождается и умирает. Искусство, не признающее ориентиров в нравственном и прекрасном, становится антиискусством, а культура — антикультурой. Определение этих границ — дело совести каждого художника. Выход за границу культуры ведет к нарушению не только этических, но и эстетических начал.

Нравственное безобразное становится художественным безобразным, ведет к потере творческой ценности произведения и к разрушению человеческой личности, а нравственная безобразность общества, в свою очередь, способна перейти в более страшный недуг, когда нация перестает ощущать себя единым целым, о чем я только что сказал.

Мы крайне нуждаемся в достойных примерах, образцовых поступках, которые вдохновляли бы нас становиться лучше, добрее, благороднее, нравственно чище, которые возвышали бы человека, а не принижали его, не доводили до животного состояния, не отдавали во власть инстинктов и страстей. И такие примеры люди должны находить в том числе в художественных произведениях.

Современные писатели, к сожалению, зачастую становятся заложниками сложившейся ситуации. Как говорится, массовый спрос рождает массовое предложение, но данный принцип, применимый в первую очередь к экономическим отношениям, совершенно неприемлем в жизни духовной. Писатель призван всегда помнить об истинном смысле своего служения, служения, которое сродни пророческому, служения, на которое он поставлен Самим Богом — не формально, а через сообщение Богом человеку таланта быть писателем. Талант — это Божий дар, и если Бог дает этот дар, то тем самым Он ставляет человека на особое служение. Ведь именно так талант воспринимал и Пушкин, 175-летие со дня смерти которого мы отмечаем в этом году, и Гоголь, и Достоевский. Наши великие писатели, воспитанные не только на светской культуре, но и на Евангелии, на слове Божиим, на творениях святых отцов,

органично следовали христианской традиции, воплотили в своих произведениях высокий нравственный идеал.

Православие действительно оказало огромное влияние на становление и развитие русской словесности, и, перефразируя Тертуллиана, можно сказать, что русская литература по природе своей христианка. Впитавшая в себя свет христианского учения классическая русская литература в советское время оставалась едва ли не единственным разрешенным духовным чтением и богословием в образах. Когда Церковь была лишена возможности открыто проповедовать, именно литература во многом взяла на себя роль хранилища национального духовного наследия. Ей мы обязаны тем, что сохранили свою историческую память, что не прервались культурные и духовные связи между поколениями.

Сегодня, когда полки в книжных магазинах ломятся от избытка литературы на любой вкус, неискушенному читателю иной раз очень непросто разобраться во всем представленном разнообразии. Надеюсь, что данная премия, призванная отмечать среди множества писателей и поэтов тех, кто вносит значительный вклад в духовную и культурную жизнь страны, поможет нашим соотечественникам сориентироваться в современном литературном процессе.

Довольно часто в адрес нашей премии приходится слышать критику: она, мол, присуждается по устаревшим принципам и дается не за конкретное произведение, а за совокупный вклад в развитие литературы и в утверждение в обществе христианских идеалов. Действительно, наиболее крупные и известные российские премии, такие как «Большая книга»,

«Русский Букер», вручаются за написание конкретных книг, то есть в итоге в этих конкурсах побеждает не писатель, а его отдельное произведение. Но мы знаем, что не всегда писатель пишет произведения одинакового уровня и одинакового значения. Поэтому то, что написано в прошлом и вместе с тем до сих пор остается важным для духовной, интеллектуальной, эстетической жизни людей, не должно предаваться забвению, особенно если это выдающееся в прошлом не было отмечено должным образом современниками.

Ни в коем случае не следует отделять произведение от личности автора, от его жизненной позиции, от его отношения к Родине, к семье, к близким, от его философских взглядов и убеждений. Будем помнить о той огромной ответственности пред Богом, которую мы несем за каждое произнесенное и написанное нами слово, чтобы не получилось, как в одной из басен Крылова, в которой покрытый славой сочинитель, представ пред Господом, получил большее наказание, чем разбойник, потому что его сочинения продолжали оказывать губительное влияние на души людей и после его смерти.

Учитывая, что 2012 год объявлен в нашей стране Годом истории, предлагаю обратить более пристальное внимание на произведения, в основу которых легло описание тех или иных событий отечественной истории. Нередко погружение в историю помогает нам понять и то, что сегодня со всеми нами происходит, найти ответы на актуальные вопросы современности.

Считаю важным вернуться к обсуждению вопроса о возможных формах поощрения молодых талантливых авторов. Такой формой могла бы стать рекомендация какому-либо из церков-

ных издательств опубликовать лучшие произведения молодого автора, избранного Палатой попечителей. Мне представляется очень важным поощрение молодых писателей, особенно тех, кто трудится в том направлении, о котором я сказал выше. Сегодня это настоящий подвиг, в каком-то смысле требующий мужества идти против общего течения. Но настоящие писатели и настоящие поэты, которые оставили след в истории нашей литературы, всегда в той или иной мере шли против течения. Пророк не может идти по течению, иначе он превращается просто в лодочника, который гребет в ту сто-

рону, куда легче плыть. У пророка всегда должно присутствовать мужество, которое, в случае необходимости, дает ему решимость идти против общего мнения, общих привычек, возвещая Божию правду. И если эта правда провозглашается через художественную литературу, то не меньше ответственности на том, кто несет это слово своим ближним.

*По материалам пресс-службы
Патриарха Московского и всея Руси*

ИНТЕРЕС К ПРЕМИИ РАСТЕТ

Подводя итоги заседания Палаты попечителей Патриаршей литературной премии, председатель Издательского Совета, секретарь Палаты попечителей Патриаршей литературной премии митрополит Калужский и Боровский Климент ответил на вопросы редактора сайта Издательского Совета Валентины Курициной.

— *Ваше Высокопреосвященство, расскажите о результатах заседания Палаты попечителей.*

— Палата попечителей — орган, несущий ответственность за присуждение Патриаршей литературной премии. В частности, Палата утверждает церемонию награждения лауреата, процедуру избрания. Голосование по выбору лауреата и церемония награждения пройдут в этом году 28 мая. Напомню, что лауреаты премии будут определены простым большинством голосов членов Палаты попечителей.

В прошлом году лауреатом премии стал один писатель — Владимир Николаевич Крупин. В этом году лауреатов может быть больше. Такое решение было принято сегодня. Премия одна, лауреатов может быть два или три.

В этом году в длинном списке кандидатов было больше, чем в прошлом, это люди из разных мест, включая дальнее и ближнее зарубежье. Выдвигали писателей на Патриаршую литературную премию разные организации — это свидетельствует о том, что интерес к премии растет.

МИТРОПОЛИТ Калужский и Боровский Климент среди членов Палаты попечителей

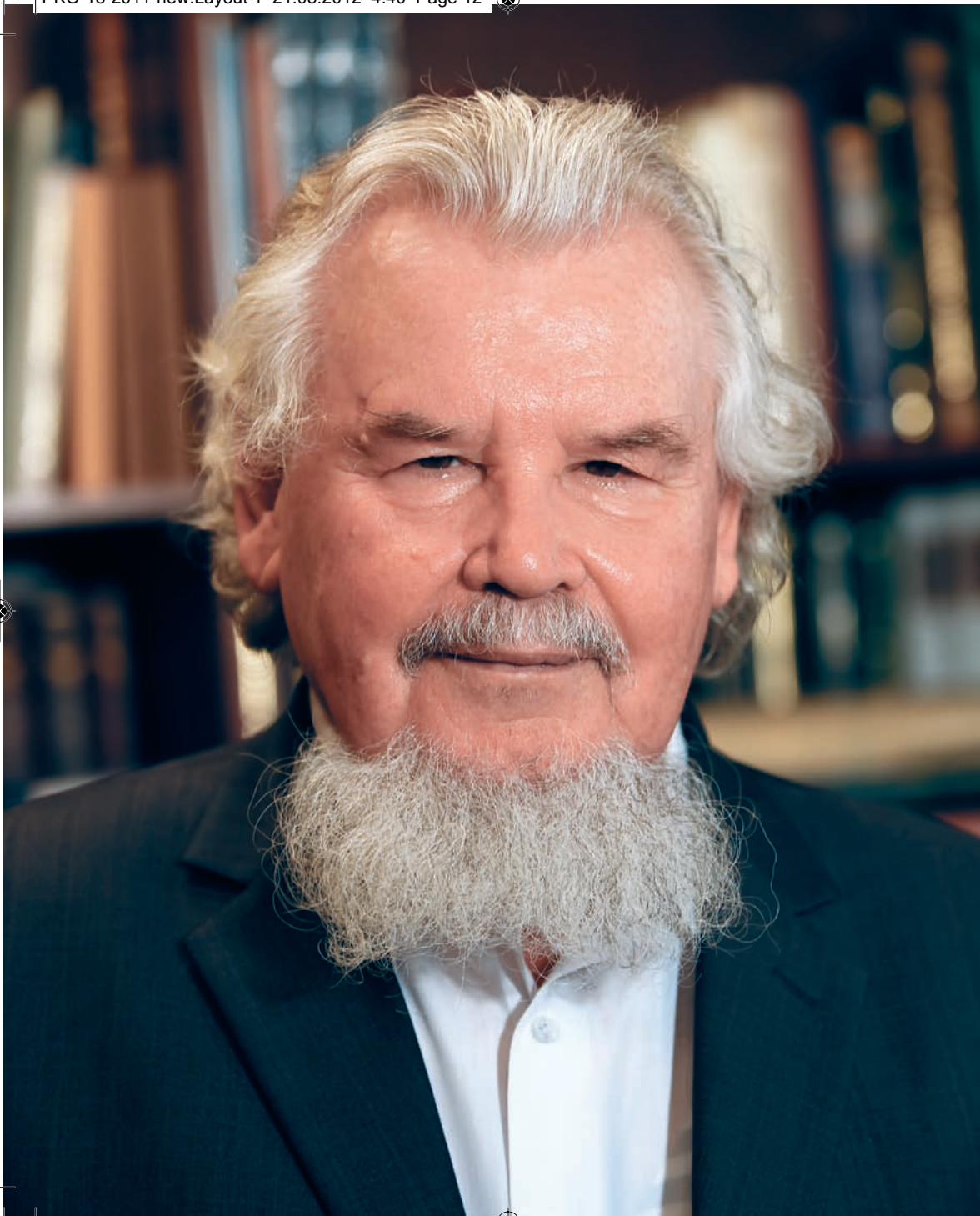
— На заседании был утвержден короткий список номинантов. Прокомментируйте, пожалуйста, выбор Совета экспертов и Палаты попечителей. Какие писатели вошли в шорт-лист?

— В этом списке есть яркие личности, вклад которых в развитие современной русской литературы очевиден. Не все писатели известны в равной мере, но все эти авторы включены в список заслуженно. Они своим творчеством доносят духовные, культурные ценности до

читателей, сохраняют их для будущих поколений.

Эти авторы сохраняют традиции великих русских писателей, пишут на хорошем литературном языке. При этом пишут они о том, что близко, понятно современникам, о том, что еще недавно мы слышали и видели в новостях, о том, что происходит рядом, о том, что пережили сами. Это произведения о родном, о близком, о важном.

Такие книги нужны нам сегодня.

ВЛАДИСЛАВ БАХРЕВСКИЙ

БИОГРАФИЯ

Владислав Анатольевич Бахревский родился в 1936 году в Воронеже, в семье лесничего. Семья много переезжала по стране — Горьковская область, Рязанщина. С 1948 по 1975 год жил в Орехово-Зуеве. Учился на литературном факультете Педагогического института (ОЗПИ). В. Бахревский руководил созданным им литературным кружком, а впоследствии возглавлял Орехово-Зуевское литературное объединение.

С 1975 года В. Бахревский жил в Оренбургской области, путешествовал по стране: бывал в Сибири, на Камчатке, Сахалине, в Карелии, на Алтае, собирая материал для своих книг. Работал корреспондентом районной газеты, сотрудничал с «Литературной газетой», печатался в детских периодических изданиях «Пионерская правда», «Пионер», «Мурзилка» и многих других.

В 1960 году вышла первая повесть писателя — «Мальчик с Весёлого». В 1967 году Бахревский был принят в Союз писателей СССР. За годы литературного труда им создано более ста книг как

для взрослых, так и для детей: повести о военном и послевоенном детстве, исторические романы, рассказы, сказки, миниатюры, стихотворения, переводы, биографические книги из серии ЖЗЛ. Многие из них переведены на иностранные языки и изданы за рубежом.

Лауреат премии Госкомиздата РСФСР «Лучшая книга года» — «Хождение встречать солнцу» (1969), Пушкинской премии «Капитанская дочка» — 1997, премии А. Грина — 2005, премии Александра Невского — 2006, премии П. Ершова за «Златоборье» — 2009, международной премии Владислава Крапивина — 2008, премии Рычкова — 2007 за «Бородинское поле» и др. Имеет диплом 2-й степени в номинации «Лучшая духовно-патриотическая книга» — за книгу «Героическая Азбука».

Писатель принимает активное участие в творческой и общественной жизни, является членом жюри различных литературных конкурсов, часто выступает перед читательской аудиторией.

ВООРУЖЕНИЕ ПРАВДОЙ

ИНТЕРВЬЮ

Многим читателям Вы известны как автор исторических романов. Скажите, чем лично Вас привлекает этот жанр, чем был обусловлен Ваш писательский выбор?

Более всего дорожу данным мне от Господа даром детского и юношеского писателя, но именно отсюда следует мой интерес к истории. История — поле битвы. Конца этой битве не будет до Страшного суда. Вот ведь в чем дело. Дети, и особенно юношество, принимают жизнь, когда жизнь — правда. Как писатель сражаюсь моими книгами за правду и заодно вооружаю моих юных читателей знанием истории. Те, кто прочитал мои книги, — хочу в это верить, — отстаивают правду не только сердцем и огнем мысли, но и убеждением знания. Это уже полководческое мастерство.

Каждый век русской истории драматичен по-своему, тем не менее беглого взгляда на список Ваших произведений достаточно, чтобы заметить Ваш особенный интерес к событиям русской истории XVII века. Чем обусловлен этот Ваш интерес?

В моем творчестве отражение получил не только XVII век, но вообще эпохи Русской Смуты. Например, эпопея «Святейший Патриарх Тихон». Однако верно то, что XVII век для меня ключевой. Наши историки, историки минувших времен, выполняя политический заказ,

а этот заказ существует с эпохи Петра, — «деяния преобразователя» называют великими. Но Россия стала великой территориально — до Петра. Духовно — до Петра. Нравственно — до Петра. Я и в молодости понимал: развенчивать петровские реформы бессмысленно, государственную трехвековую пропаганду не перешибешь. Поэтому я показал в девяти романах и четырех повестях, какой Россия была до Петра. Не петровский флот, который сгнил у причалов, открыл моря Ледовитого океана, Охотское море и множество рек северных и сибирских, стало быть, и земель, и народов, но русский коч. Не петровский моряк, а землепроходец царя Алексея, упрямо стремившийся встречь солнцу, дошел до Чукотки, до Камчатки, до Аляски, до устья Амура. Все петровские реформы без топора, палача, без измывательства над русской жизнью и верой провел царь-юноша Федор Алексеевич — утаенный нашей историей государь.

И еще должен сказать: романами и повестями о XVII веке я приготавливая себя к работе над книгой «Святейший Патриарх Тихон». Романом о Святейшем я исполнял заветную мечту своего детства и юности — сказать правду о нашей семейной истории и о моем дедушке, который был «тихоновцем» (эти книги написаны в 70-х — 80-х годах).

Какая книга, из недавно прочитанных или неречитанных Вами, произвела на Вас наиболее глу-

ИЗ БИБЛИОГРАФИИ ВЛАДИСЛАВА БАХРЕВСКОГО

Романы:

«Святейший Патриарх Тихон» (2001); «Детство Патриарха» (2008); «От Маковца до Сторожки» (2007); «Виктор Васнецов» (Серия «ЖЗЛ»); «Савва Мамонтов» (Серия «ЖЗЛ»); «Тишайший»; «Никон»; «Аввакум»; «Страсто-терпцы»; «Столп»; «Долгий путь к себе»; «Смута»; «Борис Годунов»; «Похороненный среди царей»; «Самозванец»; «Высшая мера» (К 75-летию Николая Корсунова)

Какое впечатление? Могли бы Вы поделиться своим впечатлением от этой книги с нашими читателями?

У нас целый материк обойденных вниманием книг. Я говорю о писателях своего поколения — поколения детей войны. В своих книгах мы говорили правду читателям и правителям о жизни матерей, отцов и всей нашей страны. Наши книги издавали как детские. А они о жизни народа. Но глазами детей. Перечитал «Голубую тень белого камня» Анатолия Домбровского, моего друга. Верю, творчество крымчанина Анатолия Домбровского дойдет до широкого читателя. Его книги — о юности, о философах Древней Греции. Возвращаясь к теме детей войны, ставших писателями, скажу что очень важны для нынешних подростков повести о военном детстве Альберта Лиханова, рассказы Василия Юровских, стихи Геннадия Хомутова.

Что касается новейших авторов, для меня бесценно творчество юных. Я не читал более

Детские книги:

«Молитва отрока Силуяна»; «Голубые луга»; «Пряха»; «Куличок»; «С моего крылечка — речка»; «Светличка»; «Отрочество Ивана Санина»; «Агей»; «Дядюшка Шорох и шуршавы»; «Дворец Золушки»; «Желуди»; «Журавлик»; «Кот в сапогах с секретами»; «Лекарство от семидесяти семи болезней»; «Тихая плакса»; «Нормальная температура»; «Златоборье»; «Собака на картофельном поле» и др.

сильных и честных стихов, чем стихотворение десятиклассницы Варвары Заблицкой из Оренбурга — ученицы Хомутова:

Детство — самое малое, что у нас отобрали.
Я не плачу о том, что у нас отобрали свободу.
Свободным на сто процентов может быть
только псих.

Не плачу я, даже глядя на жизнь своего
народа:

Слезами стране не поможешь,
Что проку людям от них!
...Но тот, кто еще в своем уме,
Рыдает вместе со мной,
Наблюдая в бессилии тщетном,
Как у нас отбирают разум.

Подобного в стихах наших нынешних девочек почему-то так много. И почти у всех тема самоубийства. Зачем жить, когда нет будущего...

Вот к этим писателям-читателям и надо идти с книгами о любви, о жизни народа нашего.

ЦАРЕВИЧ ДМИТРИЙ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА «СМУТА»

Проснулся румяный, глаза ясные, бровки черные, стрелочками.

— Встала зорюшка-ненаглядушка! Свет души нашей!

И впрямь будто солнце теперь только и взошло: полусонное, в шорохах да в шепотах царство угличского терема встрепенулось, задвигалось, с прискокочкой, с улыбочкой. Еще за миг до пробуждения царевича были все ленивы, упрямы, тупы — и разом сделались смышлены, охочи, ласковы.

Царевич повел глазами по опочивальне от пола до потолка. Усмешка играла на его розовых губах.

— Тут ли я спал всю ночь? — прищуря глаза, спросил Марью-постельницу.

— Как есть туточки! Туточки! — заворковала Марья.

— А теперь ты отвечай, готово, что ли? — крикнул он мамке Василисе.

Василиса, молча ожидавшая зова, попыла к постели, расцветая как куст шиповника.

— А ведь готово, батюшка.

— Готово?! — ахнул изумленно царевич.

Он всю неделю, просыпаясь, спрашивал про «свой» дворец, и его всякий день гневали: не готово.

— Шубу!

— А Богу помолиться? А покушати?

— Шубу, распроклятые вы рохли! Шубу, тотчас! Чтобы вот, вот, вот! Чтоб была, и все! И чтоб я был... в шубе!

Уже бежали, несли и шубу, и валенки, и всю прочую одежду.

На стену царевич поднялся один. Зыркнул на Осипа Волохова, и тот, расставя руки, загородил дорогу наверх жильцам, ровесникам и товарищам Дмитрия.

— Один хочет смотреть.

Ледяной дворец стоял посредине Волги.

Рождественское косматое красное солнце тянуло на себя облака, но облака были как птичий пух, и оттого с неба, потухая и вспыхивая, падали копьа и мечи пронзительного, слепящего света.

Сначала царевич только и видел, что свет с неба, сияние с земли. Но вот почудилось ему: копьа — перевернутые кресты. Кресты апостола Петра — символ Адама и грехопадения. Кресты-мечи были крестами Иисуса Христа. Лезвия уходили в снег, в холод, в воду, как в черную кровь, а рукояти-перекладыны были в облаках и над облаками. Змейка ужаса, извиваясь, заползала в самое сердце. Дмитрий, чтобы не спугнуть гада, осторожно подняла руку и — за грудь, чтоб хоть за хвост ухватить. Юркнула-таки и теперь вся была в нем, и он знал, что с ним нынче неотвратно приключится.

И стал покоен. И разглядел наконец хрустальный город. С башней, с луковками, с куполами, со стеной зубчатой.

— Москва! — узнал царевич. — Это же моя Москва!

Повернувшись к жильцам, топнул ногою.

— Да что вы там все как овцы! Живо! Ко мне! И ты, Осип! Живо, говорю!

Жильцы, десятилетние все ребята, Петрушка, Баженко, Ивашка, Гришка, взбежали на стену, и царевич, обнимая по очереди каждого левой рукой, правой показывал на дворец, приговаривал:

— Видишь? Вот и Кремль мой таковский.

И вдруг глаза его засверкали от злой, быстрой мысли.

— Оська! — позвал царевич Волохова. — Шли сторожей на Волгу. Пусть снежных баб катают. И чтоб каждая баба была точь-в-точь как бояре — враги мои. Самая толстая чтоб была как Бориска Годунов, а другая чтоб как дядька мой, бросивший меня, чтоб как Богдашка Бельский. И Шуйский чтоб был — Васька. И чтоб Васька Голицын и Федька Романов. А не получится похоже — буквами напишите. Ставь тотчас, мы на них воевать пойдем.

Осип Волохов испугался приказа, замешкался, не зная, как отговорить царевича. И, прочитав на лисьей роже Осипа все его сомнения, царевич завизжал от ярости, сдернул с руки стражника рукавицу и вцепился зубами в самые косточки. Осип терпел, не позволяя себе оттолкнуть отпрыска царя Ивана Грозного. И царевич остыл, поскуцнул, потух глазами.

— Ступай, тебе говорят! — притопнул, прикрикнул, но уже без пыла, без гнева и без желания.

Их царские величества кушали завтрак особо, не сажая за свой стол меньших людей. В Угличе царских величеств было мать да сын: вдовая царица Мария Федоровна да царевич Дмитрий Иоаннович.

Одегая, будто ей быть пред очи Иоанна Васильевича, царица и сына приказывала одевать

ЦАРЕВИЧ Дмитрий. Художник М. В. Нестеров

в царское платье. И сидели они друг перед другом в ризах, с жемчугами и камнями, и кушали с золотых тарелей, и пили из золотых братинок.

— Хорош дворец-то? — спросила матушка. Дмитрий улыбнулся, тонкое личико его на высокой тоненькой мальчишеской шее осветилось благодарной нежностью.

— Потому и не показывали тебе, пока строили. Чтоб полной красоте порадовался.

— И хорошо, что не показывали. Я смотрел, смотрел и Кремль узнал.

— Боженьке молись! Боженька дарует тебе и Кремль, и все царство наше.

— А царя все слушают?

— Такого, как батюшка твой, как Иоанн Васильевич, — все! — Мария Федоровна тоже головку подняла, подалась в прошлое, и на

потолстевшем лице ее проступил лик юной красавицы. — Все, мой государь! Царь Иоанн — не Федор-дурак! То царь Грозный! Царь Великий!

В царевиче вскрутилось все его нехорошее: дикая ревность окатила его кипятком ненависти. Вдруг спросил:

— А мухи царя слушают?

Матушка побледнела, огромные глаза ее заволокло слезами. Царевич сорвался со стула, кинулся матушке на грудь, целовал в щеки, в глаза.

— Прости! Прости! Прости! Буду Грозным! Буду Великим! Буду, буду, буду... твоим. Каким хочешь, таким и буду.

Они снова трапезничали, чинно, тихо.

— Головка у тебя не болит? — спросила матушка, запивая маковый пирожок вишневым медом.

— А что ты про головку спрашиваешь? — словно через пух птенца пошла расти огромные иглы дикобраза.

— Тебе Осип сказал? Говори! Осип!

Взбрался на стул с коленками, шарил руками по столу, схватил ложку.

— Предатель! Сказал, что я кусал его! Сказал?! Я его сейчас вот и зарежу. На куски, на куски, на мелкие кусочки!

— Государь! — крикнула на сына Мария Федоровна. — Опомнись! Я не видела нынче твоего Осипа.

— Не видела? — удивился Дмитрий и посмотрел на ложку в руке. — Ишь чем хотел зарезать.

И засмеялся. И матушка засмеялась. И они долго смеялись. Так долго, что царевич заплакал:

— Мама, я хочу быть добрым. Я добрый, но змея опять в грудь ко мне забралась. Уж такая черная.

Матушка подошла к сыну, отерла ему слезки своим платочком. Шелковым, голубым, пахнущим сеном.

— Поди на реку, к хрустальному дворцу, поиграй!

Ребята, малые и побольше, были уж все на реке, катали снежки.

— Делиться не будем! — сразу объявил царевич, указывая на слободских ребят, топящихся на берегу. — Осип! Скажи им, чтоб шли защищать дворец. А мы им покажем, где раки зимуют!

И вот уж армии построены. Впереди слободских попович Огурец. По отцу прозван. Ему тоже весен девять-десять, но весь он круглый, плотный, на голову выше ребячьей мелкотни.

Впереди теремных — Дмитрий. Он идет пригибаясь, шаг у него кошачий. Окидывает быстрыми глазами «неприятелей», ищет, где слабее.

— Петрушка! — Петрушка подбегает к царевичу. — Возьми пятерых и обходи их сзади.

— Да они же видят!

— И хорошо, что видят. Будут оборачиваться. Ивашка!

Ивашка тут как тут.

— И ты бери пятерых. И тоже обходи дворец. Петрушка! Ты веди своих с правой руки, а ты, Ивашка, с левой.

Немудреный маневр и впрямь смутил слободских. Заоглядывались, отрядили чуть не половину тыл беречь.

А Дмитрий со своими бегом, чтоб наскоком напугать. Полетели снежки. Царевич остановился.

— Назад подайся! — приказал теремным. Сам выступил перед войском слободских. —

Кидайте в меня! По очереди. Кто попадет, получит копейку!

Слободские рады стараться. Царевич — как соенок. Телом замер, а ноги мелко переступают. Прыжок. Уклон. На лед кинулся. Откатился. Весь в снегу, но ни один снежок не попал в него.

— А теперь выставляйте мне своего поединщика!

Слободские притихли.

— У тебя ножик!

— Баженко! Держи нож.

— А коли у тебя кровь будет, нас под кнут подведут.

— Осип! — И Осип вот он. — Если кто скажет, я тебе глаза выдеру.

От слободских, подталкиваемый товарищами, выдвинулся Огурец.

— Кто с ног слетит, тот и «покойник». И чтоб потом не драться.

— Без драки! — согласился царевич.

Он подступает к Огурцу замысловато, прыжками, и тот улыбается добродушно и мирно. Царевич обманно клонит тело влево, а правой рукой вдруг резко толкает Огурца в грудь, но ему — это мушиный наскок. Хватает царевича за плечи, тянет к себе. И царевич понимает, что не вырвется, что Огурец и Осипа, пожалуй, заломает. И, когда объятия силача смыкаются на поясице, Дмитрий, поднявши руки, выныривает из шубы и шапки и, отскочив прочь, стоит пригнувшись, дрожащий, как пружинка.

— Простудисься! — кричит Осип.

Царевич вдруг взвизгивает, взвизывается в восторг и, головой вперед, как ядро обрушивается на бедного Огурца. Огурец, обнимая мягенькую царевичеву шубу, лежит спиной на снегу, и на его лице огромное уважение.

— Ух зол! Как рысь! Никаким злом тебя не переzeеешь! — Царевич подает Огурцу руку, помогает подняться. Надевает шапку, шубу. И кричит своим:

— Все! Битвы не будет. Мы в дружбе с Огурцом.

И целует побежденного.

— Я тебя в мою дружину беру.

Огромные бояре-бабы стоят над ребятейней как великаны.

— Круши! — кричит царевич. — Но Годунова мне. Годунова я сам.

Пинает бабу так и сяк и, подхватив услужливо поданную Осипом длинную палку, тычет Годунову в глаза, в лицо, а потом, изловчась, со свистом сносит башку.

— С одного взмаха! — хвастает он Осипу, и на щеках его мороз, глаза смеются, но Осипу страшно. Попробуй поверь, что этот ребятенек ребятенек и есть. Попробуй только забудься, хоть на мгновение. Иоанново отродье, да еще и Нагих.

Ради пресветлых рождественских дней обедали всем семейством. Царица с царевичем сидели за Главным столом, за Большим, соблюдая старшинство, Нагие, игумены монастырей, священники. Еще за одним столом, за Косым, теснились царицыны золовки с детьми, мамки и вся высшая дворцовая челядь.

Лица у старших Нагих были желтые, глаза неспокойные, то желчь отравляла им кровь, то страх заставлял искать вокруг себя опасность.

Савватий, игумен Алексеевского монастыря, прочитал молитву, и трапеза началась.

Дмитрий жадно пил брусничной настой, медовую анисовую воду, но к еде только притра-

гивался. Не хотел кормить свою потаенную змейку. Пусть опьется и подохнет.

Думая о змее, царевич разглядывал игуменов. Они каждый день стоят перед святыми алтарями и все-то вместе уж могли бы изгнать из него черного гада. Давид, игумен Покровского монастыря, чрезмерно тучен. У него даже руки как подушки, но пальцы почему-то не ожирели и будто взяты от другого человека. Этот не спасет. Савватий такой белый, блее Симеона Столпника на иконах. Он и теперь сидит улыбаясь, как блаженный. Но сторож Чуча говорил, что Савватий притворщик. Монахи на глаза ему боятся попадаться. Всякое дело он обязательно заставит переделать и всякому отдыхающему съест тяжелую работу.

Место воскресенского архимандрита пусто, он обещал быть и будет. Он любит явиться особо, чтоб все на него глядели и удивлялись его молодости. О Москве размечтался, но и промахнуться страшно, а потому, почитая себя самым умным и хитрым, угождает и перед Борисом, и перед теремом.

Голова у царевича вдруг взмокла, по вискам за уши покатались капли пота. Вспомнил, что рассказывал ему об отце уксусник Якимко. Об отце Дмитрий, наверное, всякого в тереме спрашивал, и каждый что-нибудь да рассказывал. А Якимко про семерых монахов, которые хотели извести государя. Этих монахов выводили по одному в деревянную клетку и в ту же клетку пускали, раздразив, разъярив, медведя. Монаху давали крест, чтоб, коль праведен, крестом унял зверя. И давали копьё, чтоб защитился. Шесть медведей разодрали шестерых монахов: кишки по всей закуте валялись. Медведей стрельцы тотчас били из пищалей, и все было красно от

крови. Седьмой монах упер копьё в землю, пронзил медведя, но огромный зверь дотянулся до бедного, заломал. Оба и легли замертво.

Такое вспомнить за рождественским столом! Царевича душили слезы. Икая, он пил брусничную воду, чтоб только не разрыдаться.

И, как само спасение, явился Феодорит со старцем Елимой — знаменитостью Воскресенского монастыря.

Елима — значит молчание, и старец молчал девять лет и заговорил в тот день, когда в Углич препроводили из Москвы царицу, царевича и Нагих.

Старец был похож на доску.

— Благослови, отче! — попросил Феодорит Елиму и сам поднял у старца руку-плеть.

Первым благословился царевич, потом царица, скороговоркою испрашивая у святого облегчения для себя:

— Кожа у меня что-то лупится. Волосы падают. Ночами совсем не сплю.

Старец крестил, светя глазами, и все старались поболее уловить этого света.

За стол Елима сесть не пожелала, а может, и не посмел, сел на пол, в угол, напротив икон. Тогда и Дмитрий, прихватя братину с брусничной водой, пошел и сел рядом со старцем. Все тихо радовались столь прекрасному единению детства и святости.

Феодорит, сотворив молитву, занял за столом свое место и, отдавав царского кушанья, заговорил на темы высокие, богоугодные:

— Не могу нынче не вспомнить чудесных словес Дионисия Ареопагита, который ради того, чтобы лицезреть Богоматерь, совершил далекое и опасное путешествие из Афин в Иерусалим. Нам, грешным, Матерь Иисуса Христа и

во сне не приснится, разве что таким подвижником, как отец Елима. Ему трижды являлась Заступница наша.

— И мне являлась, — сказал вдруг Дмитрий.

— Свечка Божия! Овечка золотурная! — Старец Елима поднял невесомую руку свою и возложил на голову царевича.

Все замерли, не зная, как подумать об услышанном, но ловкий Феодорит, рокоча прекрасным голосом своим, заполнил палату до краев:

— Преславный и пресветлый царевич! Послушай же алмазы речи, дарованные нам святым Востоком и научающие нас умению изливать восторг к святости всего сонма праотцев и праматерей наших. Вот что изрек Дионисий о своем посещении Иерусалима и Богоматери. Помню слово в слово: «Свидетельствуюсь Богом, что, кроме самого Бога, нет ничего во Вселенной, в такой мере исполненного Божественной силы и благодати. Никто из людей не может постигнуть своим умом то, что я видел. Исповедую перед Богом: когда я Иоанном, сияющим среди апостолов, как солнце в небе, был приведен пред лицо Пресвятыя Девы, я пережил невыразимое чувство. Передо мною заблестало какое-то Божественное сияние. Оно озарило мой дух. Я чувствовал благоухание неопределимых ароматов и был полон восторга, что ни тело мое немощное, ни дух не могли перенести этих знамений и начатков вечного блаженства и небесной славы...» Так писал Дионисий Ареопагит учителю своему апостолу Павлу. Помолимся же!

И все встали и помолились. Дети и женщины ушли, старец Елима заснул, но пир не иссяк, а только начался. Царевич не пожелал оставить Елиму, так и сидел с ним в уголке, слушая взрос-

лых. Говорили о польских посланцах. Послы приехали с укорами, государь-де Федор Иоаннович нарушил перемирие, взял шведские города. Федор Иоаннович в прошлом году, хоть и нездоров всегда, ходил на войну и отвоевал свою, государеву, отчину: Ям, Копорье, Ивангород.

— Поляки — тьфу! — торгаши! — Старший из Нагих, Михаил Федорович, каждое слово выкрикивал, словно его обидели. — Просили себе в утешение Смоленск, а сошли на то, чтоб им хоть одну деревеньку уступили.

Феодорит, выказывая особую свою осведомленность, молвил нарочито спокойно, закатывая глаза к потолку:

— Государь хочет заключить перемирие на двенадцать лет и будет обещать во все двенадцать лет не трогать ливонских городов, которые ныне за шведской короной, но которые шведы обещают уступить короне польской.

— Ничего бы этого не было, никаких переговоров, коли бы наш Дмитрий сидел ныне в Варшаве! — дергаясь лицом, закричал Андрей Федорович. Нагие все кричали, будто иначе и говорить нельзя. — Поляки сами хотели Дмитрия! А кто помешал? Кто?!

— Кто? — усмехнулся Михаил, глядя на игуменов нехорошими глазами. — Кто?

Игумны помалкивали.

— Федыка-дурак! — крикнул царевич из своего угла и разбудил старца Елиму.

— Его царское величество государь Федор Иоаннович, — степенно зарокотал Феодорит, — поискал польской короны для своего царского величества.

— Морок это! Морок! — вскипел наконец и Григорий и стал совсем уж как желток. — Что, Федор Иоаннович не знал, какую цену поляки

с него запросят? И ладно бы одними деньгами! Им и душу подавай. Короноваться — в Кракове. Писаться в титуле сначала королем польским, потом великим князем литовским и уж в третьих — московским царем всяя Руси. А прежде этого надо было еще и веру переменить!

— Да, я помню, — согласился Феодорит. — Я помню слова, сказанные паном Христофором Зборовским: «Москвитяне до того гордый народ, что им важно, как, кто и где шапку снимет. Могут ли они согласиться, чтоб их царство прилепилось к нашему королевству. Они скорее захотят приставить Польшу к Московии, как рукав к кафтану».

— Будь Дмитрий на Польском царстве, все бы иначе было. Никто бы ни к кому не лепился, — перебил архимандрита Михаил Нагой. — Но царь Федор велел послам польским рты заткнуть, как только заикнутся, чтоб им дали Дмитрия. Дмитрий-де летами мал.

— Ну чего, чего убогого Федора зазря поносима поносить? — почти шепотом сказал Андрей. — Все те наказания и проказы от Годунова. Господи, хоть бы он ноги-руки себе сломал за все свое злодейство! Хоть малым наказанием накажи ты его, змеюгу, Господи!

Игумены ерзали на своих мягких стульях, и было им очень неудобно и страшно.

Старец Елима, наклонясь, разглядывал личико Дмитрия.

— А глазки у тебя хорошие. Душой страдаешь. Черно в душе, а глазки хорошие. Доброго жаждают, чистого. — И, наклонясь еще ниже, спросил: — Говорят, ты кошек до смерти мучаешь?

Царевич опустил голову, но молчал.

Его снова выручил гость, как давеча Феодорит спас от слез. Приехал из Москвы Иван Ло-

шаков, сын боярский, царицын слуга. Привез царице от немецких дохтуров лекарств и снадобий.

— Царь Федор ныне с постели не встает. Вся Москва про то говорит. И дохтур мне сказывал: совсем государь расслаблен и едва жив.

До того в палате тихо сделалось, что стало слышно, как дышит на голове Елимы незаросшее с младенчества темя.

— Вина налейте! Фряжского! Всем! — хрипя, как лошадь, выдал из себя Михаил.

— Мы к нашей братии! Пора! Засиделись! За здравие царя помолимся, за царевича с царицею! — вскочил резво на ноги белый как лунь игумен Савватий.

Игумены тотчас все поднялись, покрестились на иконы, подхватили под руки старца Елиму и чуть не бегом бежали.

В тереме же пошло нехорошее веселье, питье вина безмерное.

Дядя, подхватив Дмитрия, поставили его ногами на стол и ходили кругом, приплясывая, руками размахивая, целуя полы платья царевичева. А он взял да и сомлел, голова закружилась, ноги подкосились. Упасть ему не дали, отнесли, как драгоценность, на его высокую мягкую постель.

— Кошку хочю! — попросил царевич.

Ему принесли кошку.

— Пусть кормилица Иринушка сказку мне скажет.

Пришла и кормилица, села на кровать.

— Обними меня! — попросил царевич.

Обняла, в головке вошек стала искать. Вошки хоть редко заводятся, да пальцы у кормилицы ласковые — приятно. Царевич гладил кошку. Белую как снег, с глазами синими как ночь, гладил и слушал. Сказка течет, кошка мурлычет,

кровь стучит по жилочкам в обоих висках. Сказка за сказкою.

— Макарка Счастливый за ночь по десяти неводов полных рыбы вытаскивал, — сказывала кормилица. — Да вдруг так случилось, что ни одной рыбки не сыскал во всех своих неводах. Догадался Макарка, в чем дело, пошел на реку ночевать, под лодкой.

— Подожди! — остановил Дмитрий. — А мальчик, которого приносят в мою постель, где живет?

Кормилица обеими руками рот себе закрыла, головою затрясла.

— Нет, ты скажи! — Царевич оттолкнул от себя кошку и, больно схватив кормилицу за волосы, притянул ее голову к своему уху. — Говори! Я его видел? Я его знаю? Говори же!

И драл волосы, и впивался ноготками в кожу, и, ткнувшись лицом куда ни попадя, укусил за живот.

— Прочь пошла! — пхнул ногой. — Я сам все знаю. Я все знаю.

Выпрыгнул из кровати, помчался к мамке Василисе.

— Одевай! На речку хочу! Хочу на дворец смотреть.

Василиса спешит к царице за разрешением, согласие дадено, царевича одевают. И вот он стоит посреди Волги. Один. Так приказано им, чтоб никто не смел на лед ступить хоть за версту.

Святки еще впереди. Небо как пропасть, и Млечная река в той пропасти, белая от звездной пены.

Хрустальный дворец на белом снегу наполнен той же бездной, что небо. Черным-черен.

— Домой! — приказывает царевич. — Пусть от Зиновии приведет Уродину Дуру.

Забавную дурочку сыскал племяннику на потеху дядя Андрей Федорович. Жила Уродина Дура в покоях жены Андрея.

Царевич валенок не успел снять, а Дура уж вот она, доставили.

Это была молоденькая баба, с личиком милым, милым, милым, но росточка она была крохотного, с тот же валенок, зато женскими признаками наделена сверх меры — груди огромные, зад круглый, тяжелый.

Потеху придумал Осип Волохов. На Уродину Дуру напускали свору щенят. Щенята лезли играть, Дура от них отбивалась, щенята свирепели, хватили за платье, тянули, рвали. Дура Уродина, охая, прикрывала оголенные места и, наконец изнемогши, валилась на пол. Щенки же принимались облизывать ее, и это было так уморительно, что царевич смеялся до икоты.

Потеха и нынче была точь-в-точь, но затейник Осип, для пущей забавы, принялся втолковывать Уродине Дуре небывалое:

— Да ты сообрази! Ты ведь и есть мать щенят! Это ты их нарожала! Сама! Покорми же их! Покорми!

И, обрывая платье на груди Уродины Дуры, сунул к ее соскам двух совсем еще крошечных кусят, и те прильнули, зачмокали.

Царевичу такая игра не понравилась.

— Убери собак, сагана! — крикнул он Осипу. — Да наклонись! Наклонись! На колени!

Осип стал на колени, и царевич ударил его ногой в лицо.

Мамка Василиса, глядевшая на потеху через щелочку, так и всплеснула руками.

— Адамант! Кромешник! Весь в батюшку своего!

Царевичу было не по себе. Он чувствовал — змейка, заползшая в него, уже обернулась Черной Немочью, и он не хотел, не хотел смириться перед нею. Он побежал в Столовую палату, к матери, но у дверей увидел согнувшегося над потайным глазком дьяка Михайла Битяговского. Царевич отстранил дьяка и сам прильнул.

— Чего они там?

— Я поздравить государыню пришел со святым праздничком! — залепетал Битяговский. — А войти боюсь. Твой дядя ведуна привел. Андрюшку Мочалова.

Царевич видел часть стола, синюю рубашку ведуна, корявые руки, большую братину, яичную скорлупу на столе.

— А что он делает?

— Твои дядья яйца на теле своем выкатывают, а он яйца бьет и глядит, как они в воде расходятся. Я-то ведь поздравить пришел...

— И что потом будет? — перебил царевич дьяка.

— Уж не знаю чего. Хотят выведать, долго ли жить государю Федору Иоанновичу.

— Батюшки-матушки! Ты послушай, Михайло! Ты послушай, что ведун скажет. — Царевич сказал это серьезно, отошел от двери крадучись.

А Битяговский только глазами моргал. Лишь мгновение спустя кинуло его в жар да в холод: царевич-то знает, чей он, Битяговский, человек. Как разыграл дурака. Вот уж воистину царская природная кровь!

— Михайло! — окликнул царевич дьяка, пряхась во тьме теремного перехода.

— Что, царевич?

— А тебе очень хочется зарезать меня?

И топот ног, улетающих от самой смерти. Царевич бежал, снося все, что возни-

кало на пути его. Голосок его звенел отчаянием и ужасом.

— Кормилица! Скорее! Сказку!

Кормилица прибежала, уселась, обняла своего бедняжечку.

— Сказывай! Сказывай! Про Макарку Счастливица.

— Макарка, сидя под лодкой, подслушал разговор трех чертей, — продолжила кормилица оборванную давеча сказку. — Узнал он, куда рыба делась, узнал, как отомкнуть в колодце заветную жилу и как спасти царицу, на которой черт за ночь три платья раздирает.

— Дальше! Дальше! О счастье! — требовал царевич. — О счастье скорее.

— Сидит Макарка перед дверью царицы, — спешила убажить миленького кормилица, — а черт вот он! Принес Макарке орехов. «Пощелкай! Вкусные!» Думал, Макарка зазевается, а он в дверь и проскочит. А Макарка черту свои орехи подает, железные. «Пощелкай и ты!»

Пот заливал глазницы царевичу. Он уже не мог больше противиться тому, что много, много сильнее его. Железными орехами был полон рот, не черта, его рот.

— Не нужно! — сказал он кормилице. — Не хочу я таких орехов! Не хочу орехов. Никогда!

Тело напряглось и стало каменным, хоть коней по нему проводи, хоть карету.

И тотчас обмякло, сжалось, полетело в пространство, плещась, как плещется Волга в берегах. И его, царевича, уже не было в теле, и не было его, отрока Дмитрия, на грешной земле среди сонмища грешников. Он бежал по облакам, выше и выше. И при солнце звезды скатывались по его плечам и по груди, и он брал иные в руки и кидал перед собою на дорогу, которая

никуда не вела и которой не было никакого предела.

Когда царевича перестало бить и корчить, его взяли с постели и отнесли в потайную комнату, а на его постель уложили другого мальчика. Поповича, младшего брата Огурца.

Падали снега и сомлели под солнцем, сверкал ледяной дворец на Волге, да уплыл. Пришла весна в город Углич. В Угличе света с неба, как только в Угличе — высоко стоит над большой водой. А уж зелено! А уж водою-то как пахнет волжской! Кто раз вдохнул того воздуха, не забудет вовек.

Царевич всю зиму болел, а с солнышком стал выправляться. 13 мая 1591 года, в день мученицы Гликерии и с нею темничного стражника Лаодикия, с Дмитрием опять приключилась падучая болезнь. Припадок был недолгий, и в пятницу, на день преподобного Пахомия Великого, столпа пустынножительства, царица Мария Федоровна взяла царевича обедню стоять. День выдался хороший, теплый, да служили долго. Приморилась царица, и царевич личиком поскучнел. Оттого-то Мария Федоровна, уходя к себе на Верх, сына на дворе оставила, погулять, поиграть с ребятами, с жильцами. С приятелями его: с Петрушкой, сыном постельницы Марьи Колобовой, с Баженко, сыном кормилицы Ирины Тучковой, с Ивашкой, сыном стражника Красинского, с Гришкой, сыном стражника Козловского. Кормилица Ирина тоже во дворе осталась, при царевиче, да еще спальница Марья, да мамка Василиса Волохова. Ребятки затеяли через черту играть, ножиком, в «тычку».

И на том нашему сказу конец. Не успела царица в покои свои ступить — закричали во дворе, будто резали кого...

КРЫШКА раки царевича Дмитрия.
1630 год, мастер Гавриил Овдокимов

Подошли мы к тайне тайн XVII века. К «Угличскому делу», к следствию поспешному и лукавому.

Высокая комиссия: митрополит Сарский и Подонский Гласий, князь Василий Иванович

Шуйский, окольный Андрей Петрович Луп-Клешнин, думный дьяк Елизар Вылузгин — приехала в Углич во вторник 19 мая. Приехали ради дела царевича и ради дела дядьев его и матери. Люди Нагих убили у царицы на глазах двенадцать человек. Да еще мамке Василисе Волоховой сама царица и помощник ее Григорий Федорович проломали поленом голову и бока крепко помяли.

Девяносто четырех свидетелей опросили следователи. Архимандрит и двое игуменов просили записать так: «Слуги прибежали, сказали: царевича убили, а кто — неведомо». Еще трое объявили, что царевича зарезали. Восемьдесят восемь дворовых людей: дети боярские, жильцы, повара, сенные сторожа, конюхи, курятники, помясы, путейщики, истопники и прочие, прочие — показали едино: царевич покололся сам.

Многим ли не верить? Мы и поверили бы, да только из восьмидесяти восьми человек беду видели семеро. Кормилица Ирина Тучкова, постельница Марья Колобова, двое их сынишек, игравших с царевичем, и еще двое мальчиков-жильцов. Седьмой, Семейка Юдин, во дворе не был, стоял у поставца, посуду к обеду готовил. Семейка через окно глядел, как царевича «долго била падучая».

Больше других высокой комиссии наговорила царевичева мамка Василиса Волохова: «Царевич играл ножом. Тут пришла на него черная болезнь и бросила его о землю, и тут царевич сам себя ножиком поколол в горло, и било его долго, да тут его и не стало».

И никто, ни Шуйский, ни Клешнин, ни Вылузгин, не спросил мамку: «Что же ты глядела, не поторопилась к царевичу, коли било его долго да все о ножик?»

Малые ребята, игравшие с Дмитрием, показали, что во дворе были кормилица и постельница, Василису Волохову они не видели.

Почему не кинулись на помощь царевичу? Испугались. Страшно на падучую глядеть, а кровь хлынула, ноги сами собой к земле приросли.

А куда постельница с кормилицей глядели?

Не с голыми ли руками кинулась на злодейские ножи кормилица? Умирал отрок на ее груди, последняя ласка ему — от нее, от Иринушки Тучковой.

Странное дело! Василиса Волохова за правду свою получила от Годунова имения, а кормилица оковы. Показала смиренно, как все, — «царевич покололся сам», но заковали, языки укоротили и с глаз долой. Многим в Угличе языки тогда порезали да свели за Уральские горы на речку Пелым. Такая была справа и расправа, что город Углич запустел на долгие годы.

Трое, сказавшие комиссии, что царевича зарезали, были братья Нагие. Михаил хоть и не видел сам, как все приключилось, но убийц назвал твердо — Осип Волохов, Никита Качалов, Данила Битяговский, сын дьяка Михайла Битяговского — соглядатая Годунова.

Но в показаниях братьев тоже непонятный разнобой.

Андрей сообщил следователям, что застал царевича на руках кормилицы мертвым. Он был рядом, в тереме. Григорий прибежал во двор из города, услышав всполошный звон колокола, значит, много позже Андрея, но показал, что царевич был жив, что он на ножик «набрушился сам в падучей болезни». Когда же во дворе появился Михайло Битяговский, стали говорить,

что царевича зарезал его сын Данила. А кто говорил — неведомо.

Документы эти читаны-перечитаны историками, но можно ли доверять следствию? Свидетели говорили «черное», а дьяки записывали «белое».

Разве не подозрительно: на листе после показаний Григория Нагого стоит приписка: «К сем речам отец духовный Григорья Нагого царе константиновской поп Богдан руку приложи», а на обороте листа подпись Феодорита. Подписи самого Григория нет, как нет ее и на показаниях Михаила Нагого.

Как могли следователи не спросить о ноже? Ведь, наверное, тот нож, которым царевич «покололся», сохранили бы в веках, останься он на месте трагедии. Если ножа на месте не было, значит его убийца унес?

Что еще страшно и странно. Уродину Дуру, которую держали для потехи царевича, царица приказала убить через два дня после смерти сына: она-де и портила царевича. Если Мария Федоровна мстила, значит признала — падучая погубила Дмитрия.

Доверяя одному Галасию, царица сказала ему: «Приключилось дело грешное, виноватое», — но то она признала вину своих братьев, умертвивших двенадцать человек да еще приказавших слугам вкладывать мертвым в руки оружие и мазать кровью.

Можно еще предположить, и предполагали: Нагие сами убили «царевича», не Дмитрия, а подменного, поповича. Дмитрия они увезли и спрятали...

Такие вот они, российские темные дела. Но что замечательно — темное, совсем даже чер-

ное, у нас, у русских, оборачивается великим светом. Свят царевич Дмитрий. Свят.

И в том разгадка черного дела. Будь Годунов безгрешен, молва обелила бы несправедно обиженного. Ан нет! И сам погиб в ужасе перед нашествием живого призрака Дмитриева, и жену погубил, и весь род свой.

О младенцы! О пресветлые отроки русские, отданные на заклятие!

Коли бы не убили Дмитрия, не убили бы и Федора Борисовича, зверски. И не есть ли мученическое убийство царевича Алексея, последнего из прямых наследников Дома Романовых, расплата за казнь невинного младенца Ивана, сына русской царицы Марины Мнишек? Первый же Романов, сам едва не отрок, запятнал и заклал казнью и Дом свой, и всю Россию. Младенцу было четыре года — повесили, не ужаснулись.

За грехи Иоанна Грозного род истребился и сгинул. Но кровавая точка, поставленная в Угличе, прожгла пророческий свиток насквозь и обернулась зародышем бури, черной, пахнущей сгоревшими людьми. Эта буря кружила над нашей землей целое столетие. И уничтожились вера и патриаршество, и погас в народе свет Духа Святого.

А чем обернулось заклятие царевича Алексея, который тоже есть точка в свитке Судеб, мы уже не по былинам, не по сказаниям Бояновым знаем.

Да помилует Господь русский народ, утишит Русскую землю.

Да соединятся святые Небеса с очищенным от скверны Отечеством нашим.

Нам молить, а миловать Господу...

ПРОТОИЕРЕИ АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВ

БИОГРАФИЯ

Протоиерей Артемий Владимиров родился 21 февраля 1961 года в Москве.

В 1983 году закончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «Русский язык и литература».

В 1985-1996 годах преподавал Новый Завет, старославянский и русский языки, а также стилистику русского языка в МДАиС.

18 июля 1987 года рукоположен во диакона, а 7 января 1989 года — во иерея.

С 1991 года — настоятель храма Всех Святых бывшего Ново-Алексеевского монастыря.

Награжден орденом святого благоверного князя Даниила Московского III степени (в 2001 году) и орденом святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского III степени (в 2006 году).

В 1988-1997 годах был духовником и преподавателем Закона Божиего в православной гимназии «Радонеж». В церковно-приходской школе при храме Всех Святых проводит уроки благочестия и вечерние беседы для взрослых по Ветхому и Новому Заветам. Является законоучителем Елизаветинской гимназии при Марфо-Мариинской обители.

С 1985 года в ПСТБИ преподавал гомиетику и был заведующим кафедрой гомиетики. С 2009 года в ПСТГУ преподает искусство речи.

С сентября 1996 года является заместителем декана и преподавателем факультета православной культуры Академии ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого.

Отец Артемий ведет активную миссионерскую деятельность, регулярно выступая на радио и на телевидении, в прессе. С 1988 года еженедельно участвует в передачах прямого эфира на православной радиостанции «Радонеж». Постоянный участник передач на православных телеканалах «Спас» и «Союз», а также на Рязанском телевидении.

В декабре 1995 года на ежегодной акции «Лица года», учрежденной работниками прессы, священнику Артемию Владимирову было присуждено звание «Просветитель года».

Отец Артемий — постоянный участник Международных Рождественских чтений, Сергиевских и Кирилло-Мефодиевских чтений в МГУ им. М. В. Ломоносова, Знаменских — в Курске, Питиримовских — в Мичуринске и

Тамбов, Катковских — при храме Всех Святых бывшего Ново-Алексеевского монастыря.

Возглавляет просветительский центр «Артос», который издает книги, аудио- и видеопродукцию духовно-нравственного содержания.

По благословению священноначалия отец Артемий часто посещает с просветительскими целями города России и зарубежья, особенное внимание уделяя теме воспитания подрастающего поколения. В учительской, студенческой и детской аудиториях его выступления проходили во многих епархиях Русской Православной Церкви — от Якутии до Калининграда. Среди городов, регулярно принимающих про-

тоиерея Артемия: Курск, Екатеринбург, Рязань, Петербург, Казань, Волжск, Тольятти, Таганрог, Краснодар, Мичуринск, Алатырь, Минск, Витебск, Полоцк и др.

В марте 2010 года принял участие в пастырской конференции, организованной Восточно-Американской епархией (США).

Отец Артемий является членом Союза писателей России с 2000 года. Свои статьи он регулярно публикует в следующих периодических изданиях: «Журнал Московской Патриархии», «Русский дом», «Православная беседа», «Радонеж», «Православная Москва», «Лампада», «Ступени», «Зорька» и др.

СВЯЩЕНСТВО — ЭТО «МОЕ ВСЕ»

ИНТЕРВЬЮ

В написанных Вами книгах, которые можно отнести к разряду именно священнической вероучительной литературы, постоянно встречаются апелляции к русским писателям-классикам. Для Вас это риторический прием, позволяющий быть ближе к светской аудитории? Ведь, при желании, подходящие примеры и цитаты можно найти и в святоотеческой литературе.

Духовное и нравственное состояние русской пастыри постоянно меняется, что особенно заметно при сличении литературных произведений XIX, XX, XXI столетия. Мы живем сейчас в

такой век, когда обыватель может быть совершенно оторванным от культурного наследия и отечественных традиций. Поэтому обращаться к нему нужно очень осторожно, я бы сказал, выверенно. Современный русский писатель должен разбираться в психологии восприятия своего слова, призван любовью проникать в душевное устройство читателей. Плохо, если его слово не попадает в десятку. Вот почему, питаясь святоотеческими мыслями, мы, трудящиеся на ниве православного просвещения, не всегда явно цитируем святых отцов, но прибегаем к многочисленным аллюзиям, то есть пересказываем их речения собственным языком.

Что касается русских писателей-классиков, то обращение к их творчеству является для меня не просто риторическим приемом, имеющим целью украсить собственную речь. В эпоху постмодернизма, когда на глазах распадаются и «форма» и «содержание», необходимо врачевать сознание современников, возбуждать в них эстетическое чувство, высвобождать их сердца из-под тяжкого груза. Что я имею в виду? Прежде всего, загрязненность сознания низкопробной лексикой, усвоение штампованных оборотов вульгарной речи. Ведь не секрет, что даже студенческая молодежь в общении друг с другом не гнушается сегодня ушлых и пошлых, грязных и грешных «словес». Вот почему литературные цитаты из нашего классического наследия суть лекарства, благотворно воздействующие на натруженные и воспаленные, наэлектризованные людские души.

И последнее. У каждого человека свой образ бытия и свой стиль словесного общения. Может быть, в моем случае сказывается многолетняя практика преподавания русской словесности. Ведь до поры до времени вся наша страна изучала одни и те же литературные произведения с первого по выпускной класс. А это значит, что приводимые мною образы и примеры из школьного курса литературы всем понятны.

Вы относитесь к необыкновенному поколению русского священства, поскольку Вы один из тех, кому выпало совершать свое служение вслед за исповедниками и мучениками. Подвижники и подвижницы Алексеевского монастыря, конечно же, для Вас свои, родные люди. Поэтому было бы интересно узнать о Вашей литературной деятельности и Ваших планах на этом поле.

Священство — это «мое все». Это идеал и призвание, это трудничество и жизненное поприще, это служение и источник вдохновения. У нас на Руси Великой, и особенно в XX столетии, священство никогда не воспринималось как узкая специальность, профессия, а тем паче ремесло. С моей точки зрения, мыслить так было бы сущим грехом. Священство всегда было подвижничеством. Подвиг и мученичество стоят со священством в непосредственной близости. «Чем ночь темней, тем ярче звезды» — мне кажется, этот поэтический образ всего более точно говорит о призвании русского священника в XXI веке. И, конечно, наш главный подвиг — не литературный, но жизненный. «Жить не по лжи», жить чисто, честно, благородно. Да не осудят меня читатели «Книжного обозрения» за очередную цитату из творчества писателя, которого Церковь не опознала как своего: «Светить всегда, светить везде — вот лозунг твой и солнца!» Солнцем правды мы называем Господа Иисуса Христа, а девиз всякого православного христианина: «Да святится имя Твое, Господи». Священство — авангард русского общества — призвано быть таковым, поэтому самая жизнь и дела наши должны лежать в основании писательского служения. Лучше дела без слов, чем слова без дел. И коль скоро главное дело твоей жизни омыто Христовой Кровью и сам ты не гнушаешься святоотеческим призывом — «даждь кровь и прими дух», если ты идешь стезей жертвенного служения, Бог даст тебе слово и осолит благодатью священнические уста.

Сейчас я готовлю к печати книгу под названием «Мой университет». В нее вошли воспоминания о годах, проведенных на студенческой

скамье на срезе 70-х и 80-х годов XX столетия. В этой книге я попытался воссоздать атмосферу той интересной, уже ушедшей эпохи, рассказать о душе юноши, ищущем духовного света. Отдельные главы посвящены священству. В них вошли образы маститых священнослужителей, наподобие почившего митрополита Антония (Блюма), и занимавших мое воображение молодых священников Москвы — протоиереев Владимира Воробьева, Дмитрия Смирнова, Аркадия Шагова. Надеюсь, что новое произведение вызовет определенный интерес у тех, кто хотел бы увидеть продолжение книги «С высоты птичьего полета», посвященной детству и отрочеству моих современников.

В литературные планы входит написание еще двух книг, в которых я хотел бы поразмыслить о педагогической и священнической деятельности. Одна книга (если ей суждено родиться на

свет Божий) будет называться «Учительство», а другая — «Священство». В последней книге мне хотелось бы осмыслить путь, пройденный нашим духовенством в XX столетии. Верю, что она будет написана уже в стенах возрожденной женской Алексиевской обители, что в Красном Селе. Хотя я не предполагаю углубляться в ткань истории нашей обители, однако, образы ее преподобномучениц Анны, Матроны, Евфросинии, конечно же, близки моему сердцу, во многом благодаря почти ежедневному молитвенному призыванию этих страдальцев ради Христа.

Вы помните о тревожных предупреждениях греческого писателя Нила Мироточивого, который предвидел, что сребролюбие (а значит, и деятельность «бытоулучшительных партий»), по выражению преподобного Серафима Саровского) является предвозвестником антихристо-

БИБЛИОГРАФИЯ

- Моя первая исповедь: книга для чтения в семье и школе. — М.: Издательство братства святителя Филарета, митрополита Московского, 1998.

- Учебник жизни: книга для чтения в семье и школе. — М.: Артос, 2010.

- Уроки жизни. — М.: Артос, 2007.

- Любовь и вера: диалоги о любви, браке и семейной жизни. — М.: Артос, 2008.

- Искусство речи: курс лекций. — М.: Издательство ПСТГУ, 2011.

- Искусство словесного служения: размышления священника. — М.: Артос, 2010.

- От избытка сердца: проповеди и беседы, произнесенные в Свято-Успенском Пюхтицком женском монастыре в 1999-2006 годах. — М.: Артос, 2010.

- Семь слов о Святых Таинствах Матери Церкви. — М.: Артос, 2011.

- Увиденное. — М.: Артос, 2010.

- С высоты птичьего полета: воспоминания о годах детства, отрочества и юности. — М.: Артос, 2012.

вой эпохи. И сегодня немалую опасность для христианского общества, и в первую очередь, для сословия духовенства, мы видим в стремлении направить «души прекрасные порывы» исключительно на обустройство своей земной жизни. Но не должно соли потерять присущей ей силы, нехорошо подмокнуть пороху в церковных пороховницах! Вот почему мне хотелось бы соотнести книгу о священстве с названием лермонтовской повести «Герой нашего времени». Таковым героем для русских людей должен стать не «поп, толоконный лоб», а тот персонаж, который был выведен в заглавии замечательного современного фильма «Поп», заставившего общественность склонить главу пред подвигом сельского народного пастыря, жизнь которого, как тонкая червленая нить, была вплетена в многоскорбную русскую эпопею, драму и трагедию нашей отечественной истории.

Какая книга из недавно прочитанных или перечитанных произвела на Вас наиболее глубокое впечатление? Не могли бы Вы поделиться впечатлением от этой книги с нашими читателями.

Последним открытием для меня стало литературное творчество киевского священника, протоиерея Андрея Ткачева. Его книги, уже известные многим, поразили меня особенностью его авторского стиля — слово живое, безусловно, искреннее, идущее из глубины сердца, а как иначе может быть у нас в России? Слово умное, всеобъемлющее, чуждое кастовой узости, рассчитанное на восприятие человека, случайно взявшего в руки книгу священника-

миссионера. Если иные пассажи его проповедей или рассказов заставляют сердце неожиданно сжиматься, а на глазах наворачиваются слезы (притом совсем не у сентиментального мужчины), то Вы тотчас осознаете — перед Вами подлинная литература, ведь в России поэт всегда «больше, чем поэт».

Сходным образом, за тридцать часов, не отрываясь, я прочитал уже знаменитую книгу весьма уважаемого архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые». Содержание этой книги мне очень близко, по короткому знакомству с Псково-Печерской обителью, где я проводил в юности немало дней; по вечно живому образу архимандрита Иоанна (Крестьянкина), благословившего меня на путь священства; и конечно, по той атмосфере искреннего поиска жизни во Христе и описанию будничных пастырских трудов, всегда сопровождаемых чудесами, и притом без всяких кавычек. Отмечу нарочитую простоту и безыскусность авторского стиля. Отец Тихон пишет о том, что действительно было. Речь его совершенно проста, как самая жизнь, он не озабочивается приукрашать ее. Однако самая фабула повествования, глубина психологических характеристик, зигзагообразные судьбы его невымышленных героев, умение малыми средствами повествовать о большом и даже великом, воссоздать эпоху, сделать главным героем своего пестрого повествования Псково-Печерскую Лавру с ее богозданными пещерами — вот объяснение замечательного успеха этого труда, что особенно важно, занимательного и интересного даже для тех людей, которые еще не вошли в Церковь, еще мыслят по-светски и даже по-советски.

ПРИЗЫВ ГОРЛИЦЫ

СТИХИ В ПРОЗЕ

Повсеместно в приморских южных странах водятся горлицы. Это птицы чуть меньше наших голубей, неброской бежевой расцветки, с белым оперением хвоста и необычно громким голосом. Кто не слышал поутру или в вечернее время их призывного грудного клекота, состоящего из одного длинного слова, в котором ясно выделяются три слога?..

С одинаковой утвердительно-интонацией, несущей в себе оттенок печали и добытой горьким опытом мудрости, горлицы будят жителей селения своими сильными трубными гласами. Они кажутся несообразными с изяществом этих небольших птиц, то витающих в небе, то гнездящихся в ветвях высоких вечнозеленых деревьев.

Поначалу птичьи крики служили предметом развлечения для моего неискушенного внимания, а затем стали раздражать своим однообразием и неутомностью. Пернатые глашатаи, видимо, вовсе не хотели считаться с северными гостями, заподувившими, наконец, возможность хорошо выспаться и насладиться тишиной, которая царит в этих благословенных местах.

Но затем... неустанные призывы горлицы вдруг обрели осмысленность и стали мне понятными! Более того, они поразили меня в самое сердце своим одним-единственным словом, насчитывающим целых три слога: е-дин-ство! е-дин-ство!

Единство... Этот клич, слово, призыв наполнил своим звучанием слух, ум, сердце, душу и... остался в них навсегда...

*Всякое дыхание (и птицы пернатые) да хвалит Господа... (Пс. 150, 6). Верные своему Творцу, приморские горлицы без устали воздают честь и хвалу Единому Богу, живущему во свете неприступном!.. Чрез непроницаемую для грешного человеческого ока блистающую светом славу Божию исходит и доносится до нашего слуха вечное, исполненное всеубеждающей силы свидетельство: *Аз есмь Господь Бог твой... да не будут тебе бози иные пред лицем Моим (Втор. 5, 6-7). А в ответ от земли к небу восходит из среды наших храмов и святых алтарей священнический возглас: «Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице всегда, ныне и присно и во веки веков!»* Так мы, едиными устами и единым*

сердцем, исповедуем единство Отца, Сына и Святого Духа, Единого Бога, в трех Лицах споклоняемого и славимого!

Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — обращается наш Спаситель к Отцу Своему на Тайной Вечери, — да уверует мир, что Ты послал Меня... Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены во едино; и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня (Ин. 17, 21; 23).

Так вот о каком единстве поют горлицы, безгрешные Божьи твари, взирать на которых повелевает нам Сам Христос, приводя их в пример беспечительности и свободы от земных попечений (см. Мф. 6, 26)!

Добрые птицы напоминают нам о единстве, взаимной любви, единомыслии и содружестве — лучшем украшении человеческого общества; общества, которое, едва лишится означенных добродетелей, тотчас становится глубоко несчастным и больным и страждет тем более, чем страшнее разъедающая людей разобщенность...

«Е-дин-ство...» — вещают горлицы... Может быть, они проповедуют нам, глухим и незрячим, о единстве слова и дела, составляющем подлинную гармонию христианской жизни, достоинство которой — в благих делах, в свою очередь, порождающих слово, пронизанное правдой и любовью...

Слыша грустную песнь горлицы, я взираю на самого себя, нет — вникаю в самого себя — и...

вижу трагический разлад ума и сердца, духа и плоти, встающих друг на друга и повергающих мою двудетную природу в состояние постоянного мятежа и бури. Неужели я обречен на эту целожизненную муку? Нет!

«Е-дин-ство!» — свидетельствуют горлицы о лучшем жребии, которым наслаждаются все истинные ученики Христовы, верою обретшие доступ к благодати, восстанавливающей утраченное чрез грех единство видимого и невидимого, вещественного и бесплотного, временного и вечного в человеке...

Е-дин-ство! Может быть, и я научусь когда-нибудь от небесных птах заповеданному мне Творцом единству, приникая умом и сердцем к пречудному и пресветлому имени Иисусову? Призывание этого богодарованного имени и есть тот евангельский ярем, то благое молитвенное иго, которое, спрягая непокорных волов (ум и сердце) на единой пашне покаяния, малопомалу доставляет чудный покой Христов всем труждающимся в молитве и обременным (см. Мф. 11, 28) сознанием собственных несовершенств...

Кажется, запечатлелось на бумаге все, что легло на душу, пробужденную к размышлениям голосами горлиц... Но когда вновь я услышал их вещей призыв, он отозвался в сердце ощущением той великой тайны бытия, печать которой лежит на всем творении, воззванном некогда к бытию всемогущим гласом его Творца...

БОРИС ЕКИМОВ

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я 19 ноября 1938 года в далекой северной Игарке Красноярского края, куда родители мои — специалисты по пушнине — приехали работать. Отец мой, Петр Александрович, вскоре тяжело заболел и умер в мае 1939 года, в Иркутске, на своей родине. Мать моя, Антонина Алексеевна, недолго пожила в Иркутске со свекровью, но скоро уехала в Казахстан, на станцию Или, неподалеку от Алматы, куда была выслана с малолетним сыном ее родная сестра, моя тетушка, Анна Алексеевна — жена «врага народа». И прожили сестры вместе всю жизнь. Так что вторая моя мать — теть Нюра. Муж ее, к счастью, из лагеря вернулся живым, и в конце войны разрешили нам выехать в Россию, «на восстановление разрушенного народного хозяйства», правда, «без права проживания в областных центрах».

Так я и оказался в поселке Калач-на-Дону Волгоградской области, бывшей Области Войска Донского, у донских казаков.

А корни мои — сибирские: Екимовы (точнее, наверное, как у прадеда — Якимовы), Садовниковы — из Прибайкалья; Крысовы — из Сре-тенска Читинской области, а переселились туда в начале двадцатого века из деревни Крысовы, Вятской губернии Шелеговского уезда.

В Калаче-на-Дону, невеликом поселке, лежащем в 80 километрах от Волгограда, провел я большую часть жизни и ныне здесь обитаю.

Путь мой в литературу начался давно, с книжного чтения. Читать я научился рано, видимо, в 4 года с небольшим. Учительницей была соседская девочка-первоклассница. Взрослые об этом не знали до тех пор, пока однажды вечером я не начал читать им газету. Конечно, они удивились. Стали приносить мне книжки. Происходил спектакль чтения.

В Калаче-на-Дону, будучи еще в начальных классах, я прочитал все до одной книги детской районной библиотеки, и меня «перевели» в библиотеку для взрослых, в порядке исключения. «Глотание» книг продолжалось. Чтение, конечно, было «дикое» — все подряд. И теперь я помню внешний вид многих книг той поры: от огромных томов классики до «Библиотеки лауреатов Сталинской премии».

Был ли прок в том чтении или одна порча глаз? Склоняюсь к мысли, что был.

Пусть хаотично, но входил в душу огромный, мне неведомый мир. Не всякий день, не из каждой книги, но что-то доброе западало. К хорошей литературе я вернулся позднее, перечитывая по многу раз русскую классику.

Окончив среднюю школу, я поступил в Сталинградский механический институт, хотя наклонности были очевидно филологические. Институт я не «вымучил». Стал работать на заводе, потом — служба в армии, потом снова завод. Профессия была, я считаю, хорошая — электромонтер. Она дает возможность работать не только руками, но и головой.

Первые мои литературные опыты относятся, к началу 60-х годов. Тогда это были зарисовки природы, характеров, ситуаций, какие-то мысли, цитаты — сумбурные и неизвестно для чего. Наверное, зрело в душе, прорывалось.

Служа в армии последний год, попал в Подмоскovie, ходил несколько раз на занятия литературного кружка в Химках. В основном слушал. Один из первых рассказов, очень слабый, принес в журнал «Молодая гвардия». Рассказ был написан от руки, но взял его Владимир Сякин, тогдашний заведующий отделом прозы.

Но до первых настоящих рассказов лежала еще долгая дорога в добрый десяток лет, когда я по-прежнему работал электромонтером, много читал, понемногу писал.

И только в 1973 и в 1974 годах появляются в «Звезде», «Нашем современнике» рассказы «Казенный человек», «Офицерша»; в московском издательстве «Современник» первая книжка — «Девушка в красном пальто».

Потом пошло обычное: пишется — не пишется, печатают — не печатают. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте. Выходили книги, и читатели будто жаловали. Думалось, что далее будет легче: кончились запреты, цензура. Но «перестройка» поломала издательскую и книготорговую системы. И теперь порой и пишется, и в журналах печатается, а вот с книгами — плохо. Нынешние тиражи ничтожны, а ведь были тиражи порой многомиллионные. И ведь это беда обоюдная и для меня, и для моих читателей.

Профессия литератора давно уже меня не кормит, не поит, но по возможности остаюсь при ней. Дело в том, что ремесло это избирал я не ради хлеба насущного. В русскую литературу, так уж повелось изначально, идут не ради сладкого куска. Причины иные. Отказываться от них не стоит.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги Б. Екимова последних лет (сборники повестей, рассказов и очерков)

- На хуторе: повествование в рассказах. — М.: Время, 2010.
- Прощание с колхозом: очерки разных лет. — М.: Время, 2010.
- Привет издалика: рассказы, повести. — М.: Русский мир, 2011.

- Не надо плакать: рассказы, повести. — М.: Вагриус, 2008.
- В той стране: рассказы, повести. — Волгоград, 2011.

Журнальные публикации

- Не надо плакать.: рассказ. — «Новый Мир», № 11, 2004.

ЛЮДИ ДОНА

ИНТЕРВЬЮ

Судя по Вашим рассказам, Вы не на шутку полюбили Вашу донскую родину и тех людей, которые живут рядом с Вами. Что же это за вода такая особенная течет в Дону?

Донские воды, на мой взгляд, чище иных, как и люди, с которыми рядом живу. Но это на мой взгляд. Каждый кулик свое болото хвалит, а уж о Родине что и говорить...

Те жители донских берегов, которых Вы описываете, это все еще донские казаки, по их собственному ощущению? Что сами люди думают об этом?

Донское казачество, как наиболее энергичная часть русского народа, было уничтожено. Это факт непреложный. Восстановить его невоз-

можно. Но сохранить культуру донского казачества как значительную часть русской культуры возможно и необходимо. Казачьи песни, легенды, сказания — все, что осталось и еще не забыто.

Какая книга, из недавно прочитанных Вами, произвела на Вас наиболее глубокое впечатление? Могли бы Вы поделиться своим впечатлением от этой книги с нашими читателями?

«Словарь казачьих донских говоров Волгоградской области», созданный долгими и великими трудами профессора Волгоградского педагогического университета Риммы Ивановны Кудряшовой, ее сотрудниками, учениками, студентами. Труд многих десятилетий. И на века.

- Под высоким крестом: рассказ. — «Новый Мир», № 8, 2005.
- Родительская суббота: повествование в рассказах. — «Новый Мир», № 4, 2006.
- Рассказы. — «Новый Мир», № 12, 2006.
- Предполагаем жить: повесть (начало). — «Новый Мир», № 5, 2008.
- Предполагаем жить: повесть (окончание). — «Новый Мир», № 6, 2008.

- Житейские истории. — «Новый Мир», № 12, 2009.
- Праздник: рассказ. — «Новый Мир», № 7, 2010.
- Глядя на солнце. Житейские истории. — «Новый Мир», № 4, 2011.
- Не забудь. Житейские истории. — «Новый Мир», № 1, 2012.

БЕЛАЯ ДОРОГА

РАССКАЗ

Вот и осень. Ночи стали холодными. Пора с летом прощаться, собираясь в город, на зимние квартиры.

В последнее воскресенье августа поехали мы к озеру Некрасово. Дорога туда не больно длинная, но без асфальта: колдобины, объезды, а потом и вовсе сыпучие пески. Редкая машина пройдет.

Добрались. Молодые мои спутники остались у воды, с удочками. Я ушел в Пйски. Пйски их у нас называют, хотя правильной, конечно, Пески.

Огромные песчаные пустоши тянутся левым берегом Дона на многие десятки верст. Они порой отступают от берега, порой подходят к воде. Песчаная страна, считай, пустыня; желтые бугры — кучугуры, редкая зелень: солянка, молочай, желтый бессмертник, ползучий чабер. Вечный ветер. Свистит и свистит. Безлюдье на десятки верст. Машины сюда не забираются. И делать нечего, и застрянешь в песках.

Редкий жаворонок вспорхнет из-под ног; редкий коршун проплывет в вышине; ящерка прощуршит — и все. Тишина. И просторное небо.

Люди здесь тоже редки. Но порой встречаются белые дороги, неведомо кем проложенные в сыпучих песках... Эти белые дороги завораживают. Будто и знаешь округу: там — Рюминский хутор, в той стороне — Старая Сокаревка, за ней — Песковатка. Но к хуторам ведут дороги езжие. А эти? Белая колея петляет меж песчаных холмов, порою взбегая на них. Кто ее проторил, эту дорогу, и куда?..

Нынче лето кончается. Солнечный день. Но взойдешь на бугор — нижеет до костей ветер. Под ногами похрустывает сухой молочай; кое-где доцветает сиреневый чабер; трава «бескоренка» — черная, словно мороз ее опалил. Коршун поднялся и стоит в воздухе, крылом не махнет. Ветер. Белая дорога ведет куда-то.

Вспомнил о Степе. О нем и рассказ. Где-то здесь, в этих песках, он умер. Шел и шел белой дорогой. Потом лег ли, а может, упал и умер.

Степу я, конечно, не знал. Он жил задолго до моего рожденья. Осталась память, рассказы. Мой нынешний — один из них.

В округе станицы Голубинской, что на среднем Дону, на всех ее хуторах, далеких и близких: в Усурах, Липолебедевском, Каменнобродском, Тепленьком, Липологовском — Степу-глухого знал каждый, от старого до малого. Степа чинил обувь. Годы были тяжкие — двадцать первый да двадцать второй: голод, разруха, только что война прошла.

О новой обуви в ту пору никто не помышлял. Перебивались ношеным старьем. И Степа-глухой был спасеньем для всякой семьи, даром Божиим. Во-первых, он брался чинить всякую рвань, ничего не отвергая. Лишь сокрушенно побряхтывал да головой качал и лепил латку к латке. А во-вторых, он не требовал за труды свои плату, работая лишь за харчи.

Откуда он взялся такой, малахольный ли, умом тронутый, толком никто не помнит. Своего пристанища, дома он не имел. Мешок за

плечами — все имущество. Жил и кормился Степа в том доме, куда приходил работать. Жил, пока всю обувку не перечинит. На Степу-глухого была очередь, и в других домах уже ждали его и порой нынешних хозяев упрекали:

— Он вам пилю точит, а люди босые ждут.

Перечинив обувку, Степа собирал свои пожитки, шел в другой дом, никакой платы не прося.

Бумажными деньгами в ту пору игрались дети да старухи обклеивали ими крышки сундуков. Но Степа был «тронутым», и потому ему порой, может, для очистки совести, вручали за труды эти пестрые бумажки. Он брал их на полном серьезе, складывал в кисет.

— Сколько денег накопил, Степа? — порой подсмеивались над ним.

— Чего? — не слышал ли, не хотел ли слышать.

— Сколь у тебя денег?

— Много.

— Ну, сколь?

— Сто тысяч и еще два раза, — такой был всегда ответ.

Одежда на Степе была поношенная, но всегда чистая, аккуратно заштопанная, петли обмелтаны, пуговицы крепко сидят. А заплатки подобраны и посажены — как влитые. Тут уж хозяйки одна перед другой старались.

Будь Степа помудрей, поразумней, он мог бы прожить и лучше, выбирая дома с достатком. Пусть хлебом богатых в ту пору сыскать было трудно, но были семьи, у которых всю зиму картошка не переводилась, кукуруза, тыква да свекла. Степа любил запеченную на легком духу тыкву, нарезанную кусочками, когда они, поджарившись, становятся сладкими. Степину слабость знали. И в домах, где тыква водилась,

прямо на рабочий стол ставили сковороду с кусочками оранжевой тыквы. Он работал и порой сладился, причмокивая.

Сапожному мастеру можно было прожить. Но Степа хозяев не выбирал, сытно живут или впроголодь; он шел куда звали. И порою неделю-другую сидел на голых желудевых лепешках. В таких семьях обычно и детишек больше, и обувка — дыра на дыре. Всегда худой и морщинистый, тогда он и вовсе усыхал, зубы от жулей чернели, но не уходил, пока последнюю пару ношенных-переносных чириков не починит. За это его уважали, называя порой святым человеком, какие не от земли, а от неба.

Очень любили Степу-глухого ребятишки. Для них начинался праздник, когда он приходил в дом. Сапожник открывал свой мешок, детвора возле него сбивалась.

На низенький столик, за которым работал, из мешка выкладывал Степа деревянные обувные колодки, сапожные ножи, вар, конопляную дратву. Возле столика валили горой старую обувку. Степа обглядывал ее, размачивал в корыте с водой. Готовил сапожные шпильки. Березовые кружки под его рукой ловко кололись на пластинки, потом заострялись. И вот уже тонкие шпильки-гвоздики сыплются из-под ножа. Для ребятишек разве не чудо?

А между делом для ребячьей забавы Степа-глухой нарежет пахучих деревянных кубиков да колесиков, тележку смастерит, вырежет острым ножом кулау, солдатика, игрушечное ружье.

Детишки возле него с утра до ночи кружатся, порой толкают, мешают. Но он их никогда не гнал. Все можно было трогать и брать на Степином столе. А малышам — забираться к нему на колени.

Степа никогда не смеялся, даже не улыбался, но в такие минуты он светлел лицом и шумно вздыхал. Говорили, что Степина семья, дети погибли ли, померли от войны, голода ли, болезни. Целые хутора тогда вымирали.

Но толком о нем никто и ничего не знал. Степа, как все люди глухие, был молчуном. Отработает — и уйдет в другой дом, а то и на другой хутор. Подолгу ему не давали засиживаться, напоминая:

— Вы Степу долго не держите, он другим нужен.

И вот он пошел со двора. Мешок — за плечами. Девтора до ворот проводит, и все. Останутся деревянные игрушечные тележки да куклы и чиненая обувь — не страшны теперь грязь, холода.

А потом Степа пропал. Не видно и не слышно о нем. Стали спрашивать. Никто толком не знает. Последний раз был у Калмыковых, на хуторе Усурь. Оттуда ушел на Песковатку. Сам Калмыков его и перевозил через Дон на лодке.

Но в Песковатке Степу не выдали. Не появлялся он и в рядом лежащих хуторах — Рюмино, Сокаревке, Вертячем.

Лишь осенью, на исходе лета, Степу нашли в Пйсках. Видно, пошел он от Дона не кружной,

торной дорогой, а напрямую, через Пйски. Такой вот белой дорогой, что тянется сейчас передо мной меж песчаных бугров. Прилегли ли он на обочину или просто упал? И умер. Ни птица, ни зверь его не тронули. Так и лежал, пока не нашли его сухие моши.

Где-то вот здесь он умер. Тут, в Пйсках, и нынче безлюдье на многие версты. Ветер шуршит в сухом молочайнике, в острых листьях солянки. Вечный ветер. Осень. Мне пора идти, возвращаться к воде, к займищу, где молодые мои спутники надергали окуньков и варят уху. Скоро вечер. Надо уезжать, прощаясь надолго — до следующего лета.

Какое просторное небо над Пйсками.. Взглядом не окинешь. Глубокая, за жаркое лето выгоревшая синева, и перистые облака, словно белые каменистые гряды, тянутся из края в край.

Снова о Степе думаю.

А может, и вправду он был святым, каких посылает Бог на помощь в горькие годы. А если так это, то, оставив не тело, но моши свои на белой дороге, в Пйсках, ушел Степа тоже белой дорогой, но иной, высокой. Вот она тянется по блеклому осеннему небу легкой перистой грядой, из края в край.

ВИКТОР НИКОЛАЕВ

БИОГРАФИЯ

Родился в 1958 году в восточном Казахстане. В 1981 году закончил Курганское высшее военно-политическое училище. В 1981-1987 годах служил в Закавказском военном округе. В 1987-1988 годах — в Афганистане. Выполнял задачи по нештатным ситуациям в Сумгаите, Степанакерте, Карабахе, Спитаке, Тбилиси. С 1990 по 1993 год учился в Военно-политической академии.

Майор запаса, награжден орденом Красной Звезды. Член Союза писателей России. Лауреат премии «Честь имею» (2000), лауреат премии «Прохоровское поле» (2002), лауреат Большой литературной премии России (2002). В 2010 году книга автора «БезОтцовщина» отмечена дипломом СФИ «Золотой витязь».

В 2006 году выпущен диск с литературной композицией по книгам автора.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Екатеринбургской епархии соискателем было проведено 12 встреч с читателями: в воинских частях, с заключенными, в вузах. Было записано 4 телепередачи на телеканале «Союз».

Виктор Николаев неизменно собирает полные залы, ко мне постоянно поступали и поступают просьбы о повторной организации встреч с писателем. После выхода в 2004 году его книги о тюрьме «Из рода в род» православного писателя узнали и полюбили там, где более всего востребовано слово правды и чистоты. И до сих пор ему десятками шлют письма из колоний. После

выхода книги о детской колонии «БезОтцовщина» писем стало поступать еще больше, в том числе и от родителей. Зная, какой силой обладает писательское слово Виктора Николаевича, я искренне верю, что получение им Патриаршей литературной премии будет свидетельством силы православия, обращенной проповедническим словом не только к благополучным прихожанам наших храмов, но и к многострадальному и ищущему Правды миру.

*Митрополит Екатеринбургский
и Верхотурский Кирилл*

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

ИНТЕРВЬЮ

Так называемая афганская проза — это достаточно широкое направление в современной литературе. Какие книги из этого направления Вы могли бы порекомендовать читателям?

О войне может писать только тот, кто это пережил, кто видел подвиг, видел предательство. Есть, например, такая книга «Любите нас, пока мы живы». Ее автор — Виталий Носков — ездил в Чечню несколько раз, он награжден боевыми орденами. Этот человек рассказывает о реальных событиях и реальных героях. Поэтому его произведения заслуживают уважения. Не менее интересна документальная литература о войне. Например знаменитый конструктор Михаила Калашников недавно прислал мне свой двухтомник «АК-47: Оружие-легенда», он пишет хорошо, умно.

Какие темы Вашего творчества Вы считаете основными?

Главная тема — это, конечно, военный человек. Я сам такой... Еще одна важная тема — семья. У меня есть книга, которая называется «Из рода в род». Это о родовом грехе. В семье бывает так: кто-то не покаялся в своих грехах, а за это все равно ведь нужно будет расплачиваться. Два моих деда — по отцу и по матери — герои Советского Союза. А родной брат, который на три года младше меня, имел две судимости за разбой. Тюремная линия прошла через

мою семью. Я знаю, что такое муки матери, отца, отношение близких, родственников, соседей в деревне. Я был на четырех войнах. Прилетая то с одной войны, то с другой, я старался навещать брата в тюрьме, вразумлял его. Или мои слова были неубедительны, или он слишком далеко зашел... Не знаю... Прежде чем написать книгу «Из рода в род», я получил благословение тюремных священников. Там еще такой смысл... Вернулся парень с войны, особенно с какими-то ранениями, никому он не нужен. Он себя плохо чувствует. На работу не берут. Заканчивается все преступлением, зоной. В то же время, попав в тюрьму, он впервые в жизни оказывается в храме, приходит к Богу. Опять же... Это все о реальных людях. Я благодарен сотрудникам Федеральной службы исполнения наказаний, которые создали мне все необходимые условия для работы над этой книгой.

Среди многих литературных портретов военных людей как-то особенно выделяются описанные Вами снайперы. Выделяются даже на таком, прямо скажем, не блеклом фоне.

Действительно, это не обычная военная специальность. В книге «БезОтцовщина» я описал женщину-снайпера. Она мастер спорта по биатлону. Муж этой женщины, капитан, погиб в Чечне, когда ему было двадцать семь лет. Тогда она поехала служить в Чечню, для того чтобы

просто отомстить за своего мужа. Ребята создали ей необходимые условия для работы, и когда она сдала свою винтовку, на ней было двадцать семь зарубок.

Она спокойно уехала?

Оттуда никто спокойно не уезжает. У меня за плечами Афганистан, Карабах, Спитак, Сумгаит... Я честно могу сказать... На душе осталась тяжесть. В некоторых ситуациях я теперь повел бы себя иначе, чего-то уже не сделал бы. А какие-то моменты, наоборот, вспоминаю с благодарностью. К примеру, мы однажды разбили группу боевиков, начали уже уходить. Там лежал молодой человек: он был контужен, не мог пошевелиться. Я увидел его. Первая мысль — добить. А потом что-то такое во мне проснулось, сострадание... Лежачего не бьют. И я не стал его трогать. Думаю, выживешь, парень. Уже в вертолете снимаю магазин — пустой, не было там его патрона. Или другая история... Высадили нас не в том квадрате — мы сразу оказались в засаде. Двое убитых, почти все ранены. Когда поняли, что уйти не удастся, заняли оборону, поделили боеприпасы и гранаты для самоподрыва (в Афганистане никто по своей воле в плен не сдавался), стали ждать. Лежим пять минут, десять — никого. Вдруг начали друг у друга прощения просить. И вот ведь какой случай, «духи», которые очень хотели найти нас, прошли мимо нас, не заметили. Я думаю, что это Господь нас помиловал и открыл, увидев наше примитивное покаяние.

Может ли человек противостоять этим ужасам? В том числе посредством литературы...

Я скажу одно... Мне кажется, любое произведение должно заканчиваться светом. Чтобы у читателя не оставалось ощущения безысходности. Почти в любой жизненной ситуации можно найти что-то чистое. Чтобы в дальнейшем рассказывать об этом другим, использовать как поучительный пример. И потом, ведь в жизни много юмора, несмотря на всю ее трагичность. Я стараюсь это показывать. Вне зависимости от того, о чем пишу: война, тюрьма, семейные неурядицы... Кстати, детский юмор очень созидателен. У меня есть внучка. Я записываю все, что она говорит. Допустим, провожаем мы гостей. Я спрашиваю: «Мариша, что нужно сказать, когда гости уходят?» А она: «Слава Богу!»

БИБЛИОГРАФИЯ

- Живый в помощи / Документальная повесть в 2-х частях. Изд. 15-е. — М.: В. Николаев, 2011. — 320 с.
- Из рода в род / Документальная повесть. Изд. 4-е, доп. — Курск: МУП «Курская городская типография», 2004. — 208 с.
- БезОтцовщина / Документальная повесть. Изд. 2-е. — М.: СофтИздат, 2009. — 200 с: ил.
- Время подумать о главном. Шамординские истории. — М.: KIVI-PRESS.COM, 2011. — 192 с.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ТЯГАЧ

ГЛАВА ИЗ КНИГИ «ИЗ РОДА В РОД»

Следующим на исповедь предстал певчий с обожженным лицом и руками, где на правой были срублены два пальца, а на левой четыре. Старший лейтенант воздушно-десантных войск Российской армии Вячеслав Тягач. Его коленопреклонение пред отцом Нектарием совпало со словами хора:

...И со Духом Твоим...

Имя и фамилия парня в точности соответствовали его комплекции и боевым делам. Даже с оторванными пальцами Славка славно гнул железную скобу под «Ну-у, ништяк!...» всего отряда. Удовлетворив желание обступивших, он легко придавал согнутому в дугу металлу первоначальный вид.

Славкина судьба была непростая. Да и есть ли вообще офицер с простой судьбой? Как у многих, она была штатная, нелегкая, военная.

Лицо человека говорит о многом. К Славке данная фраза имела весьма непростое отношение. У старшего лейтенанта Тягача лица не было вообще. Оно сгорело на чеченской войне. Чудом остались одни глаза, и это действительно выглядело как чудо. Первая реакция у всех увидевших его была одинаковая: люди машинально опускали глаза и смотрели себе под ноги. Их нельзя было обвинить в насмешке или брезгливости — просто это была естественная человеческая реакция. И в храм Славка попал по той

же причине. Видно, вправду и у худа бывает добро.

...По зоне вприпрыжку бежал Серега Ольхов, сгибая через лужи и клумбы. Проскочив в два прыжка лестничный подъем, он влетел в домовый храм и сразу кинулся к отцу Игнатию, махом прервав его беседу с одним из заключенных.

— Отец... отец... Иг-на-тий, — едва переведя дух, стал торопливо говорить Ольхов.

— Там... это... с Тягачом плохо... Пошли скорей. — Сергей от волнения перешел на ты.

Ольхова за отцом Игнатием послал заместитель начальника колонии. Священника вызывали больше как врача, так как Надежда Васильевна с утра уехала по делам в область.

Через несколько минут перед глазами прибывавших предстала тяжелая картина. У входа в помещение отряда сгрудилась большая толпа заключенных. Было заметно, что они сильно возбуждены. Многие курили в кулак, нарушая административные требования о месте курения. Почти все вполголоса переговаривались, никто не осмеливался войти в казарму. У дверей стоял кто-то из администрации и контролеров.

Увидев отца Игнатия, народ расступился. Открыв двери, священник невольно перекрестился. В помещении было перебито почти все: окна, стулья, плафоны. Повсюду беспорядочно валялись подушки, одеяла, перевернутые тумбочки.

В ГОРАХ. Фото Рената Зарифова

— По-о-п... поп... отпевай!.. — орал стоявший посредине казармы страшный Тягач.

— Ну, что глядишь?.. Отпевай!..

Далее шел бессвязный набор слов. Славка табуреткой вдребезги разнес последнее целое окно, после чего почти в опилки растер о стену стул. Отец Игнатий стоял не шевелясь, не решаясь сделать даже шаг.

— Тебе что говорят, поп?!

Внезапно Славка стал медленно оседать.

...Среди вверх дном перевернутой, перебитой мебели возле сидевшего священника «безрукий плакал инвалид». От грозного Тягача почти ничего не осталось. Славка культиapistыми ладонями развозил слезы по рубцовым щекам, дойдя

в глубоком рыдании до опасной икоты. Его стало сильно лихорадить. Тягачу становилось все хуже и хуже. Он внезапно начал тянуть к полу рясу отца Игнатия, из горла пошла слюна.

— Слава... Слава... успокойся, — пытался вразумить его священник.

Тягач, похоже, был уже неуправляем. И вдруг:

— Моо-олчать!! Сми-ирно!!

На священника уставился оцепеневший, приходящий в себя человек.

— Встать!!!

Старший лейтенант вскочил, вылупив глаза. В настежь открытые двери смотрели десятки глаз заключенных размером с жигулевские фары.

По Славке было видно, что он начинал осознавать, где находится. Долог осматривал помещение, перевернутые вещи. Выздоровляющим голосом, глядя на отца Игнатия, он с трудом произнес:

— Ты... че... за мной пришел?..

Вновь оглядевшись вокруг, уже осмысленно спросил:

— Это что — я перебил?

Видимо, в этот момент в Тягаче лопнула нервная нить. Он вновь осел у ног священника и громко разрыдался ему в плечо.

Старший лейтенант Тягач за произошедшее наказан не был. Более того, администрация, знающая причину нервного потрясения заключенного, внутренне сочувствовала ему.

Странная «шалость» исходила из Кремля. В зону пришла информация о том, что участники войны, имевшие боевые награды и не имеющие судимости за тяжкие преступления, будут амнистированы в самое ближайшее время. Имеющий к этому отношение народ зашевелился, воспрянул духом, стал готовиться к свободе. И вдруг через месяц пришел отказ. Без всяких объяснений. Тогда сорвался не только Тягач. Нервное потрясение от «кремлевской шутки», сопровождавшееся нередкими инфарктами и самоубийствами, волной прокатилось по многим тюрьмам России.

...В восемнадцать лет исполнилась заветная Славкина мечта. Его призвали служить в ВДВ. Военрук Иван Антоныч по этому поводу с удовольствием напился и до самого убытия в армию трепетно говорил своему воспитаннику: «Разрешите обратиться». Счастливый Тягач разрешал это сделать всем. От одной мысли, что будет десантником, парень стал по-мужски кра-

сив. Помимо крепкого и статного телосложения при высоком росте — все-таки чемпион области по многоборью — он был ко всему очень скромным и послушным паренком. Отца семья лишилась еще в детстве: утонул в ледоход по весне. Многие матери, у которых девчонки подходили к возрасту невест, всерьез присматривались к нему.

Десантно-штурмовая бригада, дислоцирующаяся на Кавказе, приняла молодое пополнение хорошо. Уже через несколько дней молодежь сплотилась, обзавелась друзьями. Новый призыв по своему составу и моральным качествам был довольно пестрый. Взались с прилежанием за обучение тому, что необходимо на войне. Через два месяца произошел один казус: забузовал паренек из Цхинвали. Веским основанием для неподчинения у него стала парашютная вышка. После первого же приказа: «Пошел!» — парень оробел и... не пошел. С ним пытались по-всякому поговорить. Никак. Почти тупиковый воспитательный вопрос за несколько минут решил его дед, ветеран Великой Отечественной войны, старейшина рода. Узнав о самовольстве внука, он прибыл в полк немедленно. Во время короткого разговора в кабинете у командира полка вспыхивый старик с гневом схватил внука за мужское достоинство и едва не отсек его кинжалом.

— Нэ хочэш быт мужчином!?!.. Тогда зачем тэбэ этот вещь?!..

Уже на следующий день парень дважды с удовольствием шагнул с парашютной вышки под дедовское «Ва-а-а!».

Первый парашютный прыжок волнует, как первая любовь.

...13 ч. 15 мин. Идут последние минуты осмотра перед загрузкой на борт. Десантирование предстоит выполнять с вертолета Ми-8, приданного для этого из ближайшего вертолетного полка. Инструктор медленно идет вдоль своей десятки парашютистов, где-то что-то незначительно поправит, обронит подбадривающее слово. Парень в ответ улыбнется. Капитан Стрижов, готовивший Славку к десантированию, знал цену этому слову. В его курсантскую юность он так же стоял перед первым прыжком. Тогда выпускавший возьми и пошути: «Ну, что вам рассказать про парашют? История знает немало случаев, когда он раскрывался...» Двух из десяти подготовленных к десантированию пришлось списать из-за нарушения психики.

Команда: «На борт!» Запуск двигателей, разбег, отрыв. Все ушли в себя. Некоторые изредка посматривали в иллюминатор. Разговоры и прочие мелочи прекратились. Это был тот редкий жизненный момент, когда человек невольно выполняет только самые необходимые действия. Чем выше поднимался борт, тем сосредоточеннее становились люди.

Все! Сирена!

Она звучит всегда неожиданно, даже если ты ее специально ждешь. Все чем ты жил до сих пор теперь пустое, ненужное. Жизнь спокойно смотрела на людей. Ей было важно знать, как ее ценят.

Откатили левый люк. Мощной струей в салон ворвался холодный воздух. На высоте 800 метров в июле была стывлая осень. Все повернулись лицом к выходу. Карабины парашютов защелкнули на трос. Контрольный взгляд выпускающего инструктора на землю. Неслышный щелчок пальцев.

— По-о-ше-е-е-л!!!..

Славка отделился третьим. 800-700-600... Чувовищный разгон тела. Исчезнувший шум винтов разом перешел в незнакомый свист. Ноги мотались сами по себе. Руки, прижатые к запасному парашюту, забыли о своих обязанностях. Низ живота уехал в рот. Сам рот раздуло мини-парусом. Случайно подвернувшееся облачко было проскочено мгновенно. 500-400... Вытяжной колпачок, умело подстраховав новичка, сам вытянул основной купол. Рывок! Горизонт, ментально выровнявшись, занял свое естественное положение.

Славка пел! Пело все небо! Горланили обалдевшие от счастья сослуживцы! Было желание остаться здесь навсегда. 300 метров... Славка стремительно наплывал на чей-то купол. Неудачное ерзанье и попытка уйти в сторону вытягивая левую стропу оказались тщетными. Поздно. Тягач стремительно, легко и глубоко вошел в чужой парашют. Его же купол стал быстро складываться, опадать. Попытался судорожно и беспорядочно выбраться. Почувствовал, что скорость падения внезапно начала увеличиваться. Началось бесконтрольное скручивание. 200 метров... Славку спас мощный восходящий поток воздуха, буквально за долю секунды наполнив его парашют и вырвав из чужого купола. Все произошедшее длилось около пяти-шести секунд. Он не успел даже испугаться. 50 метров... Его ощутимо болтало. Попытка управлять снижением ничего не дала. Славку несло точно в теплицу, которая находилась недалеко от аэродрома. 10 метров... 5... 1... 0... Треск полиэтилена — и на глазах у очумевших работников овощехозяйства под потолком, как кишка, завис вооруженный представитель десантно-штурмовой бригады.

Славку вынимали минут десять всей полевой бригадой. Потерей для него были разорванные во всю задницу штаны.

Хуже всего пришлось его сослуживцу, в купол которого он влетел. Это был казах из Алма-Аты. От нервного потрясения он перестал разговаривать. Вообще. Он не приземлился, а бухнулся, и наполнившийся от ветра купол тащил безвольное тело метров пятьдесят по полю. Через три недели в госпитале речь у парня постепенно восстановилась, но... только русская. Казахский язык он забыл. Вскоре его списали. Для Славки тоже все обошлось не совсем гладко, еще несколько дней в глазах прыгали яркие блески.

В полк пришла секретная директива о его вводе в Афганистан для прикрытия вывода 40-й армии. Личный состав части уже побывал на этой войне. Некоторые трижды. В полку была своя Аллея славы живых и погибших. Положение облегчало то, что местность, куда предстояло прибыть, была знакомая — пристрелянная, исползанная брюхом, обильно политая кровью.

В полку резко увеличились стрельбы и вожделения: ночные, в сумерках, в горах. Доукомплектовали саперную роту, где заместителем командира взвода был младший сержант Тягач. Личный состав на эту серьезную должность набирали, отдавая предпочтение людям с музыкальным слухом: они наиболее тонко чувствовали писк миноискателя. Тягач написал матери отвлекающее письмо, пытаясь успокоить ее бдительность, а попросту — обмануть. Но она догадалась. Славку подвела излишняя веселость. И еще. Есть нечто такое, чем обладает только мать. Славкин дом затих, посуровел в ожидании.

Личный состав полка прибыл на «полевую почту» в конце лета. Бои начались практически сразу, как после перерыва на обед. Война шла своим чередом, не особенно прислушиваясь к политике Кремля и Кабула. Разведвылеты равномерно чередовались с разведыводами.

Группа Тягача тщательно готовилась к очередному перехвату бандгруппы, сведения о которой были получены от человека из той же банды. Славка и его ребята уже неплохо ориентировались в квадратах «по улитке», пообтерлись, получили ранения, выявили среди своих чужих. В общем, на войне все шло как на войне. Командиром отряда был назначен «минисуворчик» белорус Генка Могила. В связи с тем, что перед выводом замена шла очень медленно, государство за одного битого Генку не прислало ни одного небитого. И битый Могила три недели воевал за двадцать шесть небитых.

До вылета оставался час. Шел последний инструктаж: точно ли в каждом магазине через десять пуль трассер для контроля за расходом боезапасов, кто кого прикрывает, выносит (если что), а если надо, самоподрывается. О случаях сдачи в плен здесь не слышали с 0 часов 0 минут войны. Могила и Тягач раздали бинты, заранее смоченные кровью, как отвлекающий момент на случай налета комаров, во время засады. На «лежке», чтобы не раскритичиться, даже дышать позволялось через раз. При попадании шальной пули умирали молча. Ночной вскрик в горах слышен очень далеко. Выдали мелкие сухари, чтобы хрустом не давали друг другу спать.

Все построились. Командир роты медленно обошел группу. Глаза у ребят были спокойные.

— Мое последнее пожелание, — тихо сказал он. — Не скулить. И в герои не лезть.

5, 4, 3, 2, 1 — запуск! Загруженные вертушки унеслись за горизонт. Полетное время до квадрата высадки около часа. Пилоты были опытные, а командир перед Афганом воевал за социализм на нулевом Гринвиче — на африканском экваторе. Во время полета важная обязанность возлагалась на четвертого члена экипажа — Байконура, любимую овчарку всего гарнизона. Свое имя пес получил, родившись двенадцатого апреля, в День космонавтики. Маманя Венера, облегчившись пятью новорожденными, первого, самого пухлого, принесла в кабину вертолета, уложила на командирское кресло и улеглась у входа принимать поздравления.

Байконур очень быстро освоил пилотскую работу. Его любимое место было у носового пулемета, где он торчал все полетное время, упревшись передними лапами в панель. Пес страшно любил воевать и принимать в этом непосредственное участие. Он сердился, когда выпущенные ракеты летели мимо цели, лая командиру прямо в нос. Был случай, когда Байконур гавканьем точно указал незамеченного противника.

Высадка произошла в запланированное время. Борта ушли. Группа «заполнялась» минут за сорок, выбрав для этого полуразрушенный дувал. Саперы быстро «пометили углы», то есть заминировали все в радиусе тридцати метров. Распределили зоны наблюдения, стрельбы. К вечеру зевнувший Могила подвел итог:

— Давно сидим.

Духи напоролись на спецназ к концу третьих суток. Из-за шестидесятиградусной жары Славка, весь белый, в соляных разводах, был ска-

зочно страшен. Из-за сильного перегрева у одного десантника начались галлюцинации: он принял муху за птицу, начал размахивать руками и беспричинно ухмыляться. От сумасшествия его спасли крепким ударом в грудь и промедолом.

Духов оказалось втрое больше, чем донес наводчик. Бой с короткими интервалами продолжался до полуночи. Ранение получили семь человек. Одному пуля попала в рот и вышла через шею. Парень судорожно хрипел. Авиацию вызывали трижды. Эмоции во время боя достигли такого уровня, что боль при ранении почти не чувствовалась. Дважды оглушенный от разрывов Славка беззвучно разевал рот, обясняясь на пальцах, как глухонемой.

В 2.40 авиация вышла на цель. Предварительно сброшенные мощные световые бомбы по непонятной причине вспыхнули ниже установленной высоты. От страшного жара, как от атомного взрыва, заживо сгорело около ста духов. Немногие «уцелевшие» корчились в предсмертных судорогах. Видимо, после этого случая многие «военныеведы» стали бубнить о неких вакуумных бомбах, применяемых Москвой. В самом спецназе на короткое время ослепли все. После еще долго слезились глаза, мучили высохшие губы, гортань, язык. Десантники около часа тыкались по дувалу, как пьяные.

Группу спецназа забирали утром. В момент загрузки Славка был прикрывающим. Увидев красную ракету, сигнал «на борт», он, вставая, наткнулся на лежавшего за дувалом тяжело раненного молодого душмана. Тягач впился глазами в его глаза. Тот лежал без всякой попытки укрыться. Он ждал своей смерти. С вертолета орала: «Немедленно на борт!» Топлива оста-

валось совсем ничего. Славка медленно навел на паренька автомат и... не выстрелил. Уже на борту, сидя на полу, он почему-то машинально отсоединил магазин — он был пустой...

При заходе на посадку над полосой у ведущего кончилось топливо. Приземлились грубо, юзом. Спасло мастерство пилотов. Доставленных стаскивали осторожно, почти при гробовой тишине. Внезапно все подняли головы. Недалеко с кем-то ругалась медсестра:

— Я сама... сама дойду... Байконур, отстань...

К раненым десанникам пес тащил медсестру, вцепившись зубами в ее халат и рыча на нее сквозь зубы за медлительность.

На следующий день в гарнизон приехала с «огромным небом одним на двоих» Эдита Пьеха. Оказавшись в районе боевых действий, она стала очевидцем того, как упал и сторел вертолет с экипажем и несколькими пассажирами. Видя настоящую смерть своими глазами, побабьби редела известная всему миру женщина.

С военно-полевого концерта Тягач ушел в растопленных чувствах.

Февраль 89-го вошел в каждый дом, как вывод советских войск из ДРА. Люди, прежде равнодушные к теленостям, не пропускали ни одного слова, подтверждающего, что война закончилась. Каждый хотел верить, что это навсегда.

...Славка Тягач вернулся домой как герой. С ним конфузились от излишнего внимания, не зная, куда деть руки, на встрече в Доме культуры еще пять земляков, вернувшихся вместе с ним с войны. Их возмужавшие, загоревшие лица, неспешность поведения, непривычная молчаливость и скромность напрочь покорили сердца местных дам.

Славка встретился со своей одноклассницей на прежнем месте. Варвара дождалась его, как обещала. Местом свидания всех влюбленных в поселке была Клавдина стрелка.

...В 41-м молодая Клавдия проводила на фронт своего Степана. Она была видная невеста. Сколько по ней колотилось сердце и кулаков, а взял ее сердце внешне неприметный Степан. Да и чем! Он очень смешно краснел и смущался, когда признавался ей в любви. Степан, как мог, регулярно писал своей невесте почти до Дня Победы. Потом пришло известие о его гибели. Клавдия внезапно стала тиха и молчалива. А какое-то время спустя ее постоянно видели у железнодорожной стрелки, где она напряженно всматривалась в каждый проходящий поезд. «Надо же, — всплакнув, вздыхали бабы. — Ведь ждет...» Клавдия встречала и провожала поезда три года. Круглосуточно, не пропуская ни один. А лютой зимой ее нашел путевой обходчик. Клавдия замерзла на месте свидания, у стрелки, где Степан первый раз сказал ей: «Люблю».

С сентября Славка стал курсантом военного училища ВДВ. У материнского сердца появилась прежняя забота: вздыхать и ждать. Курсантские будни поглотили будущего офицера. Боевая учеба, парашютные прыжки, хвосты по математике, письма Варьке. Все шло своим курсантским чередом. Перед выпускными экзаменами сержант Тягач прибыл на войсковую стажировку на должность командира батальона-полка.

Не склонная к излишествам курсантская молодость быстро позволила дисциплинированному Тягачу вратиться в обстановку. Удачно прошли контрольные стрельбы. На «ура» со-

стоялись сложные прыжки с Ил-76, с высоты 300 метров при скорости 450 км в час.

Будущий офицер при ордене Красной Звезды и медали «За отвагу» к приему роты был готов.

«Госы» в училище прошли успешно. На выпускном балу Варвара и Славка были веселы и счастливы. Матери сблизилась, как родные. После отпуска молодой лейтенант убыл в часть. А через год — в Чечню. Невеста заканчивала пединститут. Сразу после выпуска наметили сыграть свадьбу.

То, чему учили лейтенанта тягача, наступило. Принципиально нового на этой войне Славка не увидел. Из Чечни, как из Афгана, кто вышел, кто сбежал, кого вынесли на «крыле». Он убедился, что кремлевские победы тоже бывают срамными. Что на войне самые плодотворные плантации — из «черных тюльпанов».

...Ночная зачистка подвалов производилась по наводке агентуры от боевиков. Затхлость подвала, кучи пустых консервных банок, окурков, грязных одеял говорили о том, что это место было перевалочной базой бандитов. Из дальнего помещения послышался бабий стон. Была русская девка, полгода содержащаяся бандгруппой для утех. Она с отворачиванием глядела на свой живот, ненавидя зачатый плод...

При подъезде ко второй точке у дороги Славка увидел могилу. На прибитой к кресту дощечке была надпись: «Здесь похоронен русскоязычный мужчина с протезом левой ноги».

Через час группа Тягача подорвалась на растяжке. Горел БТР, орали люди, сладко пахло жареным человеческим мясом. Славка, с обгоревшим до жил лицом, руками с оторванными пальцами хирургическим путем извлекал

пулемет из рук мертвого стрелка. И тоже орал.

Потом была тишина. Настолько звенящая, что даже злило, что не стреляют.

...В момент ранения сына у матери заболела голова. Позже в зеркале она увидела — на том месте, куда Славке в голову попал осколок, у нее появилось серебро высшей пробы.

В военно-полевом госпитале, куда доставили Тягача, врачи оказали только самую необходимую помощь. Далее нужна была срочная серьезная операция в стационаре. Начальник отделения сказал: «Мы такие нищие, что даже не на что подвиг совершить». Подполковник поскромничал. Врачи совершили подвиг, прогнав заглядывавшую в окна операционной Славкину смерть.

В известном орденоносном госпитале операция шла несколько часов. На пятом часу наркоз неожиданно закончился. Вылупивший глаза Тягач, находясь в полужабытьи, плаел чушь:

— ...Э-е-е-й... м-м... ррр... ссс... кудаа... ппп-р-е-шшшь...

Медсестра, успевшая ввести новую дозу наркоза, быстро усыпила болтливого пациента. В жизни каждого человека есть особенный час, когда проверяется личное мужество, стойкость, милосердие и преданность близких, надежность друзей. Для Славки им был первый миг после снятия с лица операционных бинтов. Несмотря на тщательную психологическую подготовку перед этим, потрясение парня было страшным. У Тягача не было лица. Вообще... Только глубоко запавшие глаза. Без всяких волос на голове.

Второй удар был нанесен чуть позже. Мать невесты, узнав о такой новости, грубо и властно отсекла от жениха свою дочь.

Славка долго привыкал к своему новому лицу. Сначала трогал его осторожно, украдкой, поглядывая на реакцию соседей по палате. Потом осмелился посмотреть в воду. Долго плакал в перевязочной, колотя перебинтованными ладонями по всему, что попадало под руку. Сбежавшие врачи с трудом привели его в чувство. Таких, как он, в отделении не было. Но подобных было немало. Это как-то сгладило первые душевные муки. Недели через две Тягач первый раз посмотрел в зеркало. Долго стоял, убеждаясь, что это — он.

Приезд матери намного ускорил восстановление сына.

Госпиталь, госпиталь... Это особенное государство, где престранно уживаются муки, боль, вера, надежда и любовь. Три последних слова были главными в преодолении мрачного состояния. За Славкой ухаживала молоденькая медсестра Наташа. Он сначала сильно стеснялся, а потом стал ждать ее прихода. Во всех госпиталях все раненые влюбляются в медсестер. В основе этих чувств лежит нечто иное, чем страсть. Скорее это острая нужда больного солдата в целебной женской руке. Сестра милосердия, как ты хороша в свое милом усердии! Белый халат к лицу твоей чистой душе.

Во время вечернего осмотра еще не до конца восстановившийся Славка на вопрос: «Что беспокоит?» Ответил заплетающимся языком: «Очень болит ум...» Он имел в виду, что болит голова. Наташа тихо рассмеялась и ласково погладила его лоб. «Ничего у тебя не болит. Засыпай. У тебя нет ума». Согласившийся с ней Тягач закрыл глаза.

Госпитальный мир устроен так, что в каждой палате всегда есть свой весельчак. Славке пер-

вое время казалось странным, что сосед, капитан с перебитой рукой, перед каждой едой читал молитву и с трудом крестился. Его поведение Тягача не смущало. Наоборот. Капитан во время боя прикрыл своей рукой друга. Пуля до локтя прошла ему руку, и она начала сохнуть. А может, тем и была спасена рука, что от крещения сухость прекратилась, а позже полностью восстановилась. Балагуру-капитану однажды пришло письмо от жены. Прочитав его, он начал бурчать: «Вот вечно у нее так, пока меня нет. То трубу дома прорвет, то ногу сломает, то в роддом попадет».

В поселок старший лейтенант Тягач вернулся с тяжким чувством. Несмотря на орден «За личное мужество», народ его встретил по-разному. Большая часть с состраданием. Но было и другое. Будущая свекровь обходила Славкин дом по чужой улице. Варька ревела белугой. Мать Тягача при сыне крепилась, но к утру ее подушка бывала сырой.

Неожиданной трудностью обернулось оформление документов в военкомате. Лейтенант-юнец посоветовал без задней мысли не мучиться в поисках работы. «Сам понимаешь, почему», — глядя на Славкино лицо, сказал он.

Интересно, в какой части тела проживает задняя мысль?

Взвинченный, издерганный старлей записался на прием к государственному чиновнику в надежде решить свои дела. После недолгого ожидания в приемной он вошел в богатый кабинет. Принявший его молодой полный человек был нетороплив в речи и движениях, говорил невнятно, будто сам с собой. Неспеша курил, рассматривая ногти.

— Значит, Вы именно этого хотите? — еще раз переспросил он Тягача.

Славке было тяжело стоять. Ныли руки. Сильно ломило затылок. Сесть ему никто не предложил. Он стал раздражаться. А потом все происходило так. Говорил Тягач:

— Ты хам. Ты государственный хам.

— Почему? — совершенно спокойно спросил сидевший в кресле. — Я чиновник.

Славке становилось все хуже. Болело уже все. Но он говорил:

— Если нас, инвалидов, не будет, чьими событиями будете обогащаться? Вы же тогда подохнете с голода.

— Согласен, — продолжая разглядывать ногти, ответил чиновник. — Когда не будет вас, инвалидов, мы устроим новую войну и появятся новые калеки. Мы будем вас кормить так, чтобы вы не подохи, но существовали. Нам так выгодно. Все. Мне надоело с тобой, — сказал сытый в кресле и вызвал секретаршу.

— Дай ему хороший кофе, — приказал он девочке. — Ты пил когда-нибудь настоящий кофе? Вот попробуй, запомни его вкус и иди. Я хочу, чтобы ты скулил при воспоминании о хорошей пище.

Последнее слово осталось за офицером:

— Я умру по болезни и от голода. Но твоя смерть будет страшнее. Придет час, когда останешься только ты и тебе подобные. У вас начнет заканчиваться все, чем вы жили, ворюя у нас. И вот тогда... тогда вы начнете пожирать друг друга...

Славке было очень плохо. Его сильно тошнило. Уже неделя, как закончилось лекарство,

но здесь, в этом кабинете старлей обязан был выстоять.

Это был предел человеческого терпения. Такое, к сожалению, бывает. Скоро Славка Тягач совершил преступление.

...После того дня, когда заключенный Тягач перебил всю мебель и окна, прошло несколько дней. В воскресенье он пришел в храм одним из последних, стал у дверей, не решаясь перешагнуть за порог. Он был в напряжении, нервно теребил кепку. Увидевший его отец Игнатий спросил:

— Ты чего там стоишь? Быстро проходи и зажигай свечи.

Славка еще больше онемел.

— Я... я с таким лицом, — каким-то не своим голосом пытался намекнуть он.

— Зажги вот эти свечи, — словно не замечая ущерба на Славкином лице, снова попросил священник. И... Славка вошел в новый, настоящий мир.

По весне к старшему лейтенанту Тягачу приехала Наташа. Неделю спустя она стала Наталья Сергеевна Тягач.

...Отче наш, Иже еси на Небесех! Да святится Имя Твое, да придет Царствие Твое...

В храме мощными голосами звучало молитвенное пение. Светились лица прихожан. Светилось Славкино лицо, на котором исчезали рубцы войны. Люди смирились с волей Отца и умоляли уберечь их от соблазнов вольных и невольных...

Литургия приближалась к главному часу — Причастию Святых Христовых Тайн.

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родилась в день рождения Пушкина 6 июня 1955 года, в семье московских литераторов. Мое имя имеет литературное происхождение: в ту пору вышло первое за историю советской власти собрание сочинений Куприна, один из рассказов которого так и назывался «Олеся».

Поначалу — до школы — воспитывали меня две донские казачки — мои бабушки по материнской линии, которые вели очень аскетичный образ жизни.

Когда мне исполнилось семь лет, папа взял меня с собой в командировку в Ленинград. Там, в Эрмитаже и в Исаакиевском соборе я узнала об Иисусе Христе и среди картин итальянских и испанских живописцев уверовала в Него как в пришедшего во плоти Бога.

Примерно тогда же я поняла, что я — поэт, хотя стихов еще не писала, зато сочиняла исторические романы из жизни английской аристократии XVII века. Больше всего мне нравилось давать имена героям: Артур, Чарльз, Джулия, Оливия, Арабелла. Но одна подружка сообщила мне по секрету, что она пишет стихи, и я испытала страшное потрясение от роковой ошибки жизни, потому что ведь это же я, это я, а не она ДОЛЖНА была писать их!..

Жизнь моя складывалась очень благополучно: я училась в лучшей английской школе, на

дом ко мне приходила «французенка» и учила меня французской грамматике. Была у меня и учительница музыки — старенькая, с фиолетовыми волосами, осевшая с незапамятных времен в России голландка Фредерика Людвиговна. Мы жили в фешенебельном доме на новеньком в ту пору Кутузовском проспекте. К родителям приходило множество гостей, в том числе известные в России поэты и писатели — Булат Окуджава, Семен Кирсанов, Евгений Евтушенко, Давид Самойлов, Юрий Левитанский, совсем еще молодые Андрей Битов, Василий Аксенов, Анатолий Гладилин. И еще многие, многие...

В доме моих родителей всегда жили какие-нибудь звери — собаки, кошки, морские свинки, белки и даже удав и обезьяна, не говоря уж о рыбах и птицах.

В шестнадцать лет я встретила в поликлинике некоего молодого человека, о котором мне сказал тайный голос, что он-то и будет моим мужем. Я искала его потом три года и, найдя, вышла за него замуж. наших детей зовут Александр, Николай и Анастасия. А моего мужа — Владимир Вигилянский.

После школы я поступила в Литературный институт, где училась в семинаре поэзии у Евгения Винокурова.

Первые двенадцать лет нашей жизни мы с мужем очень бедствовали, можно даже сказать — нищенствовали: его не принимали на работу, потому что он не то что не был членом Компартии, но даже никогда не бывал комсомольцем, а специальность его «литературной работник, критик, искусствовед» должна была иметь в те годы идеологический оттенок. Меня почти вовсе не печатали. И вообще за нами присматривал КГБ и даже порой откровенно «следил» глазами своих сотрудников, потому что мы дружили и с иностранными корреспондентами, и с Профферами, и с «метропольцами», которые были тогда в опале.

По счастью, меня пригрела Грузия, и я регулярно печатала там свои стихи и переводы грузинских поэтов, которые потом вошли в мою книгу «Смоковница», выпущенную тбилисским издательством «Мерани».

В восьмидесятые годы мы с мужем попали в Ракитное — пустыньку великого старца о. Серафима Тяпочкина — прозорливца и чудотворца, и это переменяло нашу жизнь: мы покрестились, обвенчались, стали ходить в церковь, ездить по монастырям, где у нас появилось много друзей среди монахов и священнослужителей, которые очень помогали нам получить церковное образование.

Отголоски этого нового сюжета моей жизни слышатся в романе «Августин» и повестях «Инвалид детства» и «Кукс из рода серафимов». Кроме того, смею сказать, церковная литургическая поэзия оказала сильное влияние на поэтику моих стихов и эссе («Слово и безмолвие», «Апология человека» и др.)

Началась перестройка, и меня приняли в Союз писателей, куда не хотели принимать в

течение семи лет — как «писательскую дочку», а мои стихи начали широко печатать. У меня стали выходить книги — стихов, прозы, эссе. Я была приглашена в Париж и Гренобль на праздник русской поэзии, в Италию — на фестиваль поэтов, в Нью-Йорк — на конференцию женщин-писательниц, в Женеву — на чтение цикла лекций и т. д.

В 1989 году я стала преподавателем Литературного института, где в течение двух лет читала курс лекций по истории русской религиозной мысли и где по сей день я веду семинар литературного мастерства.

В конце восьмидесятых годов я выучила древнегреческий язык, который даже преподавала монахам Псково-Печерского монастыря, куда я часто в те годы ездила.

В 1992 году меня приняли в Русский Пен.

В 1993 году я совершила паломничество в Иерусалим — ко гробу Господню.

Вскоре моего мужа — писателя и журналиста — рукоположили в священники, а меня пригласили поработать в Новодевичьем монастыре шофером его настоятельницы — игуменьи Серафимы. Правда, моя монастырско-шоферская карьера вскоре окончилась, явившись в моей жизни лишь экзотическим эпизодом. Он описан в эссе «Оксюморон, или Святость как категория Свободы» (ЛГ) и в новелле «Человек в интерьере» (журнал «Россия»)

Из всего описанного очевидно, что Господь был милостив ко мне и хранил меня на путях моих, заплетая три линии, три внутренних сюжета моей жизни в единый жгут. Эти линии такие: Богоискательства, любви и творчества.

Слава Господу во веки веков. Аминь.

БИБЛИОГРАФИЯ

Поэзия

- Сад чудес. — М.: Советский писатель, 1980.
- На корабле зимы. — М.: Советский писатель, 1986.
- Смоковница. — Тбилиси: Мерани, 1989.
- Здесь. — М.: Советский писатель, 1990.
- Rien d'autre que la vie. — Paris: Clemance Hiver, 1991.
- Апология человека. — М.: Издательство Московского подворья Троице-Сергиевой Лавры, 2004.
- AMOR FATI. — СПб: Ина-пресс, 1997.
- Испанские письма. — М.: Материк, 2004.
- Шестнадцать стихотворений и поэма. В честь присуждения Российской национальной премии «Поэт». — М.: Время, 2006.
- 500 стихотворений и поэм. — М.: Арт Хаус медиа, 2008. Награждена национальной премией «Лучшие книги и издательства» и премией «Книга года» в 2009 году.

Художественная проза

- Ключи от мира. — М.: Московский рабочий, 1990.
- L'infirme de naissance. — Paris: Gallimard, 1993.
- Мене, теке, фарес. — М.: Эксмо, 2003.
- Ничего страшного (2007).
- Пленный херувим. — М.: Издательство храма святой мученицы Татианы при МГУ, 2010.

- Тутти. — М.: АСТ, 2010.
- Кукс из рода серафимов. — М.: Издательство храма святой мученицы Татианы при МГУ, 2010.
- Корфу. — М.: Издательство храма святой мученицы Татианы при МГУ, 2010.
- Инвалид детства. — М.: Издательство храма святой мученицы Татианы при МГУ, 2011.
- Чудесные истории. — М.: Издательство храма святой мученицы Татианы при МГУ, 2011.
- Киноповести для семейного чтения. — М.: Издательство храма святой мученицы Татианы при МГУ, 2011.
- «Небесный огонь» и другие рассказы. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2012.

Эссеистика

- Современная культура и Православие. — М.: Издательство Московского подворья Троице-Сергиевой Лавры, 1999.
- Православие и свобода. — М.: Издательство Московского подворья Троице-Сергиевой Лавры, 2002.
- Поцелуй Иуды. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008.
- Православие и творчество: в 2 т. — М.: Ника, 2012.

В 2012 году запланирован выпуск девятитомного собрания сочинений Олеси Николаевой.

ДУХ ЛЮБВИ И СВОБОДЫ

ИНТЕРВЬЮ

Как Вы отличаете подлинное вдохновение от его разнообразных эмоциональных обманок?

Для того чтобы отличить подлинное вдохновение от, как Вы говорите, «эмоциональных обманок», нужно иметь дар различения духов. Я, конечно, даром таким не владею. Да и вообще мало кто из святых владел им. На этом можно было бы и закончить мой ответ на Ваш вопрос, но в таком случае богобоязненному художнику вовсе нельзя было бы заниматься творчеством, ибо он преткнулся бы в самом начале, будучи не в силах утверждать, что происходящее с ним «творческое озарение» ниспослано ему свыше. Но я сама когда-то спрашивала именно об этом у людей духовно искусных и близких к святости: у митрополита Антония Сурожского и у архимандрита Кирилла (Павлова). И они дали мне ответ, который, возможно, не имеет универсального характера, но который, как всякое благословение, предназначался лично мне.

Где для Вас находится грань, после которой Вы решаете: «Это надо записать». И позже, когда стихотворение, рассказ или повесть уже написаны, как долго Вы принимаете решение о публикации?

Как сказал поэт, «чем случайней, тем вернее», и никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Бывает так, что стихотворение само пишет себя. И сначала кажется безделкой. А

потом — радует сердце. Поэтому я никогда особенно долго не раздумываю — стоит это записывать или нет. Просто сажусь и пишу: это похоже на процесс рождения, когда то, что хочет родиться, — рождается.

Приходилось ли Вам принимать решение о том, что что-то публиковать не стоит?

Конечно, я не все публикую из того, что пишу. У меня много «отходов», выброшенных исписанных бумаг... Есть недописанные повести, оборванные на полуслове рассказы, строфы, стихи... Все то, что я называю «мертворожденным». Я печатаю вещи, которые, как мне кажется, получились живыми. А это значит, что в них веет дух любви и свободы.

Вы ведете творческий семинар в Литинституте. Чему в первую очередь Вы хотите научить своих студентов?

Я веду семинар поэзии, и у меня занимаются молодые люди, которые пробуют писать стихи. Конечно, человека невозможно «выгучить на поэта». Моя задача в том, чтобы помочь им найти в себе творческую личность. Личность словесную, свободную, культурно вмняемую. В стране, переживающей глубочайший нравственный, культурный, духовный и личностный кризис, это становится уже подвигом, если не вызовом.

Какая книга, из недавно прочитанных или перешитанных Вами, произвела на Вас наиболее глубокое впечатление? Могли бы Вы поделиться своим впечатлением от этой книги с нашими читателями?

Сейчас, слава Богу, выходят замечательные книги. Последняя, которую я прочитала пока лишь отчасти, — блестящий труд Ренаты Гальцевой и Ирины Роднянской «К портретам русских мыслителей». Очень большое впечатление произвели на меня книги из серии ЖЗЛ Алексея Варламова «Григорий Распутин» и «Андрей Платонов», впрочем, замечательны и

другие его художественные исследования из той же серии («Михаил Булгаков», «Алексей Толстой»). Долгое время не расставалась я с сочинениями святителя Иустина Поповича. Прочитала роман «Раскол» Владимира Личутина с трудом и самопреодолением «входила» в этот архаизированный чудной язык, но, освоившись в нем, получила большое удовольствие: писатель-тайнозритель. В который раз перечитывала «Бесов» Достоевского, поэмы Пушкина и стихи Мандельштама. У меня такое чувство, что я обладаю несметными сокровищами, драгоценностями... И — Священное Писание, которое превыше всего и всегда со мной.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Огонь

Даже если и малую спичку зажечь,
темноту победит ее бледное пламя,
так насколько же огненной бедная речь,
если сердце вдруг овладевает устами!

Даже если и слово сказать за версту
можно так, что охрипшая даль отзовется,
так насколько ж во мне на холодном ветру
горячее любовь и острее сиротство!

И когда кто-то, к небу взывая, спасти
умоляет заблудшего в мире огромном,
то какой же огромный огонь на пути
разгорается над полуночником темным!

В черном плаще

Ты меня больше не любишь! Все ясно.
Выйду на улицу. Черен мой плащ.
Люди, вам женщина эта опасна,
ибо она не вмещается в плач.

Боже, горячка, горячка под льдиной,
думала ль я, что когда-то б смогла
весь этот мир озаглавить?
Вот и расплата: все гибель, все мгла.

Знала ль, что все, чем была я любима, —
пенье и небо в наплывах огня —
вдруг отвернутся так непоправимо
разом с любовью твоей от меня!

Сгинь же, проклятая эта забота —
жизнь проискать его в мертвом плаще ...
И если я ненавижу кого-то,
так это женщину в черном плаще!

Осень на озере Лиси

Ну вот — все пусто: никого.
Прохладен воздух, звук утончен.
Лишь призрак лета моего
твердит, что нет, что бал — не кончен.

Полны листвою и водою
качелей лодочки, а рядом
свидетель жизни молодой —
шиповник смотрит грустным взглядом.

И карусель уже не та,
зверюшки встали друг за другом,
но лев облезлый без хвоста
не мчится за жирафом кругом.

Никто теперь гнезда не вьет.
Но кто не обзавелся кровом,
не пляжем заспанным бредет,
а голым берегом суровым.

Очками черными вчера
лицо мы подставляли свету.
А нынче — кончена игра:
темна вода, земля сыра,
и небо требует к ответу.

Иосиф

Что я, праведный, что ли, Иосиф, —
ни словца не сказать молодцам,

когда братия, в ров его бросив,
продавала в Египет кушцам?

Что — Иосиф Прекрасный я разве, —
только Бога в заступники звать
и Ему лишь показывать язвы
да недобрые сны толковать?

Нет, как стебель и хрупкий, и жалкий,
трепещу, шелестя на ветру,
а запахнет грозой с перепалкой —
я трещу, я звеню, я ору!

И за это — не дом фараона,
не спасенье народа, не дар
уготовал мне Бог от Сиона,
а египетский рабский угар.

Да! — не отчее благословенье
и не пажити Нила в цветугу,
и не легкое прикосновенье
тайноликой судьбы на лету...

* * *

Ходит дождичек мелкий и нищий,
дрогнет голос, сожмется рука:
— А пойдем-ка с тобой на кладбище,
и дорога не так далека ...

Знаешь, где б этот дождичек ни был,
голос там начинает дрожать,
почему-то под сереньким небом
мне так стыдно уста разжимать!..

А зайдем-ка с тобой за ограду,
может, тихую песню споем,

посидим на скамеечке рядом,
словно в мире остались вдвоем.

Расскажи мне, как я изживала
эту жизнь на холодном ветру,
как слова, все слова изжевала
и немою, немою умру...

Это ты за меня в честь быдую
скажешь после: «Любила она
этот дождь, эту землю сырую,
это нищее небо без дна!»

Моим детям

Не для случайных дел, не для угрюмой доли —
тащить свой скудный скарб, сбывать
за часом час,

а для любви лесов, для поцелуя воли
я, чада вы мои, вынашивала вас.

Так помните: всегда — средь тления и дыма,
когда не разглядеть и своего лица, —
вы, как и ваша мать, хранимы и любимы,
и полем — вдалеке, и садом — у крыльца!

Так помните: всегда — среди соседств
безлюбных,
когда судьба дает над бездной страшный
крен, —
к вам тянет руки куст, к вам ливень тянет губы
и к вам растет трава у дрогнувших колен.

И кто бы в спину вам ни посылал проклятья,
и как бы ни был дом ваш душен, тесен, кос —
к вам бабочки свои направили объятья
и с вас сдувает пыль крыла речных стрекоз.

Среди любви такой унынье и усталость
достанутся рабам — без слуха и чутья,
Среди потопа дней — на бедность
и на старость
всегда пространство есть, и ветер, и ладыя.

Но за подобный дар вы призваны отныне —
за каждый взлет хола и снега холодок —
пред злобою людей сломить свою гордыню
и нищему отдать последний свой кусок.

Сурок

Безумная, куда я тороплюсь,
чего я жду, что знаю я, чем тешусь?
Тем, что в осеннем ливне — утоплюсь,
тем, что листом на дереве — повешусь?

Тем, что, как мой зеленый крокодил
из кукольного детского мультфильма
бубнить стихи, чтоб ты не уходил,
я буду и смущенно и бессильно?

Иль буду, чтоб опять тебя не злить
своей тоской, смешные рожи строить,
горланить песни, — нет, не петь, а выть
о том, что мой сурок всегда со мною?

Иль буду задышаться у руки,
припомнив взгляд твой и прищур твой лисий,
и знать, что прохрустят грузовики
по жертвенным моим опавшим листьям?

И что тогда и как, какой листок
весь ужас пустоты прикроить сумеет?
И мой сурок со мной, и мой сурок —
он не умрет — замерзнет, заболеет...

Игра

Я придумала игру в темную свободу.
Предлагаю вам, друзья, и хочу сыграть:
в доме гасятся огни и фонарь — у входа,
мы себе любую роль можем выбирать.

Вот условия игры — нас никто не видит,
вот и правило ее — произвол и — ша!
Так посмотрим же, друзья, что же из нас
выйдет — человек ли, ангел, черт или — ни шиша.

Отомсти во тьме врагу, как мечтал ты всуе,
иль для помыслов благих деньги укради,
иль напейся, наконец, иль жену чужую —
даром ты ее любил — в темень уведи.

И закон, и Страшный суд, и тиран
кровавый — ныне все упразднены, страхи на цепи.
Правь собой, как кораблем или как державой,
или просто на боку всю игру проспи.

Что ж так тихо, так темно? Дом как будто вымер.
Словно нынче будут всех в доме том карать.
— Да, — я слышу в темноте, — страшно делать
выбор, ведь когда-нибудь и я буду умирать!

Я вплетен в узлы судеб. Страшно шевелиться
для меня и для других, кто вплетен со мной.
Если можно поиграть в «заново родиться»,
то тогда у нас пойдет разговор иной!

Разбреемся кто куда: в темноту, как в повесть
о печали, о любви, о судьбе, и вслед —

о встревоженной руке (в скобках ставлю:
совесть),
зажигающей среди игр в темном доме свет.

Вопрос

Случалось ли вам среди людей,
их речи заслушавшись куцей,
забыться всей жизнью своей,
всем сердцем от них отвернуться
и мысленно сто площадей
пройти, чтоб о слово споткнуться
и снова среди тех же людей
с иным ощущением очнуться?...

Расслышать сквозь гомон тщеты,
сквозь бледную ткань суесловья
в них музыку детской мечты,
забитой впотьмах нелюбовью;
увидеть сквозь позу, игру
в их душах — надрывы, надломы.
Все слезы их глаз — на ветру
и душном отсеке их дома;
спросить — и услышать ответ,
взглянуть и увидеть их лица,
продрасть сквозь сумрак на свет
и к Богу сквозь пошлость пробиться?

Уже тут

Это храм Соломонов на двести локтей
раздается
в ширину, а в длину — вдвое больше локтей он
простер:
так он высится, тянется, ширится, длится,
поется,
и крепка его хватка, и строго он смотрит в упор.

По Иосифу Флавию — к Пасхе заклали
 примерно
 триста тысяч отборнейших агнцев, Талмуд же
 гласит —
 вдвое больше, —
 поскольку лишь кровью смывается скверна,
 и душа перед Богом, как облачко дыма, висит.

Запах тука и масти, и всё в облаках фимиама,
 и мутится рассудок от смешанных, липких
 кровей,
 и под пенье хоров — среди бляенья, стопа и гама
 пред огнем всесожженья возносит хвалу иерей.

Под закон Моисеев покорно подставили шею
 двадцать тысяч быков и — слились воедино
 огнем.
 То-то страшно! Но впасть в руки Бога Живого
 страшнее,
 и об Имени Божьем — ни звука, ни слова о нем!

А при этом — уже приготовлена горница:
 вымыто блюдо,
 благолепен Сион, препоясан, одет и обут
 всякий званный на пир. И прекраснейше видно
 отсюда,
 что твой Царь молодой на заемном осле уже тут!

За что — при нас — судьба такое пела?
 И что — при нас — хотела вдруг исправить?
 Она из жалости проститься с ним не смела,
 а он из жалости не смел ее оставить...

Я так и вижу — снега край белеет.
 Да воеет волк. Да явью бредит спящий.

Она из жалости его дыханьем греет.
 А он из жалости ей студит лоб горящий.

А мы — не так: вражды мы любим жженье,
 огонь сраженья, жертвы и осады.
 И крепостью нам стало раздраженье,
 и башню мы построим из досады.

Но там, где мрак, где ночь подобно страху
 и где прохожий смотрит людоедом,
 она из жалости да за него — на плаху,
 она за ним, а он за нею следом.

Преображение

Луч солнца так запутался в ветвях,
 что светлая беседка там, казалось,
 крыльцо, казалось, золотое там:
 средь пасмурного дня в насупленных
 бровях
 со взором сумрачным, в котором страх,
 усталость,
 уныние, досада, тарарам.

И я взошла на чудное крыльцо,
 и начал рисовать мое лицо
 луч праздничный и говорить: на снимке
 и ты теперь вся в золоте, янтгарь
 в косе сверкает, сам Небесный Царь
 теперь тебя заметит в серой дымке.

Но все так создано, чтоб даже и она
 здесь просияла — преображена —
 хоть в городе, хоть возле полустанка.
 А там, где мрачный верховодит дух
 и лупит коз своих хмельной пастух,
 прольется лунная, бликуя, серебрянка.

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

БИОГРАФИЯ

Александр Юрьевич Сегень родился в Москве 12 апреля 1959 года. Отец: Юрий Лукич Сегень (1932-1994), водитель такси. Мать: Нина Тимофеевна Сегень (1931-1983), в девичестве Кондрашова, инженер.

В раннем возрасте стал сочинять, но профессионально занялся литературой в возрасте двадцати лет. В 1980 году поступил в Литературный институт (семинар А. Рекемчука), окончив его, учился здесь же в аспирантуре, занимаясь исторической публицистикой Николая Михайловича Карамзина. Опубликовал его трактат «О древней и новой России». Печтаться начал с 1986 года — журнал «Юность», Москва, рассказ «Деревяшка».

А. Ю. Сегень — автор романов и повестей на современные темы. Под влиянием знакомства со Львом Николаевичем Гумилевым сочинил роман «Евпраксия и рыцарь Христа» и далее не раз обращался к написанию романов, действие которых разворачивается в разные исторические эпохи.

Роман А. Сегеня «Державный» был удостоен премии Московского Правительства, роман «Похоронный марш» — премий имени А. М. Горького и В. М. Шукшина, роман «Русский ураган» — Большой премии Союза писа-

телей России, роман «Поп» — премии Издательского Совета Русской Православной Церкви «Просвещение через книгу».

Как публицист А. Сегень постоянно печатает статьи по русской истории и культуре, особое место в его творчестве занимает православная публицистика. Постоянный автор журнала «Русский дом» и интернет-газеты «Столетие». За статьи о русской истории и Православии удостоен премии имени Булгакова, за статьи о чеченской войне — премии Союза журналистов «Золотой гонг».

Доцент Литературного института, в котором преподает с 1998 года.

С 2008 года Сегень обратился к кинодраматургии, написав сценарий фильма на основе собственного романа «Поп», по которому режиссер Владимир Хотиненко снял одноименный художественный фильм. Написаны сценарии «Последняя осень Патриарха», «Выстрелы в Донском монастыре», «Хождение за три пустыни», «Распахнутые окна».

Произведения автора переведены на различные иностранные языки: английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, венгерский, болгарский, китайский, арабский, польский, чешский, японский и др.

 БИБЛИОГРАФИЯ

- Деревяшка: рассказ. — «Юность», 1986.
- Над летописью Карамзина: статья. — «Литературная учеба», 1986.
- Похоронный марш: роман. — Издательство «Современник», 1988; издательство «Андреевский флаг», 2003.
- Комментарии и составление текста трактата Н. М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». — «Литературная учеба», 1988.
- Жара: рассказ. — Альманах «Слово», издательство «Современник», 1988; альманах «Лицей на Чистых прудах», издательство «Московский рабочий», 1989.
- Роман Огюста Лефруа: рассказ. — Альманах «Китайгородская стена», издательство «Современник», 1988.
- Ваш брат в Египте: статья. — Журнал «Советская литература», 1989.
- Китайский огурец: рассказ. — Газета «Литературная Россия», 1989.
- Петров и Топтыгин: рассказ. — Журнал «Наш современник», 1990.
- Удивительные истории: рассказ-триптих. — Газета «День», 1990.
- После всего: рассказ. — Журнал «Советская литература», Москва, 1990.
- Две жены в Германии; С любовью к рок-н-ролу: рассказы. — Журнал «Литературная учеба», 1991; журнал «Пограничник», 1992.
- Надпись на стене: повесть. — Альманах «Дядя Ваня», изд-во «Московский рабочий», 1991.
- Лениниада. Рассказы о Ленине: литературная мистификация (рассказы, написанные выдуманым автором, якобы соратником Ленина, Генрихом Иван-Ивановским). — Альманах «Бобок», 1991; издательство «Русское слово», 1991.
- Заблудившийся БТР: повесть. — Журнал «Наш современник», 1991; журнал «Воин России», 1997; издательство «Армада-Пресс», 2001; издательство «Вече», 2009.
- Гибель маркера Кутузова: повесть. — Журнал «Наш современник», 1992; издательство «Молодая гвардия», 2002.
- Протоколы Сиамских близнецов: литературная мистификация. — Журнал «Московский вестник», 1992.
- Бестолковая история: рассказ. — Журнал «Радонеж XX век», 1992.
- Страшный пассажир: роман. — Журнал «Наш современник», 1994; издательство «Андреевский флаг», 2003.
- Тридцать три удовольствия: роман. — Издательство «ЭКСМО-Амальтея», 1994; издательство «Акпресс», 2007.
- Черная нить Ариадны: рассказ. — Журнал «Москва», 1994; в сборнике «Русский рассказ. Избранное», издательство журнала «Москва», 2008.
- Рыцарь Христа: роман (литературная мистификация: под именем вымышленного автора — Октавиана Стампаса). — Издательство «Окто Принт», 1996; издательство «Терра» (уже под своим именем), 1997.
- Торт генерала Грохотова: рассказ. — Газета «Литературная Россия», 1996.
- Тамерлан: роман. — Журнал «Москва», 1996; издательство «Армада», 1997; журнал

«Роман-газета», 1997; издательство «Астрель», 2001; издательство «Вече», 2007 и 2010.

- Древо Жизора: роман (литературная мистификация: под именем вымышленного автора — Октавиана Стампаса). — Издательство «Окто Принт», 1997; издательство «Терра» (уже под своим именем), 1997.

- Абуль-Аббас — любимый слон Карла Великого: роман. — Журнал «Москва», 1997; издательство «Армада», 1998; журнал «Роман-газета», 2001.

- Державный: роман. — Издательство «Армада», 1997; журнал «Роман-газета», 1998; издательство «Вече», 2006.

- Поющий король: роман. — Издательство «Армада», 1998.

- Сельский батюшка: статья. — Журнал «Русский дом», 1998.

- Евпраксия: роман (новое название романа «Рыцарь Христа»). — Журнал «Роман-газета», 1999.

- Тройка, семерка, туз: рассказ. — Журнал «Наш современник», 1999; издательство ИТРК, 2002.

- Наши сети: сборник рассказов. — Издательство Московской городской организации Союза писателей России, 1999.

- Путешествие из Петербурга на Валаам: статья. — Журнал «Новая книга России», Москва, 2000.

- Ромуальдыч; Спившийся гений: рассказы. — Журнал «Молодая гвардия», 2000.

- Душманская картошка: рассказ. — Журнал «Воин России», 2000.

- Русский ураган: роман. — Журнал «Наш современник», 2000; журнал «Роман-журнал XXI век», 2001; издательство «Молодая гвардия», 2002; издательство ИТРК, 2002.

- Макаровы (в соавторстве с С. Н. Семановым). — Издательство журнала «Наш современник», 2001.

- «История создания и публикации трактата «О древней и новой России...», подготовка текста Н. М. Карамзина и комментарии. В книге «Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века. Н. М. Карамзин». — Издательство А. В. Воробьева, 2001.

- Александр Невский. Солнце Земли Русской: роман. — «Роман-журнал XXI век», 2002–2003; издательство ИТРК, 2003; издательство «Астрель», 2007; издательство «Вече», 2010.

- Поп: роман. — Журнал «Наш современник», 2006; издательство Сретенского монастыря, 2007, 2008, 2009 и 2011; издательство «Вече», 2009, 2010 и 2011.

- Время Ч: роман. — Издательство «Акпресс», 2007.

- Есенин: повесть. — Журнал «Наш современник», 2008; сборник «Открытие века», 2009.

- Господа и товарищи: роман. — Издательство «Вече», 2008.

- Свет светлый: повесть. — Журнал «Москва», 2009; издательство «Вече», 2011.

- Филарет Московский (Московский Златоуст): книга в серии «Жизнь замечательных людей». — Издательство «Молодая гвардия», 2011.

МОНАШЕСКИЙ ПОСТРИГ

ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ «ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ»

«Батюшка! Василья скоро не будет...»

Принятие монашеского подвига — шаг головокружительно страшный. Это как только что оперившемуся птенцу прыгнуть из гнезда и полететь. А вдруг не полетишь?..

Это в определенном смысле — смерть. Препного тебя более не будет на свете. Препный ты умрешь для мира. Появится другой человек. Его и звать будут по-другому. А того тебя, который мог позволить себе быть таким же, как все другие люди, не станет.

Учитель Дроздов осознавал это особенно остро. Скоро не станет ни Василия, ни Михайловича, они исчезнут, останутся в прошлом, а фамилия «Дроздов» хотя и сохранится, но будет отныне писаться в скобках. В скобках мира. А вне скобок мира будет новое имя. Какое — еще неизвестно.

И вот 1 ноября 1808 года он пишет отцу: «Не знаю точно, понравится ли Вам новость, которую скажу теперь; впрочем, если в Ваших письмах говорит Ваше сердце, надеюсь, что я не оскорбил Вас и не поступил против Вашего прозвования, сделав один важный шаг по своей воле, по довольном, смею сказать, размышлении. Батюшка! Василья скоро не будет, но Вы не лишитесь сына — сына, который понимает, что Вам обязан более, нежели жизнью, чувствует важность воспитания и знает цену Вашего сердца. Простите меня, я не думал осмелиться хвалить Вас и не знаю, как это вырвалось. Без нетерпения, но с охотою, без радости, но с

удовольствием я занимаюсь теперь некоторыми приготовлениями к преобразованию, а высокий благодетель мой отнимает у меня часть сих попечений. Дано приказание изготовить ясы и полукафтанье на его счет... Я прошу Вашего благословения и молитв и надеюсь, что Вы в том и в другом не откажете. Простите...»

Борение юноши Дроздова с молодой и полной соков плотью сказывается и в его проповедях, сочиненных накануне принятия монашества. Он доказывает всем и, вероятно, прежде всего самому себе, как пагубно жить одними устремлениями плоти.

— Насытишися: говорит плотоугодие, только не простирай взоров твоих далее видимости; умственное блаженство есть блаженство вымышленное, существенное принадлежит чувствам. Если мы сотворены для счастья, то должны искать его близ себя. Почивай, яждь, пий, веселися: в сем заключается наука быть довольным. Как опасно слушать таковые уроки! — восклицал лаврский проповедник в «Слове на день преподобного Сергия», доказывая далее, что истинное насыщение душе приносит только безоглядное служение Богу.

Решение принять монашеский постриг окончательно созрело в нем летом 1808 года. Он восстал и произнес приговор Василию Дроздову: «Да! Решено. Тебя более не будет!»

На имя митрополита Платона поступило прошение: «Обучаясь, а затем обучая под архипастырским Вашего Высокопреосвященства

покровительством, я научился, по крайней мере, находить в учении удовольствие и пользу в уединении. Сие расположило меня к званию монашескому. Я тщательно испытал себя в сем расположении в течение почти пяти лет, проведенных мною в должности учительской. И ныне Ваше Высокопреосвященство, милостивейшего архипастыря и отца, всепокорнейше прошу Вашим архипастырским благословением совершить мое желание, удостоив меня монашеского звания. Июля 7 дня 1808 года. К сему прошению риторики учитель Василий Дроздов руку приложил».

Радости митрополита не было предела. К тому времени уже начались послабления и в возрастном ограничении, но, волнуясь, как бы не возникло препятствий, Платон пошел на лукавство — направляя бумаги в Святейший Синод, он взял да и приписал Дроздову лет, мол, тому уже исполняется тридцать. Кто-то сочтет возможным осудить Платона за этакую приписку, но нужно учесть, что здоровье владыки становилось все хуже и хуже, пройдет всего три года, и Платон будет разбит жестоким параличом, от которого уже не оправится. Чувствуя и предвидя близкий свой уход, он торопился оставить себе замену и видел ее именно в Дроздове. В чем-то ведь он ставил лаврского проповедника выше самого себя, когда говорил: «Я пишу по-человечески, а он пишет по-ангельски».

Ответ от Синода пришел положительный, и 16 ноября 1808 года в жизни Дроздова произошло важнейшее событие — Василия Михайловича не стало. Вместо него отныне появился Филарет.

16 ноября Православная Церковь вспоминает апостола и евангелиста Матфея, но по-

стриженный в сей день монах получил почему-то другое имя, не Матфей, а Филарет, в честь Филарета Милостивого, чья память совершается на полмесяца позже — 1 декабря. Так почему же?..

Святой праведный Филарет Милостивый жил в VIII веке в Византии. Был он богат, имел семью, детей, но в некоторой степени даже стыдился своего благополучия и старался как можно больше угождать людям. В его доме постоянно кормились нищие, он много жертвовал в пользу обездоленных. Тогда Господь наслал на него испытание: будет ли он столь же милостив, когда богатства его уменьшатся? Благополучие Филарета пошатнулось, но он продолжал свои благодеяния. Нашествие арабов полностью разорило Филарета, но он роздал и то, что у него оставалось, поскольку у соседей и того не было. Теперь он сам возделывал поле, имея для этого двух волов. Потом и вола одного отдал соседу, у которого пал единственный вол. Жена укоряла его, как некогда библейского Иова, но вскоре он и последнего своего вола отдал и все имущество роздал, поскольку душа его уже пребывала в блаженном состоянии. Но Господь не оставил семью Филарета — император Константин Багрянородный влюбился в его старшую внучку, высокую и статную красавицу Марию, и взял ее в жены. Семья, за исключением самого Филарета, переселилась в Константинополь, в царские хоромы. Отныне он мог не беспокоиться о благополучии жены и детей. Получая дорогие царские подарки, дедушка императрицы Марии продолжал все раздавать нищим, и Бог послал ему долгую и счастливую жизнь, девяноста лет от роду блаженный Филарет скончался и был причислен к

лику святых. «Отдал бо еси дольная и кратковременная, взыскупя горних и вечных», — поется о Филарете Милостивом в посвященном ему кондаке. Тема, излюбленная Дроздовым, о чем свидетельствуют его проповеди, предшествовавшие принятию монашеского пострига. Здесь и нужно искать ответ на вопрос, почему он стал отныне Филаретом.

Пострижение происходило во время Литургии в Трапезной церкви Троице-Сергиевой Лавры, в которой он доселе постоянно прислуживал. Перед началом пострига он снял все свое одеяние и предстал перед постригающим в одной длинной рубашке — власянице. Состоялся опрос, призванный получить ответ о том, что постригаемый намерен стать монахом по своей воле и твердому намерению. Звучали молитвы о даровании новому иноку благодатной силы для успешного несения его подвига. Начался постриг.

— Брат наш Филарет постригает волосы головы своей в знак отречения от мира и всего, что в мире, и во отвержение своей воли и всех плотских похотей, во имя Отца и Сына и Святого Духа; скажем все о нем: Господи помилуй.

Постригал Василия в Филарета молодой тридцатилетний наместник Троице-Сергиевой Лавры, архимандрит Спасо-Вифанского монастыря Симеон, другой птенец гнезда Платона, тоже носивший через черточку прозвище «Платонов» (Крылов-Платонов). В семинарии он преподавал Дроздову французский язык и поэзию.

А через пять дней, когда праздновалось Введение во храм Пресвятой Богородицы, митрополит Платон рукоположил нового монаха Филарета в первый священный сан иеродиакона.

«Вы желаете ведать обстоятельства моего нового состояния. Но я почти не вижу около себя

ИТОГИ ГОДА

ИНТЕРВЬЮ

Александр Юрьевич, мы рады поздравить Вас с повторным включением в короткий список Патриаршей литературной премии. Как прошел Ваш писательский год?

Слава Богу, жизнь моя продолжается, а значит, продолжается работа. В 2011 году по заказу продюсерского центра «Всё хорошо» я написал два сценария многосерийных фильмов.

Первый — по книге «Отец Арсений», широко известной в православной читательской аудитории. Передо мной была поставлена трудная, но оттого и увлекательная задача: изобразить ряд историй, изложенных в книге, и при этом, чтобы сам главный герой, отец Арсений, не появлялся в кадре. Для этого пришлось придумать отдельный сюжет, в который эти истории вписывались. Молодой художник получает заказ —

нового, — писал Филарет отцу 14 декабря 1808 года. — Тот же образ жизни; те же упражнения; та же должность; то же спокойствие, кроме того, что прежде, с некоторого времени, я иногда думал: что-то будет? Что-то выйдет? А теперь и этого не думаю. Его высокопреосвященство утомляет меня такого благоволения, какого не смел и желать... Я редко видел начальника, чаще отца, наставника». Это — о митрополите Платоне.

Дальнейшая судьба виделась только здесь, в Сергиевом Посаде. Так хотели и Платон, и его любимец, который с восторгом всегда писал о Лавре: «Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятыя Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и ангелы восхо-

дят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келии, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий Преподобного Сергия, который орошен дождем слез его... Дайте мне облобызать порог ее сеней, который истерт ногами святых и через который однажды переступили стопы Царицы Небесной... Ведь это все здесь: только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге. Откройте мне ковчег, покажите сокровище: оно непохитимо и неистоимо; из него, без ущерба его, можно заимствовать благопотребное — безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования»...

А суждено было совсем иное — жизнь в суетной столице Государства Российского, жизнь отнюдь не простая, связанная с великим множеством испытаний и искушений, коими чреват дольний мир.

воссоздать портрет отца Арсения — и ездит по стране, встречаясь с людьми, которые отца Арсения знали. Перед ним оживают события, изображенные в книге, и в итоге он создает каскад портретов людей, в жизни которых отец Арсений значил так много.

Второй сценарий восьмисерийного фильма «Флавиан» я сделал по трем книгам священника Александра Торика, которые также пользуются большим успехом у православных читателей. И снова передо мной стояла сложнейшая, но увлекательная задача. Ведь книги отца Александра — своего рода проповеди, обращенные к человеку, только-только вступающему на стезю правосла-

вия. Нужно было эти проповеди превращать в картины, разворачивать события, о которых в книгах отца Александра зачастую сказано лишь вскользь. Многие я домысливал, создавал заново, добавлял новые образы, новые истории. Прочитав сценарий, отец Александр сказал: «Получилось хорошо, но теперь это уже ваш «Флавиан». «Нет, он наш», — поправил я его. На мой взгляд, мне удалось справиться с задачей. И могу похвастаться, что сценарий получил гран-при Всероссийского фестиваля кино для детей и юношества в рамках программы «Золотой витязь». Огорчительно лишь то, что до кинематографического воплощения сценариев «Отец

Арсений» и «Флавиан» дело так и не дошло. Нет финансов. Никто не хочет финансировать такое кино. Зато сколько многосерийной белиберды, откровенной пошлости и глупости спонсируется, финансируется и выплескивается на наши экраны! На пошлость деньги находятся.

Кроме киносценариев, весь прошедший год, с лета 2011-го, я работал над одной из главнейших книг моей жизни. О незабвенном Святейшем Патриархе Алексии Втором. К ней я пришел естественным образом после написания для серии «Жизнь замечательных людей» книги о святителе Филарете (Дроздове), митрополите Московском и Коломенском. На мой взгляд, святитель Филарет и святитель Алексий — фигуры равновеликие и равнозначные в истории Русской Православной Церкви.

Все началось с того, что за книгу «Поп» я получил премию Издательского Совета, и владыка Климент, вручая мне изображение святителя Филарета, являющееся главным призом этой премии, произнес: «Вот, теперь о Филарете напишете». Я решил, что это благословение, не выполнить которое я не вправе, и написал. Книга «Филарет Московский» вышла в серии «Жизнь замечательных людей» в 2011 году. И на вопрос главного редактора издательства «Молодая гвардия» Андрея Петрова о том, какая книга будет следующей, я ответил: «Патриарх Алексий Второй». И когда в мае 2011 года я попал в короткий список соискателей Патриаршей премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, то при вручении мне поощрительного подарка, имел дерзновение напрямую обратиться к Святейшему Патриарху Кириллу с просьбой благословить меня на создание книги о его великом предшествен-

нике и оказать возможную помощь. Святейший Патриарх Кирилл с радостью откажкнулся на мою просьбу, аж весь засиял, дал мне благословение и добавил: «Двери Патриархии для вас открыты!» И в дальнейшем, опираясь на неосценимую помощь отца Владимира Вигилянского, возглавляющего пресс-службу Патриархии, я приступил к работе.

Отец Владимир — удивительный, отзывчивый и светлый человек. Он предоставил мне рабочие дневники Святейшего Патриарха Алексия, и это большое подспорье в работе, поскольку Святейший кропотливо записывал ежедневно, где он совершал богослужения, обозначал, сколько было причастившихся во время Литургии. Кроме того, у отца Владимира хранятся несколько чемоданов с фотографиями, которые предстоит разобрать.

Вообще же, эта увлекательнейшая работа над созданием жизнеописания великого столпа православия, каковым я считаю Святейшего Патриарха Алексия Второго, еще в самом начале. Я полагаю, что мне потребуется еще года два для окончания книги, которая будет называться «Предстоятель». А первые главы я уже отдал для публикации в журнал «Русский дом», с которым давно и плодотворно сотрудничаю.

Я много езжу по стране и миру, встречаясь с людьми, знавшими Святейшего, и уже располагаю множеством доселе неизвестных черт биографии моего героя. Словом, впереди много головокружительно интересной работы.

Вы ведете творческий семинар в Литинституте. Чему в первую очередь Вы хотите научить своих студентов?

Любить. Любить жизнь. Любить своих героев. Если писатель не любит своего героя, зачем писать. Любить Россию и ее историю. Любить весь мир, потому что русское сердце — самое отзывчивое к миру. В качестве темы для первой курсовой работы я даю им описать один день из жизни какого-то выдающегося человека прошлого. Прикасаясь к жизни значительных людей, они начинают понимать, что писать нужно не о чем-то пустом и банальном, а о чем-то важном, заслуживающем читательского внимания. Вторая тема, над которой, в частности, мои студенты работают сейчас, это тема значимости жизни каждого отдельно взятого человека. Каждому студенту дано задание создать образ человека, который вместе с другими оказывается в вагоне метро, где вот-вот произойдет теракт. И надо, чтобы читатель увидел, какую ценность представляет каждый человек. «Если читателю станет жалко, что вагон взорвется, значит вы добились цели», — говорю я им. И я вижу, как они начинают стараться. Вообще же, я верю в будущее нашей молодежи. Из нее постепенно складывается то, что в будущем можно будет назвать словом «народ». В девяностые годы, при Горбачеве и Ельцине, наш народ превратился в население, в популяцию. Нынешние правители страны Путин и Медведев постепенно возвращают этому населению облик единого народа. Мне хочется верить этим людям, что они вернут России величие. И молодежь этого жаждет, я вижу, работая со студентами.

Какая книга, из недавно прочитанных или неречитанных Вами, произвела на Вас наиболее глубокое впечатление? Могли бы Вы поделиться своим впечатлением с нашими читателями?

Не буду оригинальным, если назову книгу архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые». Очень рад, что она имеет такой колоссальный читательский отклик и выходит немислимыми для нашего времени тиражами. В ней легко и просто рассказывается о самом важном. В подобной манере написана замечательная книга Олеси Николаевой «Ничего страшного». Вообще же, мне приходится много читать книг по русской истории, не только по интересу, но и по долгу службы, поскольку я возглавляю рецензионный отдел комиссии по присуждению историко-литературной премии «Александр Невский». И должен сказать, что в последнее десятилетие вышло огромное количество выдающихся монографий.

Чтобы не занимать страницы вашего журнала, просто отсылаю читателя на сайт этой премии и советую посмотреть, какие книги входили в ее отборный список. Все они заслуживают внимания и прочтения.

Очень много хороших книг выходит в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия», а издательство «Вече» стало выпускать подобную серию «ВИП» — «Выдающиеся исторические персоны», которая уже начала составлять конкуренцию старушке «ЖЗЛ». А в самой «ЖЗЛ» мне нравится, как работает Алексей Варламов, выпустивший целый ряд монографий, среди которых особенно хочется отметить книги «Михаил Булгаков» и «Андрей Платонов». Мне бы очень хотелось, чтобы биографические книги написали такие замечательные прозаики, как Андрей Воронцов и Михаил Попов, все больше и больше набирающие вес в литературе.

АЛЕКСЕЙ СОЛОНИЦЫН

БИОГРАФИЯ

Родился 22 марта 1938 года в Богородске Горьковской области, русский. Окончил факультет журналистики Уральского университета в Свердловске (ныне Екатеринбург) в 1960 году, много ездил по стране, работал в газетах, на телевидении. Последние 30 лет живет в Самаре.

С 1972 года — член Союза писателей России, с 1984 — член Союза кинематографистов России. За почти полвека творческой деятельности в Москве, Петербурге, Самаре, Нижнем Новгороде, Рязани и других городах России и зарубежья издано, включая переиздания, 30 книг писателя. По его сценариям снято около 40 документальных фильмов. С 1994 года по благословению архиепископа Самарского и Сызранского Сергия возглавил созданную в

Самаре общественную организацию «Самара православная» и руководил ею вплоть до 2005 года.

С 1994 в течение десяти лет на одной из первых независимых телерадиокомпаний России «СКАТ» вел одну из первых в России православных телепрограмм «Путь». После закрытия этой передачи продолжил просветительскую работу на областном радио.

Лауреат всероссийских литературных премий имени святого Александра Невского (Петербург), Ивана Ильина (Екатеринбург), преподобного Серафима Саровского (Нижний Новгород), международного кинофестиваля «Золотой витязь» (Москва). Имеет и другие награды.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Избранное: в 2 т. — Самара: Дом печати, 2003.
- Вдоль обрыва. О судьбах русской интеллигенции в XX веке. — Самара: Книга, 2008.
- Повесть о старшем брате. — Самара: Книга, 2009.
- Свет, который в тебе: роман. — Рязань: Зерна, 2010.
- Врата небесные: повести, рассказы. — Рязань: Зерна, 2010.
- Претерпевшие до конца: повести. — М.: Сибирская благовонница, 2010.
- Ангеловы столпы. — Рязань: Зерна, 2011.

КИНО И ПРОЗА

ИНТЕРВЬЮ

Алексей Алексеевич, Вы известны не только как писатель, но и как кинодокументалист. Могли бы Вы подсказать нашим читателям, где можно увидеть современные документальные фильмы о жизни Церкви?

К сожалению, на православных телеканалах на документальный фильм можно наткнуться только случайно. А что касается моей кинодокументалистики, то ею я занялся еще в советское время. Для меня, как для писателя, кино было отдушиной, возможностью пощупать жизнь своими руками, собрать материал для будущих книг. В 93-м году я снял, как я считаю, свой лучший фильм «Чистый понедельник». В «Известиях» я прочитал маленькую заметку о том, что в Забайкалье на территории исправительной колонии строится церковь. Это была самая первая церковь в таком учреждении. Впечатления, которые я получил снимая этот фильм, легли в основу романа «Свет, который в тебе».

Получается, что в церковной документалистике Вы стали одним из первопроходцев?

Это была еще не церковная кинодокументалистика, тогда это называлось «морально-этическая тема». При Куйбышевской киностудии мы организовали экспериментальную мастерскую и в этой мастерской мы сняли несколько фильмов. В Сызрани, недалеко от нас, расположен крупный железнодорожный узел, через ко-

торый поезда идут в Сибирь и на юг. С этих поездов снимали детей, которые сбежали из дома, при железнодорожном узле для них был оборудован приемник. Мы приехали туда и понаблюдали за этими детьми, пообщались с ними. Много лет спустя, под впечатлением от этих встреч, я написал роман «Ангел из толпы», о молодых священниках, которые по примеру Великой Княгини Елизаветы Федоровны создали обитель милосердия, где собирали таких детей.

Чем сегодня мы можем помочь церковной кинодокументалистике?

Я думаю, что в первую очередь надо создать единый кинофестиваль вместо трех, существующих ныне, и единый творческо-производственный центр, который, по моему мнению, было бы логично разместить в Издательском Совете.

Но как быть с окупаемостью?

В России существует фонд, который аккумулирует часть средств, вырученных с продажи разнообразных электронных носителей. Я думаю, что будет справедливо, если часть средств из этого фонда будет потрачена на церковную кинодокументалистику. На мой взгляд, существуют все предпосылки для того, чтобы Московская Патриархия смогла договориться об этом с Союзом кинематографистов.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

Свердловская киностудия

«Груня»

Фильм о пастушке, которая одна живет в умершей деревне, пасет стадо коров, выполняющая всю работу по уходу за стадом. Автор сценария. 1982 год.

Фильм удостоен премии по разделу короткометражного кино на Всесоюзном кинофестивале в Алма-Ате в 1982 году.

«Чистый понедельник»

Полнометражный документальный фильм о заключенных, построивших первую в стране церковь на территории зоны в Забайкалье, под Улан-Удэ. Премия фестиваля неигрового кино в Екатеринбурге. Режиссерский дебют. 1993 год.

Центральная студия документальных фильмов. Объединение «Нерв»

«Чудотворство. Монолог после смерти»

Фильм об актере Анатолии Солоницыне, старшем брате сценариста Алексея Солоницына. 1989 год. Реж. В. Шамшурин.

Телекомпания СКАТ (Самара)

«Ветка Палестины»

Паломничество на Святую Землю. 1998 год. Премия городской администрации Самары.

«Храм души нашей»

Пятисерийный фильм о возрождении православной веры, ее духовной высоте и современных ее подвижниках. Одна из серий фильма — «Родник» — посвящена священнику Николаю Стремскому, вместе с матушкой Галиной усыновившему свыше сорока детей разных национальностей и построившему для них школу, семейный дом.

«Кресту Твоему»

Установление поклонного креста на Царевом кургане под Самарой.

Премия Фонда Андрея Первозванного «За высокое художественное воплощение идеи национальной славы России». 2001 год.

Студия «ВОЛГА-ФИЛЬМ»

«Если птица поет»

Фильм о художнике из Самары Валентине Пурыгине. Благодарственное письмо Академии художеств России. 2004 год.

«Взыскание погибших»

Фильм о митрополите Санкт-Петербургском и Ладожском Иоанне (Снычеве). 2005 год.

«Захарова тропа»

Фильм о летописце и иконописце Ветлужского края Захаре Солоницыне и его потомках. 2005 год. Диплом 1-го международного кинофестиваля им. Андрея Тарковского.

ЛУЧИ НАШЕЙ ВЕРЫ

ЗАМЕТКИ О КИНЕМАТОГРАФЕ КАК СРЕДСТВЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДУШИ

Несколько предварительных слов

На высоком берегу Волги, в Саратове, где мы росли, стоял большой деревянный сарай, выкрашенный голубой краской. Под козырьком крыши красовалась надпись, вечером вспыхивавшая электрическими лампочками: «Кинотеатр «Ударник»».

Для нас, мальчишек послевоенного времени, не было места более желанного, чем пусть хоть плохонькое местечко на какой-нибудь из деревянных скамеек, врытых ножками в земляной пол. Но попасть на «Александра Невского», или на «Джунгли», или на какой-нибудь другой отечественный фильм, а также на «фильмы, взятые в качестве трофея после разгрома немецко-фашистских войск под Берлином» было сложно — денег на билет не давали, потому что на еду едва хватало. На киносеанс можно было лишь «протырить»». Попадали в зал разными способами — самый удобный предоставлялся на последний сеанс. Я, как самый маленький из нашего двора, пролезал в окошко кассы, когда там уже не было кассира, скидывал крючок двери кассы, потом двери в зал, и пацаны ползли по земляному полу, отыскивая свободные места. Чаще всего они оказывались на переднем ряду — смотреть фильм прямо перед экраном было слишком неудобно.

Когда все страхи оставались позади, начиналось пршество души.

Вот Анка-пулеметчица радостно поднимается и сдергивает от восторга шапку: конница Чапая пошла в наступление, а впереди сам красный командир на коне, в бурке, с поднятой шашкой над головой. А вот Васька Буслаев, крякая, со всего маха оглоблей бьет псов-рыцарей по шлемам, похожим на перевернутые жестяные ведра. Ведра сплющиваются, а русский богатырь наскоро пьет из деревянного ведра воду, сам себе говорит: «Будь здоров, Вася!» — и продолжает крушить врага.

А вот Тарзан летит на лиане, издает свой победный клич, спасая зверей, которые ему стали друзьями в борьбе с негодями-охотниками.

Да, все эти карды, остались в сердце как нечто драгоценное, заветное, что исподволь формировало душу. И сейчас, когда прошло более шестидесяти лет, когда просмотрены сотни, а может, и тысячи фильмов, в сердце жив и Александр Невский, и Василий Буслаев, и Тарзан.

Прошу простить меня за это вступление, но оно необходимо для дальнейших наших размышлений о значении кинематографа в формировании души человека. «Все мы спим в башмачке своего детства», по выражению замечательной шведской писательницы Сельмы Лагерлеф. И потому впечатления детства становятся тем фундаментом, на котором вырастает или зеленое дерево веры, надежды, любви, или тот самый ядовитый анчар, о котором написал Пушкин.

Я и сейчас не могу твердо сказать, что больше повлияло на мою душу — книга или кино. Наверное, тут было некое равенство. Но кино все-таки было сродни празднику, а книга была и повседневной необходимостью, а в часы отдыха и развлечения — когда, скажем, удавалось выменять за кусок хлеба, который мать оставляла нам с братом на обед, книгу «Граф Монте-Кристо» или какой-нибудь из томов мушкетерской эпопеи Дюма.

Так или иначе, но старший мой брат Анатолий стал актером — в большей степени кино, чем театра, и ему выпало воплотить на экране образ преподобного Андрея Рублева в одноименном фильме Андрея Тарковского, режиссера, признанного всем кинематографическим миром. Я стал писателем, главные свои книги написал об исповедниках и новомучениках Российских. И как сценарист лучше всего я написал на эти же темы.

Это говорится не к тому, «какие мы хорошие парни», а чтобы показать, насколько важное место занимает кино в жизни человека. Тем более человека сегодняшнего, когда не надо мучительно доставать деньги на билет в кино.

Сегодня кино без спроса входит в дом, только щелкай дистанционкой или нажимай мышку. И все — с экрана диагональю хоть 81 сантиметр, хоть больше, если у тебя просторная комната, прямо к тебе в глаза, уши, душу приходит или добро, благородство и жертвенная любовь, или порок, воспетый самыми современными средствами кино и самыми крупными его мастерами.

И по-прежнему «поле боя остается сердце человека, где Христос борется с дьяволом», как точно сказал Федор Михайлович Достоевский.

ВАСИЛИЙ ШУКШИН: «Весело живем. Как начнем хохотать с утра, так до вечера остановиться не можем»

Простые истины, простая формула

Как же разобраться в том шумном и мутном потоке фильмов, сериалов, кинопередач, которые идут по ТВ в таком огромном количестве каждый день? Что смотреть и что не смотреть, что не давать смотреть детям, когда они остаются одни, без нас? Может, вообще все запретить, как считают некоторые ревнители нравственности? Или ничего не запрещать, как считают либералы?

Начать надо с того, чтобы причить себя выбирать то, что надо посмотреть. Со временем произойдет и определение нужного телеканала, появится и любимая рубрика.

Но здесь опять поставлены ловушки: время-то у вас свободное только вечером, а утром, когда идут детские передачи, ребенок в школе. Выбранный вами фильм в программе стоит почему-то в ночное время, а в удобное для вас время суток вам подсовывают «стрелялки», «догонялки» или же «хохоталки», особенно полюбившиеся нашему телеруководству. Точно как в «Печках-лавочках» у Василия Шукшина, где его герой на вопрос профессора: «Ну, как там у вас, в деревне, веселей стало жить?» — ернически отвечает: «Весело живем. Как начнем хохотать с утра, так до вечера остановиться не можем».

Но и эти «ловушки» все-таки можно обойти, заведя собственную фильмотеку на DVD-дисках, которые широко продаются на православных выставках-ярмарках. А миссионерам, которые занимаются кинообразованием, распространением востребованного душой кино, конечно, нужно бывать на православных кинофестивалях, которых теперь, к радости нашей, уже не один, и не два, и не три.

Вот и я на праздник Сретения Господня побывал в Обнинске Калужской области на Международном православном кинофестивале «Встреча», где принял участие в дискуссии «Что такое православное кино?».

Как же выбрать фильм, о котором я сказал, что он сегодня «востребован душой»?

Прежде всего, надо постараться определить, что такое метод в искусстве, направление, которое мы сегодня все увереннее называем «духовным реализмом».

Еще с юности в литературоведении в наше время бытовало четкое понятие, что метод в ли-

тературе надо определять, представив его в виде дроби: в знаменателе — мировоззрение автора, его социально-философская позиция, в числителе — сумма художественных приемов.

Представив в виде дроби «духовный реализм», мы получим в знаменателе — христианское понимание мира и человека, в числителе — приемы классической реалистической прозы. Перенесем это понимание метода «духовного реализма» на кино и легко отличим подлинное произведение киноискусства от фальшивых подделок «под духовность», «под православие».

«Попсы», выдаваемой за «духовность», особенно много не только на эстраде, но и в кино, в литературе, живописи, других видах искусства.

Но как отличить тот же «социалистический реализм» от «духовного реализма»?

Вот все чаще слышишь: «Вот советские фильмы, хоть и наивные, зато хорошие».

«Они утверждают нравственные ценности» — говорят те, кто «теоретизирует».

Да, все так.

Но в той же картине «Кубанские казаки» мы видим нестерпимую фальшь, которую не может прикрыть ни игра прекрасных актеров, ни чудесная музыка.

Для наглядности приведу всего лишь одну фразу из фильма «Сказание о земле сибирской» того же режиссера Ивана Пыррева, увешанного сталинскими премиями, одно время генерального директора «Мосфильма».

Главный герой стоит на некоей вышке и с горящими от восторга глазами, устремляя взор на тайгу, говорит любимой девушке: «И пред-

ставь, что из этого леса мы сумеем сделать километры бумаги!»

Такую патетическую фразу вряд ли бы смогли придумать даже остряки Первого канала.

Значит, дело не только в том, что фильм должен быть обязательно «добрым», но и правдивым.

Здесь уместно вспомнить правило о четырех позициях, по которым надо измерять произведение искусства, данное выдающимся литературоведом, теоретиком литературы Михаилом Бахтиным.

Первое: бытовая правда характеров, ситуации, места действия.

Второе: правда психологическая, правда в передаче психологии поведения героев.

Третье: правда социальная. Умение разобраться и правдиво передать социальную среду, где действуют герои произведения.

И наконец четвертое: устремленность всего произведения, его смысла к высшему, горнему, к Богу.

Если произведение искусства, в том числе и кино, отвечает этим четырем критериям, мы можем говорить о классике, шедевре литературы, кино.

Что же выбрать в «числитель»?

О «социалистическом реализме» была сложена такая причта. Один хан — без правого глаза, к тому же хромой на правую ногу, заказал свой портрет, поставив условие, что он должен быть правдив, но без физических недостатков тирана. Иначе — смерть. Сначала портрет написал романтик. Хан получился красивым, без недостатков. Художник был казнен. Реалист написал хана таким, как он есть — и тоже был каз-

нен. Представитель социалистического реализма посадил хана на коня левой стороной к зрителю. Художник был осыпан подарками, то бишь, по-современному, «бонусами».

Не к этому ли «посажению на коня» нас призывают некоторые сегодняшние «ревнители православия»? Они искренне убеждены, что рассказывая о жизненных ситуациях, а тем более о жизни духовенства, ни в коем случае нельзя показывать какие-то недостатки. Нельзя выбирать для своих произведений и конфликтные ситуации. Если и дается конфликт, то он благополучно разрешается, о чем мы уже заранее знаем, часто даже из первой части фильма. «Безконфликтность» привела к краху все официальное советское кино. Даже такие мастера, как Сергей Герасимов, потерпели полное творческое поражение, даже провал, в своих фильмах эпохи «застоя». И наоборот, те, кто в «шестидесятые», на волне «оттепели», прорывались, пусть часто стихийно, к пониманию правды жизни, духовного ее смысла, оказались победителями, получили мировое признание.

Чего только не писали кинокритики о «Калине красной» Василия Шукшина! Что де герой «ищет праздника», веселья и т.д. А ведь это первый советский фильм послевоенного времени о покаянии. Ключевая сцена фильма — когда герой Шукшина после того, как тайно увидев свою мать, не признается ей в этом, падает на землю и рыдает. Из самого сердца вырываются у него слова: «Не могу я так больше, не могу, Люба! Ведь это мать моя!»

И это признание любимой женщине, готовой простить бывшего уголовника, происходит на фоне церкви, которая белеет в кадре за рыдаю-

щим на бугорке, может, на чьей-то могилке, героем Василия Макаровича.

Недаром фильм получил народное признание — душа-то ведь христианка, дрогнула она даже и у начальников, которые дали «Калине красной» Государственную премию.

А «Андрей Рублев»? Авторы и сами не предполагали, что они явили миру. Вспомните: фильм черно-белый, но последняя его часть, где показаны иконы Рублева, — цветная. И перед изумленным зрителем возникает чудо — «Праздничный чин» Благовещенского собора в Кремле, «Шествие праведников в рай» Успенского собора во Владимире, бессмертная «Троица» и наконец образ Спасителя.

Только что рыдал забытый всеми колокольных дел мастер подросток Бориска, упавший в грязь, после того как зазвонил колокол, который он отлил, вовсе и не зная «секрета колокольной меди», который якобы завещал ему отец. Все мастера вымерли от холеры, и князь вынужден поставить мальчишку старшим в артели. Если колокол не зазвонит, то Бориску ждет смерть. Но колокол звонит! Преподобный Андрей подхватывает мальчишку к себе на руки, утешает и, нарушив обет молчания, говорит: «Ну что ты, что ты... Такой праздник для людей устроил, а еще плачет. Пойдем по Руси, ты колокола лить, а я иконы писать».

Сокровенный смысл фильма оказался выше всех деклараций и намерений автора. Так же, как герой фильма Бориска, который не знает секрета колокольной меди, так же, как никому неизвестный провинциальный актер из Свердловского театра драмы Анатолий Солоницын почему-то, вопреки единогласному мнению худсовета, был утверждён на главную роль и сумел

все сделать, рискуя и голосом, и здоровьем, и готовый жизнь отдать, лишь бы воплотить этот образ на экране, так же и Андрей Тарковский вопреки всему шел к воплощению замысла, который чувствовал душой, а не головой. Конечно, это надо понимать как Промысл Божий. Сами того не сознавая, создатели фильма явили миру Троицу нераздельную и Животворящую, созданную Андреем Рублевым на века. Ведь это творение преподобного явилось, по выражению отца Павла Флоренского, еще одним доказательством существования Бога.

Примером того, что такое «духовный реализм» в кино, является, по моему мнению, фильм «Андрей Рублев».

Итак, кино не должно в числитель брать приукрашивание жизни, а показывать ее во всей ее полноте. Но значит ли это, что наше русское кино, признанное во всем мире как кино, несущее высокий нравственный идеал, сегодня должно следовать голливудским и европейским образцам? Увы, к несчастью, так оно и происходит. То обязательное присутствие откровенных постельных сцен даже в самых лучших отечественных фильмах последних 20 лет говорит о том, что обязательно надо «задрать штаны» бежать не за комсомолом, как в знаменитом стихотворении Есенина, а за «Основным инстинктом» Пола Верховена, или же «Рассекать волны», как героине режиссера Ларса фон Триера. Но ведь мы уже выяснили, что «Основной инстинкт», где животное начало в человеке показано как ведущее, которое невозможно победить, есть ложь о человеке, выдаваемая за последнее слово о человечестве вообще.

А фильм «Рассекая волны»? Ведь там героиня берется спасти ставшего калекой мужа

тем, что отдается встречному-поперечному, и тем достигает победы. Она гибнет от уroda-садиста, который истязает ее во время полового акта, но этим спасает мужа — он после гибели жены поднимается с больничной постели. Что это, как не дикая, патологическая выдумка режиссера и сценариста? Но такие «ходы» нынче в моде. На самых престижных кинофестивалях в каннах и венециях таким фильмам даются высшие награды, и все хлопают в ладоши. А ведь сами-то и члены жюри, и критики, по собственному признанию, выскакивали из зала, чтобы их не вырвало прямо в зале, когда они смотрели очередные шедевры того же Ларса фон Триера или австрийского режиссера Ханеке, получившего гран-при на фестивале в Каннах за апофеоз половых извращений, показанных в фильмах «Пианистка» и «Белая лента».

Гниение души показывается с подробностями, и это считается «новым», «современным», «передовым».

Это вовсе не значит, что порок нельзя показывать в искусстве кино, в литературе. Достаточно вспомнить главу «У Тихона» из «Бесов» Достоевского. Ставрогин, герой этого романа, «познавший большой разврат», как он сам о себе говорит, соблазняет девочку-подростка, а затем наблюдает, как она от страданий чахнет, постепенно умирая. И вот перед смертью она приподнимается с постели и грозит худеньким кулачком садисту, красавцу Ставрогину.

И этот худенький кулачок умирающего ребенка есть самый лучший ответ всем педофилам мира. Напомню, чем кончает Ставрогин — вешается на чердаке собственного дома. Так что дело в том, как изображать порок, с каких пози-

АЛЕКСЕЙ СОЛОНИЦЫН: «В картине “Кубанские казаки” мы видим нестерпимую фальшь, которую не может прикрыть ни игра прекрасных актеров, ни чудесная музыка»

ций и как изобразительно. Ведь эпизод с девочкой дан у Достоевского в пересказе самого Ставрогина. Да и то издатели уговорили Федора Михайловича не публиковать эту главу. И она появилась в печати сначала в томе «Литературного наследства» только в шестидесятых годах XX века, а уж потом в тридцати томах полного собрания его сочинений, вышедших уже в наше время.

Если кино по-прежнему считать «самым важным из искусств», что, по сути, так и есть, то оно и сегодня формирует человека. В США и Европе получился человек, для которого половые извращения — норма, разврат назван «сексом», блуд оправдывается «страстью», верность неизменно терпит поражение, а то и высмеивается. Отношения мужчины и жен-

щины, как правило, начинаются с постели, тогда как искони первая брачная ночь была и есть началом супружеской жизни.

Сформирован человек без морали, без тех устоев, которые завещаны нам Христом. Расхристанность, полная потеря Бога — вот главная черта современного героя кино США и Европы.

Не потому ли сегодня все громче говорят и политологи, и социологи, и наиболее прозорливые критики, что кино сформировало такую Европу, которая вот-вот рухнет в пропасть. Никакой Евросоюз не устоит, никакая денежная валюта не спасет — ни доллар, ни евро. Гниль обречена только на смерть, о чем и говорили и говорят святые отцы — и прошлых лет, и почти наши современники. Господь испепеляет Содом и Гоморру, как бы маняще прекрасно ни выглядели Елисейские поля или Бродвей.

Если мы не хотим улететь в эту же пропасть, нам не следует создавать кино, которому мы подражаем сейчас изо всех сил, целью жизни поставив себе сладостный миг, чтобы поднять какую-нибудь пустяшную статуэтку над головой, радостно глядя в аплодирующий зал.

Смерть героя и смерть автора

Точную и предельно краткую формулу высказала Марина Цветаева, говоря о «социалистическом реализме» и судьбе одного из самых ярких его представителей — Владимира Маяковского.

Она сказала так: «Человек Маяковский убил поэта Маяковского, а поэт Маяковский убил человека Маяковского». Точнее не скажешь. Ведь

Маяковский, «наступая на горло собственной песне», сочиняя агитки для «Моссельпрома», не гнушаясь писать четверостишья даже для конфетных фантиков, убивал в себе поэта. И поэт не мог смириться, отомстил за предательство таланта — убил человека Маяковского.

В кино происходило несколько иное — почти все «классики» советского кино пытались приспособиться к требованиям, выдвигаемым сталинской эпохой. Эйзенштейн создавал миф про Октябрьскую революцию, Михаил Ромм миф о Ленине, который подхватили и успешно развивали и Юткевич, и другие мастера советского кино, вплоть до Сергея Бондарчука, соблазненного идеей показать революцию «на американский лад»: вспомним «Красные колокола» по книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир».

Это говорится к тому, что сегодня те же самые люди, которые сначала хвалили, а потом охаивали мастеров советского кино, сейчас принялись оправдывать их, «замазывать» их соглашательство, а то и предательство.

Весь секрет здесь в том же, что и у Маяковского, и у Александра Фадеева. Забвение христианских ценностей, прямой отказ от них был если не выстрелом в сердце или в висок, то, как у кинематографистов, выстрелом в свою душу.

Показательна в этом смысле беседа Сергея Бондарчука с архимандритом Тихоном (Шевкуновым), настоятелем Сретенского монастыря в Москве. Отец Тихон описал эту беседу, которая произошла перед смертью замечательного актера и режиссера советского кино в своей книге «Несвятые святые», вышедшей в свет в прошлом году и сразу получившей широкое признание.

Сергей Федорович, что называется, «излил душу», откровенно побеседовал со священником и отошел ко Господу как православный человек. И можно только порадоваться тому, как простился с земной жизнью выдающийся деятель советского и русского кинематографа, оставшийся в памяти потомков и в истории кино лучшими своими кинолентами — от «Судьбы человека» до киноэпопеи «Война и мир».

Ведь, по сути своей, не к духовному ли реализму принадлежат эти картины? Не совершает ли Андрей Соколов, герой «Судьбы человека», христианский подвиг, называя себя отцом безпризорника Ванюшки? Не оказывается ли экранный Пьер Безухов истинно православным человеком, когда в плену у французов, гонимый по зимней Смоленской дороге, он вдруг понимает, глядя в звездное небо, что «и это все — мое! И это все — я!» — как восклицает его безсмертная душа.

Да, «социалистический реализм» у талантливых режиссеров оказывался «духовным реализмом», когда они преступали порог политической риторики, говорили о душе, следовали за классиками русской литературы, которая в лучших своих образцах всегда была христианской, православной.

Но здесь надо подходить, что называется, «с разбором», каждую картину, которую смотрит наш зритель в духовно-просветительских центрах, которых становится все больше, объясняя с православной точки зрения. В эту «орбиту» показов могут вполне войти фильмы Григория Чухрая — проникновенная «Баллада о солдате», «Сорок первый», картины других выдающихся мастеров советского кинематографа.

А как же быть с современным кино?

Здесь дело обстоит гораздо сложнее. Но все-таки попробуем разобраться, хотя бы в самом общем виде, показав, где на экране «убивается душа», а где она светит победительным Христовым светом.

И вот в мешке сваливается в Россию Кот — как часть «гуманитарной помощи» из Америки. Достается Кот молодому пьянице, разумеется, «патриоту» по фамилии Карабасов. Кот предлагает Карабасову слетать в Америку. Полет на волшебном Коте, который использует хвост в качестве пропеллера, обрывается над Францией. Неоценимые услуги, которые оказал Карабасову Кот в сапогах, тупой и неблагодарный «русский молодец» сразу же забывает. И тогда Кот возвращает неблагодарного обратно в свинскую Россию. Когда произошел развал Советского Союза, в создании «имиджа» «новой России», оплевывании прошлого нашей страны «первую скрипку» наряду с бойкими на язык журналистами сыграли именно кинематографисты. Я в то время был выбран председателем Союза кинематографистов Поволжья, часто ездил в Москву и за рубеж, и на моих глазах «плюс» менялся на «минус» — достижения прошлых лет показывались в самом негативном виде. Вышли на передний край документалисты. Так, кинокадры трудового энтузиазма тридцатых годов стали показываться с текстами о ГУЛАГе, «великие стройки коммунизма» толковались как подневольный, рабский труд. С каким-то садомазохизмом, фильм за фильмом, выходили на экран, показывались на самых престижных кинофестивалях за рубежом и у нас в стране киноленты, показывающие, что наш народ дикий, живущий в свинстве

народ-бездельник, который ничего не хочет делать, чтобы вылезти из грязи. Показателен в этом отношении анимационный фильм Гарри Бардина, талантливого режиссера, сделавшего много хороших фильмов. Но вот вышел его фильм «Кот в сапогах», где в свинстве, в грязи живет русский человек и только того и ждет, когда с неба в буквальном смысле упадет ему на голову «манна небесная».

Стоит еще сказать, что Карабасову принадлежат такие слова:

«А тебе, скотине, патриота не понять»!

Все зарубежные жюри на всех кинофестивалях кричат таким фильмам: «Браво!». Статуетки вздымаются над головами наших кинематографистов, в особенности молодых, радостные улыбки сияют на их лицах. «Имидж» России как варварской страны укрепляется в умах тысяч людей. Великое понятие «патриот» не только опоганено, но уже употребляется либералами и демократами как ругательство. И все более укрепляется в Европе и США рейгановское понимание и русской души, и нашей страны как «империи зла», которая, к счастью, рухнула, и ясно почему — жила дико, не имела ничего, кроме «ядерного щита».

Эта же позиция остается и сейчас у многих отечественных кинематографистов. Они продолжают «освистывать» все, что делается для укрепления страны в попытках преодолеть разруху и хаос не только в экономике, но, главное, в умах и душах людей.

Возьму для примера лишь один фильм лидера документального «либерального кино» Виталия Манского. Называется он «Девственность». Для исследования режиссер выбрал провинциальных девушек, которые едут в

Москву торговать своей девственностью. Оказывается, были (а может, и сейчас есть?) такие люди, которые проводили отбор девиц, затем «пристраивали» их по назначению. Причем обвинить их в торговле «живым товаром» нельзя, поскольку девицы приезжали добровольно, найдя эту «конттору» в интернете. Эту «конттору» для своего фильма выкопал и режиссер.

Показателен такой эпизод фильма. Сам режиссер Манский привозит одну из девиц к Московскому университету. Рядом с ним сидит девушка, которая приехала в Москву продавать себя. В это время здесь же идет свадьба, сияют счастьем лица жениха и невесты, радуются родственники и друзья новобрачных. Девушка молчит — она уже, как могла, объяснила режиссеру, зачем приехала в Москву. Больше ей сказать нечего, да и не умеет она говорить. Но режиссер упорно заставляет оператора снимать девушку в кабине своей машины, наблюдать счастливую свадьбу. Режиссер тоже молчит, изображая на своем лице нечто вроде понимания того, в какую страшную ситуацию вогнала себя провинциалка. Эпизод длится и длится, становясь настолько тягостным, что невольно хочется крикнуть: «Неужели ты не понимаешь, режиссер, что издеваешься над девчонкой, которая и сама не осознала, в какое положение попала? Ведь нам, зрителям, и не кинематографистам вовсе, понятно, что этот эпизод подстроен, срежиссирован — и свадьба «тут как тут», и эти улыбающиеся лица молодежи, и ваше лицо, режиссер, сыгненное, ухоженное, на котором вы изображаете якобы сочувствие».

Здесь речь ведется о морально-этических нормах, которые должны быть у создателей

кино. Но к ним явно бессмысленно призывать, потому что принцип, ныне прочно утвердившийся в кинематографических кругах, таков, что «творческая свобода» безгранична, что «мое я» стоит превыше всего, и любое посягательство на это «я» есть ретроградство. Никакой цензуры — не только государственной, но и внутренней — не должно быть!

Вот лозунг наших доморощенных «демократов и либералов».

Американские документалисты ставят вопрос: что надо делать кинооператору, когда он видит человека в пограничной ситуации? Американский ответ: выполнять свой профессиональный долг, снимать все, что видишь.

Наш ответ дал старец Паисий Святогорец: будучи радистом на гражданской войне в Греции, видя, что его товарищ смертельно ранен, он не побежал с поля боя, как его отступающая рота, а бросил тяжелую рацию, взвалил солдата на плечи и под пулями потащил его к своим. Господь его сохранил — и не только в этот раз.

Но если герой погибает?

В таком случае важно, что утверждает смерть. Это начало жизни вечной, жертва во имя Христа, или «мелодраматический» конец очередного сериала? Если первое — то наше кино следует «духовному реализму». Тогда не надо усаживать в финале «Цитадели», завершающей эпопею «Утомленные солнцем» Никиты

Михалкова, ее главных героев — отца и дочь — на танк и радостно праздновать Победу. Ведь истинная христианская победа — не в физическом поражении, не в физической смерти.

Вспомним святых праведных князей Бориса и Глеба. Они дали себя убить, но не развязали братоубийственную бойню.

И именно они, князья Борис и Глеб, стали первыми русскими, прославленными во святых.

И еще стали небесными покровителями русского воинства.

* * *

Однажды на творческой встрече, когда я показывал свои документальные фильмы по нравственной проблематике, я сидел в уголке сцены и видел не экран, а зрительный зал. Из проекционной будки шли световые лучи — они пересекались, разбегались, освещая разные участки экрана.

И вот тогда неожиданно мне подумалось, что эти лучи — не просто проекция на белое полотно киноэкрана.

Это лучи нашей жизни, ее светлых и темных сторон.

Лучи, которые заставляют смеяться и плакать тех, кто смотрит на экран.

Это лучи, идущие прямо из душ создателей этого чуда — кино.

Лучи нашей совести, нашей веры.

ИВАН ЧАРОТА

БИОГРАФИЯ

Иван Алексеевич Чарота родился 16 сентября 1952 года в деревне Лышки Брестской области БССР в семье крестьян-колхозников. Высшее образование получил на отделении русского языка и литературы филологического факультета Белгосуниверситета (1974). Работал учителем, а с 1977 года по настоящее время трудится в БГУ: преподаватель — старший преподаватель — доцент — докторант, заведующий кафедрой.

Член Союзов писателей Беларуси, России и Сербии.

Доктор филологических наук, профессор, академик Сербской Академии наук и искусств, академик Международной Славянской Академии наук, образования, искусства и культуры; один из учредителей (и зам. председателя) Международного форума «Послы славянства»; член Комитета славистов РБ; председатель Экспертного совета ВАК РБ; научный консультант Белорусской Энциклопедии по комплексу вопросов, касающихся Сербии, Югославии и славянства в целом.

Специалист в областях русистики, славистики, сравнительного литературоведения и культурологии, межнациональных связей, художественного перевода.

С 1994 года — секретарь Белорусской библейской комиссии, осуществляющей перевод

Священного Писания на белорусский язык, и исполнительный редактор журнала «Праваслауе».

Автор свыше 450 научных и литературно-критических публикаций, переводчик на русский и белорусский языки около 1000 произведений богословской и художественной литературы других народов. Публикуется во многих периодических изданиях: «Праваслауе», «Царкоунае слова», «Воскресение», «Святая Русь», «Врата небесные» (Минск), «Брестские епархиальные ведомости», «Православный вестник» (Гродно), «Ступени» (Жировичи), «Благовестник» (Вологда), «Przegląd Prawoslawny» (Белосток), «Cerkiewny Wiestnik/Церковный Вестник» (Варшава), «Aktualne otazky Pravoslavia» (Братислава), «Православье» (Белград).

Лауреат Международной премии имени Константина Острожского (Польша, 1999); премии Союза писателей Сербии за 2000 год; премии «За духовное возрождение» (Беларусь, 2003). Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени (2002), орденом Святого Саввы III степени (СПЦ, 2004), Золотым знаком Культурно-просветительского общества Республики Сербии (2008).

РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО

ИНТЕРВЬЮ

Какие конкретные шаги могут быть предприняты в наше время для укрепления славянского единства?

Я считаю, что, как только Россия начнет занимать в славянском мире то место, которое принадлежит ей по праву самого богатого и сильного брата, отношение к ней среди славян очень быстро поменяется, потому что далеко не халва для болгар их членство в НАТО; я думаю, что недолго будут радоваться этой ситуации и поляки, и Украина образумится, Сербия, конечно же, понимает, что ее растопчут, если она не будет в единстве с Россией, и так по порядку это единство укрепится.

Я хочу сказать, что нет никакого русского украинского и белорусского народа, а есть только русский народ и три его ветви — московская, белорусская и малороссийская. Как Вы к этой мысли относитесь?

Как филолог я не хотел бы оспаривать это утверждение, потому что оно было единственно правильным вплоть до конца XIX, начала XX века. В середине XX века оно тоже было правильным, поскольку удерживалось за счет общности единого советского народа. Но все, что происходило в XX веке, работало на разделение не только между русскими, белорусами и украинцами, но и на разделение внутри уже

БИБЛИОГРАФИЯ

- Поиск исконной сущности: Белорусская литература XX века в процессах национального самоопределения: монография. — Минск, 1995.
- Белорусский язык и Церковь. — Минск, 2000.
- Теория и практика художественного перевода. — Минск, 2011.
- Слово и Дух. Антология русской духовной поэзии X-XX веков: сборник. — Минск, 2003, 2005, 2010.
- Сербская Православная Церковь: сборник. — Минск, 1998.
- Косовская битва продолжается: сборник. — Минск, 2000.
- Антология белорусской поэзии: сборник. — Белград, 1993 (на сербском языке).
- Антология лирики восточных славян: сборник. — Белград, 2000 (на четырех языках).
- Навстречу Духу. Антология белорусской христианской поэзии: сборник. — Минск, 2001.
- Навстречу Духу. Антология белорусской христианской прозы: сборник. — Минск, 2002.

формировавшихся украинского и белорусского этносов.

Всем известно этническое деление Белоруссии и Украины на западные и восточные части. Разница в этническом сознании между восточными и западными областями росла за счет разницы в историческом опыте. Например, в Западной Белоруссии коллективизация началась только в 50-е годы.

Мой дед, сидя в своем селе, побывал в семи разных государствах. Судьба территорий, которые сейчас называются Западной Белоруссией, настолько сложна, что ее даже трудно оценить не изнутри. Между отношением к Советам и к русским подчас возникал знак равенства, это не способствовало единству. Но мы сохранили веру. И я всегда подчеркиваю, что я белоРУСС, я не белоевропеец, не белоамериканец и даже не белополяк. И это самосознание сохранилось в первую очередь благодаря Православию.

Назовите одну книгу, из недавно прочитанных или перечитанных Вами, которая произвела на Вас наиболее глубокое впечатление?

По роду своей деятельности я являюсь профессиональным читателем и мне трудно выбрать что-то одно. Но если таково условие, то тогда это книга Михаила Лобанова «В сражении и любви».

Эта книга написана прежде всего о русской литературе XX века, современной автору. Это книга о конкретных писателях, о конкретных произведениях, о своем участии в литературном процессе. Это эссеистика, литературная критика, аналитика, исторические очерки. Для нашего времени эта книга очень симптоматична и она меня очень тронула.

• Сербская литература. Антология текстов: сборник. Кн. 1-5. — Минск, 2002-2007 (на сербском языке).

• Насустрач Духу. Анталогія беларускай хрысціянскай паэзіі: сборник. — Минск, 2001.

• Насустрач Духу. Анталогія беларускай хрысціянскай прозы» (Минск, 2002)

• Беларуская мова і Царква: монографія. — Минск, 2000.

• Свет с Востока — Light from the East. Православие в Польше. — Белосток, 2005.

Как составитель и редактор:

• Православие в славянских культурных традициях: сборник. — Минск, 1996.

• Уния. Сборник документов. — Минск, 1997.

• Полоцкая епархия. — Минск, 1997.

• Плакид Янковский. Записки сельского священника. — Минск — Жировичи, 2004.

• Архіепіскап Афанасій (Мартас). Матэрыялы да Гісторыі Прусаўскай Беларускай Царквы. — Жыровіцы, 2004.

• Журнал «Самарянин». — Белосток, 1996-2000.

ОСЛОВЕСИТЬ ЖИЗНЬ НАШУ

ЭССЕ

С одной стороны, вроде бы, у человека избыточно стремление: «Ословеси живот мой, Премудрое слово Божие» (святитель Николай Сербский). С другой же стороны, постоянно дают о себе знать серьезные противоречия, самые настоящие коллизии сознания: «Что тверже, неизменнее и могущественнее Слова? Словом мир сотворен и стоит: *нося всяческая глаголом силы Своєю* (Евр. 1, 3); и однако ж мы, грешные, обходимся со словом так легкомысленно, небрежно. Что у нас пользуется меньшим уважением как слово? Что у нас изменчивее как слово? Что мы бросаем подобно грязи поминутно, как не слово? — О, окаянные мы человеки!..» Вот что с горечью констатировал-диагностировал праведный Иоанн Кронштадтский. А ведь окаянность наша, нынешних веков, несравнимо больше. Так что о нас батюшка Иоанн должен был бы сказать еще намного резче. Хотя, пожалуй, и снисходительнее к поколениям, лишенным возможности и читать Священное Писание, и слышать Слово Божие в храме.. Да, те лишения уже позади. Но преодолены ли противоречия? Ведь и нынешняя молодежь, не менее предшественников, воспитывается на навязанных стереотипах, лукавых идеологемах, а также на возведенных в ранг высшей интеллектуальности пустых «откровениях» шарлатанов, «звезд» — эстрады и всех вообразимых и невообразимых подиумов, так называемых «веселых и находчивых» — по сути, веселых напоказ, а находчивых в издева-

тельстве. И реальность такова, что дезориентация в мире духовном не только продолжается, но и усугубляется.

Конкретизируем то, что относится к Слову-Логосу: подавляющее большинство Его по-прежнему не желает писать с большой буквы, даже цитируя Евангелие, безоглядно и кощунственно обращается с Ним; в массовом сознании как бы не замечается разрушительность безответственного обращения со словом художественным, опасность словесного трюкачества; славословие давно утратило первичный смысл, поощряется суесловие, немислимо распространилось сквернословие, грехословие. Не случайно же у нас понятие «словесность» заменено «литературой», которую определяют просто как совокупность текстов, а в качестве текста признается все что угодно, только не то, что признавал важным архиепископ Иоанн Шаховской: «Поэт имеет власть милостью Божьей превращать воду человеческих слов в вино, а это вино — обращать в кровь Слова. Таково высшее назначение поэзии, ее смысл евхаристический». При этом литераторы именуются не просто «творческими работниками», но и «творцами». Увы, все мы часто обольщаемся, будто ищем истину, хотя видим, что без конца предлагаются и меняются лженстины, уводящие от истинных целей и идеалов. Что ж, мы ведь всему учились, обходя учение Христово: занимались, вроде бы, просвещением, но без Света этого учения; как данное, если не как нор-

мальное, стали принимать и распространять какую-то духовность без Духа Святого.

Впрочем, не только оглядываясь назад, но и глядя вперед, мы должны трезво учитывать последствия действия слов, которыми подменялось и подменяется Слово. А это не только в прошлом разрушавшие сознание лозунги типа «Мы не рабы, рабы не мы» (Как же в таком случае можно было стремиться стать рабом Божиим?) или своеобразные интерпретации классической литературы: «Глаголом жги сердца людей» (не иначе, как «зажигай социально-политическую активность»). Это и нынешние стереотипы: «свобода личности» (как правило, имеется в виду свобода неограничимая, которую можно обратить во зло), «права человека» (поднятые превыше всего, даже правды Божией, Закона Божиего).

И вот здесь сама собой напрашивается тема приобщения к Слову посредством введения Закона Божьего как учебного предмета в школе. Многим это кажется странным, но я не принадлежу к числу тех, кто считает нужным вводить его немедленно. Осмеливаюсь даже утверждать, что результаты, скорее всего, будут противоположными желаемым. Во-первых, может, как обычно бывает при перманентном реформировании, получиться просто очередная кампания, которая способна принести больше вреда, чем пользы. Есть опасность, что, введя такой предмет директивно, его отдадут на откуп тем, кого прежде бы назначали агитаторами.

Предвижу несогласие: мол, есть опыт воскресных школ. На это возражу: сама природа этого опыта иная. Воскресные школы создаются непосредственно Церковью, опекаются

священнослужителями, в них детей приводят родители, практически без исключения сами воцерковленные, соответствующим образом ориентированные. Сеть таких школ разных форм обучения, безусловно, следует расширять и всемерно укреплять.

А в обычной постсоветской школе ситуация совсем иная. Рассмотрим конкретный пример: законоучителю — хорошо подготовленному и во всех отношениях достойному — нужно провести беседу о сотворении мира и о Творце. Но ведь то, что он должен объяснить школьникам, находится в явных противоречиях со всем, что объясняют остальные учителя и авторы учебников по иным дисциплинам — от природоведения в начальных классах до физики и астрономии в старших. Причем устранить эти противоречия не в состоянии ни законоучитель, ни природовед, ни преподаватель астрономии. Не проще положение и в том случае, скажем, когда тему о священнослужителях нужно преподавать на фоне специфически подобранных для школьных учебников произведений устного народного творчества, а также, например, «Сказки о попе и его работнике Балде».

Как показывает опыт, в плане духовном практически ничего само по себе не дало введение специальных тем по Библии. Уже потому, что школьный курс словесности должен быть совершенно иным. Так, и в школьную историю русской словесности следовало бы включать жития святых, «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Моление» Даниила Заточника, «притчи и слова» святителя Кирилла Туровского, «Домострой», «Утреннее размышление о Божьем величестве» М. Ломо-

носова, поучения святителя Феофана Затворника, соответствующего содержания тексты В. Одоевского, А. Хомякова, Н. Лескова, Ф. Тютчева, И. Бунина, И. Шмелева, Б. Зайцева. Конечно же, по-другому должны изучаться Гоголь и Достоевский. Вообще в список программных произведений всех остальных писателей следовало бы вводить не то, что обусловлено теорией классовой борьбы и революционного переустройства мира. Главное, что список программных произведений основывать, как прежде, на теории классовой борьбы и революционного переустройства мира сейчас просто недопустимо.

И опять-таки дело не только в изъянах программ. Оказывается, некоторые педагоги-энтузиасты из словесников по своей инициативе пробуют читать со своими учениками жития, т. е. рассказы о подвиге веры. Но эти произведения все равно оказываются в контексте кощунственных шуток-пародий, поэмы о пионерке, отвергшей крест, повести о комсомольцах, разрушавших храм и засыпавших колодец, который в народе почитался святым, и прочее.

Ничуть не лучше обстоит дело с преподаванием истории. Как можно, к примеру, тему о христианских добродетелях согласовать с темой о бунтарях, революционерах, царевубийцах и братоубийцах, героизация которых ведется на протяжении последнего столетия? Весьма сложно преодолеть инерцию закрепившихся представлений о движущих силах истории, о роли личности. А кроме того, есть еще чрезвычайно запутанные и особо деликатные моменты, связанные с национальными особенностями в прошлом и настоящем. От их интерпретации в значительной степени зависит патриотическое

воспитание, которое до сих пор у нас понимается, мягко говоря, своеобразно, поскольку не чисто игнорируются вероисповедание, несмотря на то, что именно оно является одним из основных идентификационных признаков народа, нации, государства.

Вряд ли что-то светлое пробудится в душах школьников, пока им будут только перечислять военные победы одного князя над другим, не давая представления об этнодуховном пространстве, которое сложилось так, а не иначе. Нынешнему юному поколению должны быть возвращены имена, предопределившие святость Руси. И, конечно же, имена святых, в земле белорусской просиявших, начиная с времен крещения: Анастасия (Рогнеда), Евфросинья, игуменья Полоцкая, Кирилл Туровский, Елисей Лавришевский, Антоний, Иоанн и Евстафий Виленские, София, княжна Слуцкая, Иулиания, княжна Ольшанская, младенец Гавриил Белостокский, Афанасий, игумен Брестский, святитель Георгий Магилевский, новоявленный святой праведный Иоанн Кормянский... Ими предопределялось бытийное пространство нашего рода и народа, а главное — мощно концентрировалась святость Богом данной нам земли.

Да, и «Закон» в школе никак невозможно рассматривать как «вещь в себе». Так или иначе этот вопрос направляет нас к более универсальному — о Законе и Благодати, которым неизменно должны высвечиваться/подсвечиваться все аспекты наших связей со Словом, осмысливая которые, мы не можем не чувствовать, сколь важна Благодать.

Соответственно, этим так или иначе предопределяются наши отношения к церковной

проповеди и проповедникам, к печатным изданиям. Лично я всегда был и буду категорически против того, чтобы православные периодические издания делать «глянцевыми», а тем более «гламурными». И с большим сожалением наблюдаю, как происходит коммерциализация издательского дела, подчиненная стремлению «угодить» всем вкусам потенциального читателя (=покупателя). Запросы — это не (обязательно) вкусы. Печально видеть также, что под видом православных изданий появляются и такие, которые трудно признать таковыми. Причем со временем их число, увы, не уменьшается. Коль уж пошел разговор в этом направлении, все-таки возьму на себя смелость высказаться и о проповедях. Понятно, что они нужны разные. Высокообразованные священники стремятся, как правило, проповедовать «глубокомысленно». Хотя, надо признать, обычно их воспринимают не более чем вежливо-прохладно. Имеющие яркий проповеднический талант выглядят, конечно же, привлекательнее. Достаточно вспомнить, что «при советах» на проповеди некоторых московских священников интеллигенция собиралась как на представления, концерты «изящной словесности» (а не «на обедню», как когда-то их предки). Судя по всему, слова таких популярных проповедников отзывались в душах тех, кто слушал. Но вряд ли кто-то убедительно докажет, что таким образом души по-настоящему открывались для Слова и даже что удовлетворялись потребности в «Хлебе насущном», а тем более что надежно прокладывались «дороги к храму». Это был скорее вариант удовлетворения потребности на уровне «хлеба и зрелищ». Аналогичное происходит сейчас и с нами, пред-

ставителями интеллигенции Беларуси. Особо замечая это во время экспедиции «Дорога к святыням». Ее идея важна, безусловно. Однако участники экспедиции письменно и устно самоаттестуются как «паломники». А я не могу забыть, как одна старушка, оказавшаяся в этом составе, недоумевала: «Паломники?... Паломником был мой дядя — он на Святую Землю полтора года шел (пешком, естественно) туда и полтора года обратно». Что поделаешь, не сразу дано постичь, что есть Слово Жизни, Слово Правды, Слово Любви...

Есть еще один очень существенный аспект: все еще непостижимым остается для нас, зачем дано Слово-Благовествование; а при этом и Откровение мы не желаем воспринимать в истинном смысле.

Обобщая сказанное, опять стоит вернуться к богомудрому Иоанну Кронштадтскому и задуматься над его обращением: «Словесное существо! Помни, что ты имеешь начало от слова Всетворца и в соединении (чрез веру) с зиждительным Словом, посредством веры сам можешь быть зиждителем вещественным и духовным. Веруй, что при вере твоей в зиждительное Слово Отчее и твое слово не возвратится к тебе никогда напрасным, бессильным (когда, например, ты молишься Благодетелю-Богу по руководству Церкви святой или по наставлению Господа), но принесет тебе благопотребный дар; верь, что при вере в зиждительное Слово ты не будешь без успеха поучать народ в храме при Богослужении, при совершении таинств, в домах; не будет безуспешно твое слово в училище, не созиждет умы и сердца внимающих тебе».

СЕРГЕЙ ЩЕРБАКОВ

БИОГРАФИЯ

Сергей Антонович Щербаков родился в 1951 году в селе Мухоршибирь Бурятской АССР. Здесь же окончил среднюю школу. Служил на Камчатке. После демобилизации строил Вилюйскую ГЭС. В 1981 году закончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова.

В 1991 году на Светлой седмице окрещен иереем Димитрием Дудко. В этом же году принят в члены Союза писателей России.

Лауреат премии имени Андрея Платонова «Умное сердце» за рассказ «Про гусей» и премии имени Евгения Носова за книгу «Ближние». Рассказы и повести печатались в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Вертикаль», «Московский журнал», «Православная беседа», «Русский дом»,

«Фома»... Писатель живет и работает в Москве и в ярославской деревеньке Старово-Смолино, что в трех верстах от Борисо-Глебского монастыря.

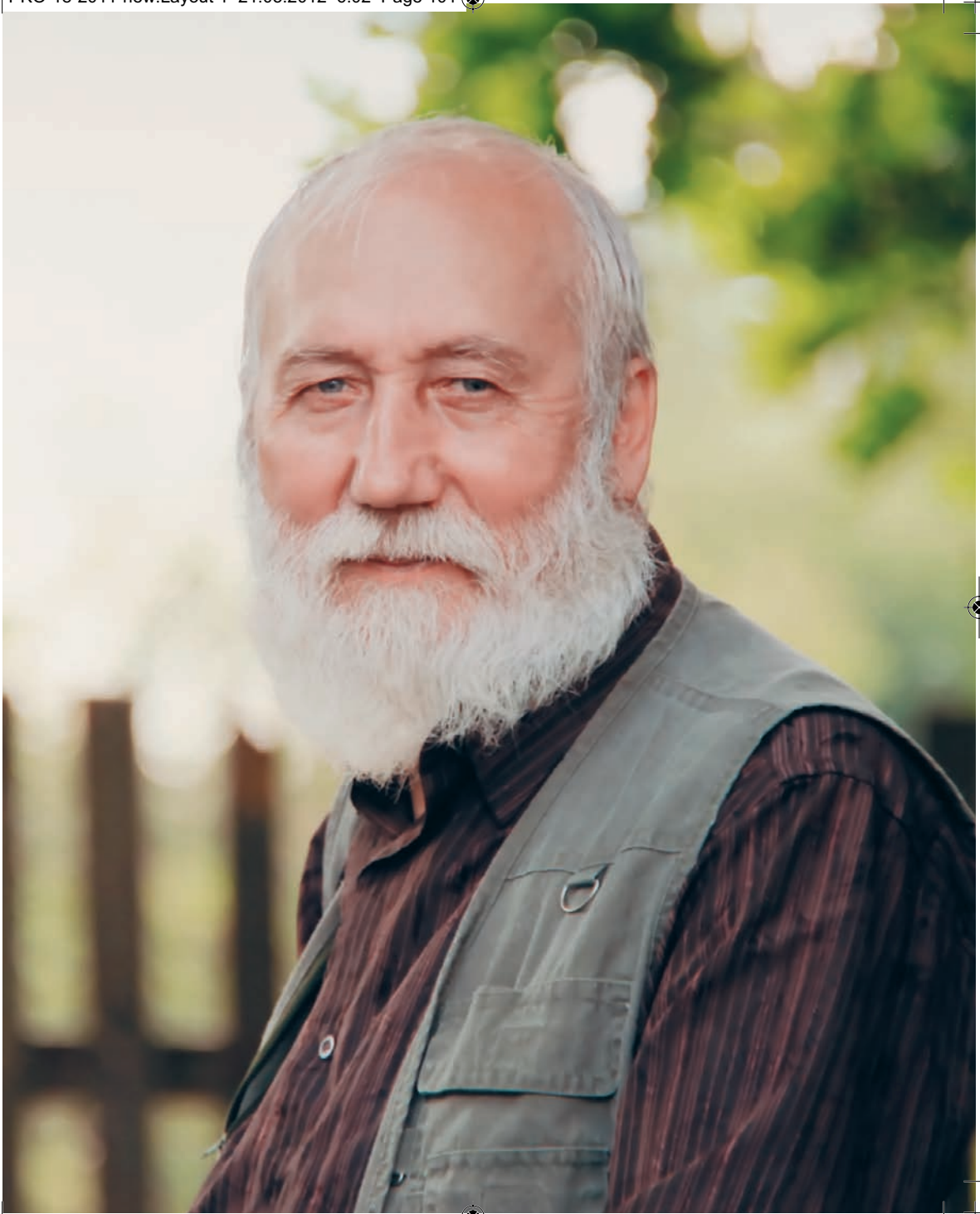
В своей судьбе и судьбе своих героев С. Щербаков обнаруживает то типичное, что присуще судьбам многих наших современников: падения и победы, смерть и воскресение в духовной брани за собственную душу. Широкий диапазон степени воцерковленности героев Щербакова отражает духовное состояние нашего общества: от неверия к глубокому чаянию жизни вечной, от грубого атеизма к благочестию...

БИБЛИОГРАФИЯ

Основные издания:

- Царапина: повесть. — М.: Молодая гвардия, 1990.
- Цветы благоухающие: повесть. — М.: Глобус, 1997.
- Рабочая собака: повести и рассказы. — М.: Российский писатель, 2005.

- У одной реки: повесть. — М.: Российский писатель, 2007.
- Ближние: повести и рассказы. — М.: Российский писатель, 2006.
- Борисоглебская осень: повести и рассказы. — М.: Круг, 2009.
- Иринарховский крестный ход: повесть. — М.: Роман-газета, 2011.

ДРУГАЯ ЗИМОВКА

РАССКАЗ

Никита устроился на скамье подальше от всех, чтобы сохранить спокойную полноту набранных ощущений, не расплескать ее сразу в бесплодном многоговорении, что раньше случалось с ним довольно часто.

Уезжать, как всегда, не хотелось — давно бы надо перебраться в этот махонький городок «в средней полосе России», прекрасней которой нет ничего на земле. Здесь монастырь, здесь теперь все лучшие друзья, но одна запятая, как говорили в старину, все-таки мешала собраться с духом и сказать: «Теперь наш дом здесь, а Москва только для заработка денег». И не потому, что дом покосился, что печка вся в трещинах, а кое-что более важное. Как любил пошутить один богатый знакомый: «Никитушка, брось ты приbedняться — ты счастливчик, и тебе все одно где жить, у тебя жена всем довольна, а у меня — хоть ты тресни, хоть вилау на тропическом острове ей купи... Благодаря именно ей я понял, что счастье не в деньгах, не в славе, не в месте, а в том, чтобы человек, с которым ты живешь, всегда был тебе рад». Так же шутиливо Никита уличал его, что свое-то счастье он все же устроил именно за деньги — почти всегда бывал в отъезде и завел любовницу, которая была довольна всем на свете. Хотя с женой тоже приходилось иногда жить, а ее настолько все в муже раздражало, что даже не нравилось, как он завязывает шнурки...

Нет, конечно, знакомый был прав, и с Москвой расстаться не так-то просто — все-таки она

тоже родная и любимая, как жена, да и стоит она опять же в самом центре «средней полосы». И сколько лет жизни в ней прожито. И каких лет! Шутки шутками, но Никита-то и без знакомого знал, что для счастья нужно не место, а мужество...

Впереди предстояло четыре часа пути на электричке, но здесь Никита любил даже тряску, любил людей в крепких брезентовых куртках, с тяжеленными рюкзаками за спиной. Чем и как они в наше время жили, оставшись без работы или же получая заработанные деньги раз в год, невозможно было представить. Никита обычно говорил, что нынче почти весь русский народ «живет фальшью» (это у Андрея Платонова, кажется, в «Чевенгуре», один мудрый мужик, отдавая сироту в многодетную бедную семью, объясняет, что в малодетной он сразу будет в тягость, а тут — «пропитается фальшью»). Но лица у людей, «питающихся фальшью», никак не походили на несчастные. Они были озабоченные, задумчивые и даже веселые, а угрюмых почти совсем не было... Потому ехать с этим народом в одной электричке было надежно и даже приятно. Чувствовалось, что здесь любое безобразие мгновенно прекратят женщины... И сейчас Никита с удовольствием подумал: вся дорога впереди, еще можно насмотреться на живые человеческие лица, обдумать свою жизнь, подвести итог нынешней поездке. С удовольствием глядя в окно на проплывающие назад знакомые дома, на бельевую

веревку с мокрыми рубахами, на эти таинственно-прекрасные миры деревенских дворов, на сухого старика, который год поднимающего ветхий забор; он видел душевными очами две старые, тесно прижавшиеся друг к другу ливственницы во дворе монастыря; застенчивую улыбку отца Василия, не знающего, куда деть мощные крестьянские ладони, слышал его детски звонкий голос. Никиту до слез умиляло, что он вместо «присно» выпевает «прысно»... «Ныне и прысно и во веки веков. Аминь...» А вот и сам Никита ранним утром идет на монашеское правило. Идет совсем вялый со сна и вдруг, услышав пение птиц, поражается: «Господи, как же они нежно поют на заре, гораздо нежнее, чем днем». И сразу пропала усталость, словно нежное пение птиц омыло не только душу, но и все изнемогшие члены...

Но только городок скрылся из виду, как на скамью напротив тяжело уселся прежде времени поседевший мужик, скорее всего, ровесник Никиты, рождения первой половины пятидесятых годов. Вокруг было полно свободных мест, так нет, надо непременно перед глазами маячить... На душе стало грустно, словно ты шел после причастия со скрещенными на груди руками — выпить теплоты, а какой-то невоцерковленный человек, не понимая, что ты хочешь подольше пожить в чистоте духа Святаго, хватается тебя за рукав: «А где тут свечку за упокой поставишь?»

На свое несчастье Никита задержал взгляд на соседе и, как всегда, попался на этом: обычно несчастные люди ловят человеческий взгляд, как собаки, и если поймают, то пиши пропало... Правда, раньше Никита даже любил поделиться с такими встречными деньгами, едой, а

потом внушать, что без Бога не до порога, вспоминать, как сам он вышел на спасительный путь, но потом стал понимать; что многие из таких даже начинают ненавидеть его за «душеспасительные разговоры» и всем своим видом стараются сказать: «Что ты лезешь ко мне со своим Богом». Но Никита все равно лез, пока отец Василий не внушил ему, что поучать — дело священников, а не мирян. Теперь Никита старался даже не глядеть на таких, как не глядел на бездомных щенков (знал, стоит взглянуть и потом будет постоянно мучить глупая неотвязная мысль — почему не взял, а куда взять-то, одна собака уже есть, денег самим-то теперь только-только хватает свести концы с концами...). Но этот попутчик зацепился за долгий взгляд: «Домой едешь? А у меня дома теперь нет — ушел я от жены. Надоело с утра до вечера слушать одну и ту же песню: деньги, деньги, деньги... Так что честь имею — бомж. Точно, я теперь бомж. Ха-ха-ха...» Было понятно, мужик не прикидывается, до него и в самом деле только сейчас дошло, что он бомж. Он даже замолчал на некоторое время, не в силах переварить своего открытия. Никита же скрепя сердце старался показать всем видом, что он не слышит о чем ему говорят. К тому же его раздражило, что от мужика крепко пахнет водкой. Видя, что слушать его не желают, попутчик присвистнул: «Дожили мы, уже поговорить в России не с кем стало. Ты нерусский, что ли?.. А... ты глухонемой? Час от часу не легче. А я-то три вагона обошел... Думал, ну наконец-то нашел человека, которому можно душу излить, а он, оказывается, глухонемой... А может, ты только немой, а?» Неожиданно даже для самого себя Никита вдруг согласно закивал,

едва сдержавшись, чтобы не сказать: «Не нынче мы дожили — вон еще Чехов в “Тоске” рассказывал, как человеку русскому некому было свое горе поведать, кроме лошади...» Сосед же здорово озадачился — теперь получалось, что он должен раскрыть свою душу этому немому. Такой оборот дела, конечно, не устраивал, все же хоть короткие ответы хотелось бы слышать. Однако и уйти невозможно. Он даже вспотел от неразрешимости вопроса, потом махнул рукой: «Ладно, что делать, как-нибудь поговорим с тобой... Выпить у тебя, конечно, тоже нету?.. Ну и не надо. Мне уже водка не помогает. Знаешь, наверное, что иногда до того дойдешь, что похмеляться бесполезно. Потому я тебе лучше расскажу свою жизнь. Жизнь у меня — пять романов написать можно. Хотя, может, и не пять, но три-то уж точно. Да ты не бойся — как надоест, так сразу головой вот так затряси я и заглохну. Зовут меня Леша. Университетов я не кончал, но тысячу книжек, думаю, прочитал. Раньше, правда, почти все много читали. Хотя и сейчас читают. Сидят в метро с этими скользкими цветными книжонками. Мы-то такую жвачку и в руки бы взять постыдились — мы выросли на Есенине, Джекe Лондоне, Шукшине... Нынешнюю лабуду мне и даром не надо. Уж лучше я водку буду пить. Правда, пить-то сил уже нету. Некуда, браток, нам деваться стало. Ты, я вижу, хоть и немой, но нашего поля ягода. Эх, а раньше! Ты на Севере не бывал? Жалко. Там стоило побывать. Сейчас, конечно, незачем. И Севера теперь нету. Одно северное сияние осталось. Знаешь, что бы теперь ни болтали, романтика-то была. И больше людей ехало на Север именно за туманом, а не за длинным рублем. Может, ты и не поверишь, но только этот

туман еще держит меня на свете. Знаешь, не могу я нынче жить. Душа как-то вся отбилась. Руки-то у меня, видишь (руки у него были мозолистые, рабочие) золотые, как раньше говаривали. Захотел бы, как сыр в масле катался, но помнишь, один мужик у Василия Макаровича говорит: а я не хочу как сыр в масле — склизко. Вот и я не хочу. Скучно мне только деньги зарабатывать, неинтересно. Хотя мог я их иметь. И имел — на Севере по тысяче в месяц получал. Теми-то деньгами. Чуешь? Бывало, в столовке встану последним и за всех заплачу. Туман... И не один я такой там был. Но лучше всего было на Вайгаче. Я там не одну зимовку провел. Жили всемером. “Семеро смелых” — помнишь, фильм? Господи, и как жили. Какие мужики-были! Когда уезжали с зимовки, каждый брал что и сколько хотел. Дележки не было, но никто в обиде не оставался. И только один падал за все годы нашелся, с Западной Украины (западнецем, сам он себя называл, а мы его — бендеровцем недобитым): столько нахватал шкур, рыбы, что пройдет пять метров, а у него все из рук валится. Так он остановится, подберет и снова пыхтит, а у него снова валится. Помогли мы ему донести все до самолета и никто ни слова не сказал, но на следующий год единогласно его на зимовку не взяли. До смерти я Вайгач не забуду. Хотя давно уже там никто не зимует, да и сама зимовка, я слышал, сторела... Мне как-то подвыпивший парень, из стриженных под американских солдат, на улице говорит: “Батя, мы вас на пять порядков обогнали...” Не стал я с ним спорить, просто сказал: “Нет, тебе я не батя — тебя я бы на зимовку не взял, ты — западенец...” Ничего он, конечно, не понял, нечем ему меня понять...»

Никита слушал Лешу и едва сдерживался, чтобы не сказать: туман все равно рассеется когда-нибудь, и зимовка на Вайгаче сгорела, и нельзя спастись памятью о том, чего давно нет. Но спросил он о другом: «А остальные где?» Леша, даже не удивившись, что немой вдруг заговорил, будто после его рассказа так и должно быть, горестно опустил голову: «Не знаю даже, живы или нет... Зато того западенца я встретил, на рынке, он торгует в Москве, там теперь много украинцев... На Украине, говорят, хуже нашего живут. Как тебя зовут-то?.. Хорошее имя, наше русское. Так вот, Никита, не пове-ришь, обрадовался я ему как родному, и он мне тоже. Виногато руками развел: “Что делать-то, семья у меня...” Я его не осудил. Расстались мы, как старые товарищи... Раньше мне часто снилось, будто я снова зимую с ребятами на Вайгаче. Проснусь, и такое счастье в душе: “Поет морзянка за стеной веселым дискантом, кругом снега — хоть сотни верст исколеси...” Хорошая была песня. А теперь и сон этот больше не снится... и песня не поется...»

Леша надолго замолчал, будто бы все пять романов закончились, и на лице его было написано даже некоторое удивление: неужели я все уже рассказал? И Никита невольно подхватил: «И мне раньше снилось, что я снова на корабле с ребятами по морю иду. С Валеркой Грохотовым, с Васькой Горобцом, с Костей Арсентьевым. Валерку все звали Грохотулей, Ваську — Горобчиком, Костю — Арсюшей... Да вся команда у нас была замечательная... Весь день потом пелось: “Не туристы мы, но на пристани мы подолгу стоим, воздух Родины — он особенный, не надьшишься им...” А потом тоже перестал этот сонниться».

Леша понимающе подытожил: «Закончились, братишка, наши с тобой зимовки?» Но Никита спокойно возразил: «Да нет, у меня другая зимовка началась... Нескончаемая, которую ни огонь не берет, ни червь не точит... и никакая власть, даже самая демократическая, ее отменить не сможет...» Леша догадался, куда он клонит: «Понятно, к Богу ты пришел — дальше деваться некуда, только в петлю разведе... Никита, хоть верь, хоть нет, а я ведь тоже в монастырь сюда приезжал — в петлю-то как-то не хочется пока, туда всегда успеть можно. Думал, руки у меня растут откуда надо, так, может, в монастыре сгожусь. Пришел, ждал-ждал наместника всю службу, а он с одним полчаса проговорил, потом с другим, потом покойника привезли — он его отпел. Потом какая-то бабенка к нему под руку макушку подставила — и снова на полчаса. Я все жду. Потом терпение лопнуло: что я хуже всех людей на свете что ли? Подступил к нему и прямо: “Батюшка, я хочу к вам в монахи”. А он мне: “Ты сначала протрезвись, потом приходи, поговорим”. Пошел я по улицам бродить туда-сюда, упарился, сердце на части разрывается, ну и выпил маленько. Вернулся в монастырь, а наместник опять мне от ворот поворот. Разве так можно? Священник должен каждую душу чувствовать...»

Никита, которому Леша нравился все больше (он уже откуда-то знал, что мужик этот не пропадет), рассмеялся от души и даже хлопнул его по ноге: «Эх ты, а еще говоришь, что ты третий калач, что все Севера прошел... Наместник-то испытывал тебя. Монаху самое главное — терпеть надо уметь, других слушаться, а ты... Правильно он тебя в монастырь не взял, ты бы там и трех дней не выдержал и братию бы только зря

в искушение ввел. Но не печалься, я тебе подскажу верное средство. Я пообщался в первый раз с отцом наместником вроде тебя. С женой тоже разругался, загулял с горя, приехал, мол, хочу в монахи. А он меня таким же макаром. Один день, второй, а у меня ни копейки не осталось. Не то что выпить, поесть не на что. Ну, я ему сказал про свое плачевное положение, а он смеется: «Ты же здоровый мужик. Пошел бы грибов, ягод набрал, чем по улицам зря шляться». Я даже обиделся, что он понять не может: «У меня душа на части разрывается, а вы мне про грибы да ягоды...» Но деваться некуда, пошел в лес, набрал целлофановый кулек волнушек. После службы подошел к наместнику после всех. Он взял кулек и говорит как ни в чем не бывало: «Вот это другое дело. В монахи тебе незачем — тебя жена уже дома заждалась (так потом и оказалось), но денька четыре трудником при монастыре поживи... работы у нас непочатый край»».

Леша неожиданно тоже развеселился: «Да я ему столько грибов наломаю, что всю братию до лета прокормит, я ведь на Севере мешками грибы собирал. Спасибо, браток, на добром слове, не иначе как сам Бог тебя мне послал, а то я уже не знал, куда деваться... Знаешь, поедука я обратно в монастырь. Как думаешь? Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, тем более что завтра... можно и не проснуться. Правильно я говорю, братишка?»»

Никита согласно кивнул, но добавил: «Леша, ты учти — в монастыре житье не мед: спать бу-

дешь не больше пяти часов, на службе каждый день по несколько часов надо отстоять, а все оставшееся время работать: хозяйство там — будь здоров...»

Но Леша уже накидывал на плечи рюкзак, который, видимо, прошел с ним все Севера — от него явственно пахло туманом и запахом тайги: «Браток, сейчас станция будет, прости, если чем обидел, а тебе дай Бог всего хорошего». Никита проводил его до двери: «Смотри, батюшка строгий, если что не так, то говорит: жалко, мне сан не позволяет, а то бы я вас поучил уму-разуму...» Уже с перрона Леша крикнул в ответ: «Такого я бы с собой на зимовку взял».

Никита снова уселся на свое место и неожиданно почувствовал в душе такое же ощущение легкости и чистоты, какое бывает после причастия. «Как это все вышло! Как в сказке! Некоторым годами твердишь одно и то же, и все как об стенку горох. А тут и убеждать не пришлось. И опять благодаря батюшке: научился по его совету не лезть к людям с поучениями, и вон что вышло — взял человек и будто бы сам все понял и пропел: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе...»» Даже не верилось, что это было на самом деле. Словно во сне приснилось.

А дальше что будет, Никита уже знал: даром такие возвращения в монастырь не проходят. Что бы потом ни случилось — другая зимовка у Лешы началась.

РЕКИ ТЕКУТ В МОРЕ

ИНТЕРВЬЮ

Что для Вас послужило решительным толчком к принятию Святого Крещения?

Много лет назад я не только не верил в Бога, но и вел жизнь самую грешную. Я страшно пил. Ну, а где вино — там и грехи. Однажды, во время очередного затмения, я твердо решил прекратить свои мучения, перестать мучить жену, близких. Пошел к реке. Проходя мимо храма, глянул на дверь. Прежде я не раз пытался зайти сюда, но либо храм был закрыт, либо много было народу. Я вошел. И чудо — ни одного человека, кроме священника. Он сам подошел ко мне и спросил: чем может помочь. Я откровенно рассказал ему мою грешную жизнь и признался, что иду покончить с собой. Батюшка неожиданно обнял меня: «Милый вы мой. Выкиньте это из головы. Это самый страшный смертный грех. Вы еще будете одним из счастливейших людей на земле...» Слезы так и хлынули у меня, мне стало легко-легко. С того дня я бросил пить, окрестился, прилепился к Борисоглебскому монастырю...

Вслед за личным воцерковлением перед каждым художником возникает вопрос воцерковления собственного творчества. Что Вы, как человек, разрешивший в эту задачу, посоветуете тем, кто впервые сталкивается с этим? Например, приемлем ли, на Ваш взгляд, отказ от творчества в пользу духовной жизни как чего-то более важного?

В творчестве я воцерковился, как, наверное, и все православные художники: меня перестало интересовать все безбожное.

Возможен ли отказ от творчества ради духовной жизни? Все в руке Божией. Хотя я таких примеров не припомню. Наоборот, став монахами или белыми священниками, истинно талантливые люди еще серьезнее начинали трудиться на своем творческом поприще. Апостол Павел, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин, святитель Феофан Затворник Вышенский...

Какая книга, из недавно прочитанных или перчитанных Вами, произвела на Вас наиболее глубокое впечатление? Не могли бы Вы поделиться своим впечатлением от этой книги с нашими читателями?

Перечитав недавно повесть Василия Белова «Привычное дело», я был потрясен. Это величайшее произведение. Оно в одном ряду с «Тихим Доном» Михаила Шолохова. И открыла я для себя Евгения Носова. Два этих писателя может быть даже превзошли наших классиков девятнадцатого века. Столько у них любви к России, к русскому народу.

Уж и не знаю, сколько раз читал «Книгу Экклесиаста», но всегда открываю, как в первый раз: «...Все реки текут в море, но море не переполняется». Вот оно море художественности... Сюда бы нам течь, отсюда черпать...

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

БИОГРАФИЯ

После службы в армии (1968-1970) и окончания МОПИ им. Н. К. Крупской (1976) Александр Иванович Яковлев работал в Институте востоковедения РАН. С 2009 года перешел на преподавательскую работу в МГУ. Доктор исторических наук, профессор. Основные сферы интересов — новейшая история стран Востока и история России XIX века. Издано более 10 научных монографий и учебных пособий.

А. И. Яковлев долгое время и плодотворно работает в сфере литературного творчества, а

также занимается преподаванием в МГУ и ПСТГУ.

Многим читателям известны его книги о людях Русской Церкви и событиях русской истории. Им издано еще несколько книг, адресованных школьникам, написанных с отличным знанием предмета и ясным русским языком.

А. И. Яковлев является ответственным редактором ежегодного «Филаретовского альманаха» и многотомной «Летописи жизни и служения святителя Филарета (Дроздова)».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лекции по истории Христианской Церкви (2006, 2007, 2011).
- Очерки истории русской культуры XIX века (2010).
- Век Филарета: роман. — М.: Армада, 1998; М.: Терра, 2001; М.: Спасское братство, 2010.
- Корона и крест: роман. — М.: Паломник, 2001; М.: Терра, 2005.
- Патриарший крест: роман. — М.: Паломник, 2008; М.: Книжный клуб Книговек, 2012.
- Александр II: роман. — М.: Терра, 2005; М.: Терра, 2007.
- Отечественная война 1812 года: повесть. — М.: Паломник, 2004. — Серия «Страницы русской истории».
- Крымская война 1853-1856 годов: повесть. — М.: Паломник, 2007. — Серия «Страницы русской истории».
- Великие реформы в России. 1860-1870-е годы: повесть. — М.: Паломник, 2010. — Серия «Страницы русской истории».

СОКРОВИЩНИЦА ПРОСВЕЩЕНИЯ ЦАРСКОГО

ИНТЕРВЬЮ

Решившись оформить свои мысли, писатель вольно или не вольно представляет себе своего читателя. Что за люди читатели Ваших научно-популярных исторических очерков?

Идея очерков о важных страницах русской истории родилась из общения со студентами. Я преподаю в МГУ, на факультете мировой политики, и на историческом факультете Свято-Тихоновского университета. Ребята более или менее знают отечественную историю, но это знание либо поверхностное, либо неполное. К сожалению, у нас отброшен завет замечательного русского поэта и педагога В. А. Жуковского, бывшего наставником будущего Царя-Освободителя. Жуковский утверждал, что история должна быть главной наукой наследника престола. История есть «сокровищница просвещения царского», ибо она наставляет нас опытом прошедшего, им объясняет настоящее и предсказывает будущее.

Книга об Отечественной войне 1812 года была адресована школьникам. Там уделено место не только рассказам о сражениях, но и вопросам возникновения войны. Неожиданно от знакомых и учителей узнаю, что книгу читают не только дети, но и родители. Следующую книгу о Крымской войне 1853-1856 годов я писал уже на ином уровне. И продолжением стала книга о Великих реформах Александра II.

Она адресована старшеклассникам, но также и их родителям. Мне кажется, что очень важно сейчас рассказать о том, что Россия вполне может проводить необходимые реформы, что опыт коренных преобразований всего строя русской жизни в 1860-80-е годы свидетельствует о способности нашего народа к выходу из кризиса. Оказалось, что мои книги учителя используют в качестве учебных пособий, в дополнение к учебнику или для проведения дискуссий.

Что для Вас, доктора исторических наук, послужило толчком к написанию художественных исторических романов?

Рассказы и повести я начал писать давно. Первые мои рассказы публиковала еще «Пионерская правда» в 1963 году. Будучи историком, в 1970-80-е годы я занимался модернизацией стран Востока, исследовал, почему и каким образом они в XIX и XX веках выходили из глубокого кризиса, проводили коренные социально-экономические преобразования. Для сравнения брал примеры из нашей истории: Петр Великий, Екатерина Великая, Александр Благословенный... Но эпоха Александра II оказалась особенно важна. Я работал в библиотеках, сидел в ГАРФе и — сам не заметил, как с головой ушел в ту далекую эпоху. Постепенно я зна-

комился с главными и второстепенными действующими лицами, их характерами, взаимоотношениями, целями и интересами. Мне открывался самый ход истории и ее живые лица. Прежде всего — государь Александр Николаевич, поначалу балованный и ленивый наследник, а после — Освободитель, совершивший подлинную «революцию сверху». Ходил ли я по Кремлю, где он родился, по залам Зимнего дворца, где он жил, по Петропавловскому собору, где он молился перед могилой отца накануне подписания Манифеста об освобождении крестьян, стоял ли на набережной Екатерининского канала, где его убили, — он был со мною. И вдруг я ощутил этого вполне чужого и страшно далекого человека как понятного мне, и возникло желание рассказать об этом другим.

Это оказалось и трудным и легким делом. Трудным, потому что писание исторического произведения — дело трудоемкое, требующее чтения массы книг, старых журналов и газет, поисков и отбора нужного и интересного в архивных материалах. И надо быть точным не только в главном, но и в деталях. Я вознамерился нарисовать портрет Александра II на фоне его эпохи.

А вот дух эпохи оказалось понять и передать легче, нежели «фактуру эпохи». Я взялся за это описание в 1991 году, в пору либеральной революции, когда насаждалось нигилистическое отношение к России и к русской истории. Сходная волна отрицания и борьбы против поднялась и в эпоху Великих реформ, так же, как и ныне, соблазняя наивных и чистых сердцем молодых людей... Но только в 1991 году все вокруг уже рушилось. Теряли смысла прежние

ценности, идеи, мои исследования в институте... И тогда смысл своей жизни я нашел в этой работе. Писал несколько лет без какого-либо договора, не зная, кто это издаст, да и нужно ли это кому-нибудь в страшные годы всеобщего обвала... Написав, увидел, что получился все же не роман в духе А. Н. Толстого или В. Пикуля, но и не академическая монография, а свободное историческое повествование. Несколько издательств отвергли книгу по разным причинам, но в конце концов издательство «Терра» напечатало «Александра II», а потом сделало и второе издание.

За этой книгой последовали «Век Филарета» и два романа о Патриархе Тихоне и его эпохе.

Какая книга, из недавно прочитанных или перечитанных Вами, произвела на Вас наиболее глубокое впечатление? Могли бы Вы поделиться своим впечатлением от этой книги с нашими читателями?

На этот вопрос мне легко ответить, но ответ мой едва ли будет оригинальным: «Несвятые святые» архимандрита Тихона. Давно не читал я книг, которые захватывали бы меня и не отпускали до последней страницы. И в чем секрет вроде бы незамысловатых историй? Ведь каждый читал уже немало похожего. Но секрет есть. Секрет в редком литературном даре автора и его искренности. Авторское тепло, любовь и уважение к описываемым людям, подкупают и дают светлую радость. Наконец, это просто интересно. Редкая книга. Спасибо отцу Тихону.

ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ РОМАНА «ПАТРИАРШИЙ КРЕСТ»

Утром после завтрака отец Тимофей перебирал свои давние записи лекций в Духовной академии, подбирая материал к сегодняшней беседе в кружке. Ему давно хотелось рассказать кружковцам о значении Гефсимании как об одном из самых важных моментов в человеческой истории. Под руку попадались чьи-то письма, фрагменты его незаконченной магистерской диссертации...

— «Прощай ра-адость, прощай сча-астье, проща-ай сол-нышко мое-е...» — задумчиво напевал он.

— Батюшка, с чего это ты прощальную песню запел? — жена вдруг подняла голову от шитья.

— Это не песня, так, припевка. У нас в батальоне один санитар-белорус был, он ее напевал. Его под Ригой убили.

— Нет, ты уж, пожалуйста, не пой эту припевку. Я прошу тебя.

Священник хотел отшутиться, но промолчал, увидев застывшую с иголкой в руке Лиду. Сам он не то чтобы привык, но смирился со смертью младших сыновей, а Лида нет. Она жила этот год в некоем внутреннем оцепенении, подобно автомату послушно выполняя домашние обязанности и разговаривая с посторонними людьми, но переживая в себе невосполнимую утрату. Отец Тимофей страшился этой ее раздвоенности, ходил советоваться и к отцу Алексею Мечеву, и к одному старому психиатру, но

главное знал и без них: Лиду нельзя оставлять одну, без поддержки. Ей становилось легче и спокойнее не с золовкой, неизменно внимательной и ласковой, даже не с Сережей, которого неудержимо стало тянуть из дома на улицу, а с ним. Просто чтобы сидел рядом, только был в доме, близко...

— Лидуша, — отец Тимофей подошел к жене, обнял за плечи и заглянул в печальные глаза. — Ну, давай, я тебе спою повеселее: «Над серебряной рекой, на златом песочке, долго девы молодод-ой я искал следо-очки...»

Сергей в своей комнате удивился, услышав мягкий тенор, уже и не помнил, когда папа пел. Он оторвался от работы, отложил в сторону ботинки тети Ани, шило, иглу и дратву (сапожничать его научил отец Тимофей) и слушал родной голос. Однако и эта песня заканчивалась невесело.

За последние месяцы небольшая Тихвинская церковь получила немалую известность по Москве.

Приходской совет твердо стоял за патриарха, «живцов» в храм не допускал. Поскольку церковь была бедна и неказиста, жемчужный убрूस с иконы Божией Матери «Росоточная Денница» и две драгоценные ризы с икон Боголюбской и апостола Павла власти взяли, а больше ничего ценного не было, сосуды и то были серебряные, позолоченные, власти ничем на приход надавить не могли. Отец Тимофей пригла-

шал для сослужения священников, изгнанных из своих храмов, несколько раз проповедовал отец Валентин Свенцицкий, приходили петь старые церковные хоры, и народ это оценил. В то время уже десятки московских храмов были захвачены «живцами», и их прихожане шли молиться в «тихоновские» храмы. На архиерейскую службу, которую на зимнего Николу служил митрополит Кирилл (Смирнов), собралось меньше половины, остальные терпеливо стояли на улице, благо мороз был мягок. Владыка тогда кратко дополнил проповедь отца Тимофея, и его слова придали силы и бодрость и молящимся, и священникам. В то развороченное и страшное время он говорил о любви словами апостолов. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх... Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?..

Он согласился отобедать в доме отца Тимофея, и Сережа, пораженный величественной простотой и теплой лаской высокого седовласого старца, который очевидно был голоден, одинок, бездомен и преследуем властью, но от присутствия которого в их домике стало светлее и радостнее, признался вечером отцу: «Папа, по-моему, владыка Кирилл — святой. Я был готов целовать следы его ног на снегу!»

О Тихвинской церкви заговорили, людей уже и на буднях стало немало. И отец Тимофей возобновил свои евангельские беседы.

Раз в месяц в трапезной части храма после воскресной литургии собирались интересующиеся. Из старых кружковцев осталось всего несколько человек, но пришли новые люди.

Часть их оказалась из новообращенных, нетерпеливых, жаждущих немедленных ответов на самые сокровенные вопросы бытия; другая часть — из участников семинаров Марцинковского с их свободным протестантским духом; приходили и просто чистые души с желанием понять Благою Весть. Разнородность аудитории несколько усложняла задачу священника, но это же обстоятельство ободряло его, укрепляло в убеждении о пользе бесед. В нынешнее тяжелое и смутное время для него оказалась очень важна уверенность в собственной востребованности, в необходимости дела, которому служишь, для многих других людей.

Отец Тимофей не знал, разумеется, только подозревал, что его кружок находится под присмотром ГПУ. На Лубянке папка с надписью «Тихвинская церковь в Дорогомилове» постепенно наполнялась бумагами. В конце января 1923 года уполномоченный 6-го отделения подготовил решение о прекращении деятельности «церковного кружка Касаткина», чья деятельность нарушает советский закон о запрете религиозной пропаганды и способствует подогреванию в несознательной части населения явно контрреволюционных настроений. Предлагалось выслать Касаткина в административном порядке в северный край — в лагерь на Соловках, его главного помощника Владимира Коноплева — на поселение в Вологду, а церковь закрыть. 2 февраля Тучков после некоторого размышления наложил свою резолюцию: «Согласен. 1) Касаткина выслать в Соловки на пять лет. 2) Коноплева отправить в Вологодскую губернию на три года. 3) В храм прислать попа от Красницкого, добиться через известную возможность его принятия в приходе».

— Гефсимания есть один из центральных узлов в истории человечества, в котором связано и переплетено очень и очень многое и важность которого невозможно переоценить...

Отец Тимофей, воодушевленный после литургии, ощущал подъем духа, да и тема сегодняшняя действительно волновала его. Он ощущал ответное внимание аудитории, в которой невольно выделял знакомые лица сына, Володи, Фаины, Лизы. Этот февральский день выдался неожиданно солнечным, ясным, безветренным, даже теплое дуновение в воздухе почудилось. Яркие лучи высвечивали лики святых на иконах, светилась золотым и алым цветами почему-то любимая им особенно Боголюбская икона, сверкали медные ризы хоругвей. И так захотелось весны, света, зелени... Он опустил глаза на раскрытые книги перед собой.

— Прежде всего, обратим внимание на неожиданность этого события. Ведь как ни предупреждал Спаситель о неизбежности для себя страдания, этому как-то не верится. Правда, мирное и благодушное повествование зачастую омрачается упоминанием о неверии одних и вражде других, но припомните свои впечатления от чтения любого из Евангелий, — все пронизывает дух мира и любви... Для нас настолько очевидно торжество Сына Божия, что невольно ожидается и видимое признание этого торжества без потрясений, тем более без страданий, без воплей и кровавого пота. И по-человечески нам трудно, да просто невозможно, согласиться на возвышенное самопредание Сына Божия в руки правосудия небесного, карающего в Его лице все неправды земные. Но не было иной возможности спасения людей для вечности...

По плану следовало далее сопоставить толкования святителя Иоанна Златоустого и Феофилакта Болгарского, но, пожалуй, не стоит...

Вдруг посылались всхлипы. Лиза с громким рыданием вскочила со скамейки и выбежала из храма.

— Фаина, пойдите за ней и успокойте, — попросил отец Тимофей. — Простите, друзья мои, если расстроил вас, кое-кого даже до слез, но уж таков был предмет нашей беседы. Давайте на этом закончим сегодня. Через месяц мы соберемся вновь и поговорим о суде над Христом, точнее, о нескольких судах, ведь свой приговор Спасителю вынесли не только синедрион, Пилат и Ирод, но и народ иудейский. Продумайте этот текст и подготовьте вопросы, а то сегодня вы были неактивны. Помолимся.

При последних словах молитвы в церкви показались Фаина и заплаканная Лиза. К ним подошел Митя, преобразившийся за последнее время. Он прочно прибил к Хамовническим казармам, где красноармейцы его подкармливали, в храме стал бывать редко, но воскресные службы не пропускал. Теперь, обретший самый советский вид, бритый Митя с гордым видом рассказывал по храму. Одет он был в поношенные галифе и застиранную гимнастерку, украшенную красным бантом, который называл «орденом» и которым перед всеми хвастался: «Видел мой орден? Вона мне чего дали!»

— Девочки, девочки, бедные девочки, — плаксивым голосом заговорил Митя, и действительно, слезы покатались у него из глаз по морщинистым щекам. — Как мне вас жалко...

— И меня жалко? — с вызовом спросила Фаина, постоянная притеснительница Мити.

— И тебя, Фанечка, — кивнул Митя, — и батюшку жалко с его магуфкой — всех вас так мне

жалко, бедные мои... А я скоро уеду, — слезы вдруг пропали из его глаз. — Полк наф переводят. Далеко. Меня берут этим... помофником санитара, вона как!

Отцу Тимофею показалось, что Митина болтовня подействовала на Лизу успокоительно, но он, одевшись и взяв саквояж, все же подошел к ней.

— Лиза, с вами все в порядке?

Она подняла глаза, и священник неожиданно для себя ощутил нечто непонятное в давно знакомой девушке.

Тихая, молчаливая и послушная Лиза, некогда влюбленная в Глеба, позднее ставшая предметом наивной влюбленности старого Лаврикова, находившаяся всегда в тени и оттого завидовавшая Фаине, Ксении, Наташе, некогда худая и угловатая, но сейчас расцветшая во вполне привлекательную девицу, вот уже полтора года работавшая в наркомате путей сообщения, певшая в церковном хоре слабым, но верным голоском, а когда надо помогавшая с уборкой, — она была так очевидно проста, вся на виду...

— Лиза, у вас что-то случилось?

Она придвинулась ближе, облизала губы и, быстро оглянувшись вокруг, спросила:

— Батюшка, а я могу в ад попасть?

— В ад? — удивился отец Тимофей. — Можете, если совершите смертный грех. Если нарушите заповеди Божии, словом или делом погубите человека или повредите его душе. Лиза, что с вами?

— А вот я рапорты на вас пишу в ГПУ — это смертный грех?

— Вы?.. И давно?

— Два года. Они меня на работу устроили, продуктов подбрасывали, они не злые, Борис

ВОСКРЕСЕНСКИЕ ворота в Москве.

Фото 1931 года

Иванович, Сергей Витальевич, товарищ Ребров... Вы не думайте, батюшка, я ничего не придумываю, ничего плохого не пишу, так только...

Так вот в чем объяснение ее расцвета, обретенной ею уверенности в себе — она знала, какая огромная сила стоит за нею. Так вот почему полгода назад вдруг освободили через день Володю Коноплева, арестованного за передачу писем и продуктов ссыльным священникам, чтобы не бросать тень на нее, от которой в общинке отца Тимофея ничего не таили... а ведь тогда как было не усомниться в самом Володе...

— Это грех, Лиза.

— Да что ж тут такого? — простодушно удивилась девушка. — Никого ж не расстреляли. Володю вон, я попросила — и выпустили.

— Батюшка, дай Мите копеечку! — вдруг подскочил Митя.

— Нет у меня копеечки. Не мешай.

— Ну, хлебушка дай!

— И хлеба нет. Попроси у Льва Харитоновича.

— Батюшка, ты меня любишь? — губы у него плаксиво кривились и глаза налились слезами.

— Люблю, Митя.

— Ну, Христос с тобой! — и расплывшийся в радостной улыбке Митя убежал.

Отец Тимофей смотрел на спокойно стоящую перед ним девушку, и одна мысль билась: «Не может быть!» Пятый год вместе.

Почти все воскресенья и праздники она в храме, по нескольку раз за год исповедовалась и причащалась. И как ни ощущал он некую трещинку в ее душе, рожденную завистью и ущемленным самолюбием, не подозревал, что страх и корысть могут превратить трещинку в пропасть, отделившую ее от них и — от Бога. Отчего это? От духовной лени. Душа обязана работать ради себя и ради других, у нее же душа покоилась в удобстве, в приятном покое.

— Лиза, а почему вы заплакали сегодня?

— Не знаю, — она шмыгнула носом и задумалась. — Так.

— Но почему-то же вы подумали о грехе, об аде. Почему?

— Не знаю. Они тогда сказали, что все равно всех верующих разгонят, а самых упорных отправят «в штаб Духонина». Я хочу быть с Богом, но я их боюсь. Бог простит меня?

— Если вы осознаете, что есть в чем просить прощения, и если искренне покаетесь в содеянном — Бог простит. Подождите, я сейчас надену облачение и приму вашу исповедь. Хотите?

— Хочу. А они вас вышлют в Соловки 12 февраля.

Взволнованный отец Тимофей не сразу понял сказанное, но, когда вернулся из алтаря в епитрахили и поручах, с крестом и Евангелием в руках и не увидел Лизы, будто заново услышал ее слова: «вышлют... Соловки...»

— Папа, мы идем домой или ты занят? — нетерпеливо спросил подошедший Сережа.

— Домой? — рассеянно переспросил священник. — Да. Сейчас идем.

Отец и сын шли неспешно, к большому недовольству Сережи. Дома у него лежала книга Конан Дойла, которую Жорка Колесников дал почитать всего на день. Но дело было не только во времени. Мама вполне могла выбросить эту книгу, если бы увидела. Папа терпел такое чтение сына, только уговаривал не увлекаться, а мама его ругала, в сердцах могла и порвать. Но Сережа не решался попросить отца идти быстрее, тем более взять извозчика — дорого. И оставить папу не решался, уж очень усталым выглядел отец Тимофей.

— Давай я твой саквояж понесу.

— Спасибо, сынок.

Они отошли от церкви шагов на десять, когда священник вдруг остановился и, повернувшись назад, стал всматриваться в церковь, будто впервые увидел ее.

— Папа, ты что?

— Ничего, ничего. Я сейчас...

Небольшой двухсветный четверик с луковкой на куполе, увенчанной крестом, приземистое здание трапезной части с покатою крышей, из трубы шел легкий дым, видно, Лев Харитонович варил обед; колоколенка, такая же небольшая и скромная, как и сам храм, семь колоколов хоро-

шего звона, а крест на колокольне так и не поправили, чуть наклонился влево... Когда будут снег сбрасывать, поправят... уже без него. Отец Тимофей широко перекрестился и поясным поклоном поклонился родному храму. До двенадцатого еще четыре дня, но они могут и раньше...

Сережа недоумевал и немного встревожился, но смолчал.

Отец и сын по Большому Тихвинскому переулку вышли на Дорогомиловскую и повернули направо. Пройдя Смоленскую площадь, по Сивцеву Вражку дошли до Гоголевского бульвара, и здесь, к удивлению Сережи, отец Тимофей постоял перед сумрачным сидящим Гоголем, потом перекрестился на обе церкви, и Знаменкой они вышли к Кремлю.

Зима не собиралась уступать, и, едва солнце скрылось за косматыми серыми тучами, стал ощутим морозец. Снег был повсюду, на крышах домов и церквей. Высокие сугробы по обеим сторонам улиц почти скрывали прохожих. Лишь на бульваре черные стволы деревьев нарушали белую монотонность зимнего города.

По тротуарам текла ручейком толпа прохожих, на перекрестках замедляя шаги перед уличными торговцами и санками лихачей, совсем как в старое время с удалым присвистом везших нэпманов на гуляние. С громким дребезжанием проезжали большие крытые автомобили, за стеклами которых не видно было сиделков.

В конце Знаменки, на углу Пашкова дома отец Тимофей вновь остановился. Он всматривался в буро-малиновую громаду Кремля, громоздящиеся друг за другом монастыри и соборы с потускневшими золотыми куполами, в гордых двуглавых орлов на башнях... То была Москва,

его Москва, родина, от которой вновь приходилось уходить. Но если семь лет назад он добровольно отправился на фронт полковым священником, то теперь его насильно отрывали от семьи, от дома и родины. Он ничуть не сомневался в верности слов Лизы, сердцем ощущая их правдивость. Проговорилась она или, может, ей специально поручили напутать его? Не все ли равно, это ничего не меняет...

На набережной оказалось малоллюдно. Москва-река была покрыта ровным белым покровом, размеченным посредине линиями лыжни. Несколько фигур лыжников в спортивных костюмах, с развевающимися концами шарфов за спинами, пронеслись у них на виду. Вот и Зарядье, мелькнул родной купол Николы Мокрого, надо бы зайти, но сил уже нет, потом, успею еще...

Лиде тяжело будет одной. Дорогая, любимая, единственная... Коноплеву надо написать рекомендацию, прошение о рукоположении в священник, сан отдать благочинному... и посоветовать поскорее уехать из Москвы. Фаина готова выйти за него, тут все ладно устраивается. Не забыть завтра оформить дом на Лиду и Аню! Сестричка пока возле патриарха, а когда расстреляют его и разгонят Донской монастырь, куда она денется, хворая горбунья? Матерь Божия, сохрани ее Покровом Твоим благодарным!..

Чуть в сторону от центра, от Замоскворечья, открывалась совсем иная Москва, простецкая, полудеревенская, с садами и пустырями, со множеством одно- и двухэтажных домиков с пристройками и сараями, улицы между которыми лишь угадывались по посережнему, укатанному за зиму насту. И куда ни глянь, то ближе, то

дальше тянулись к небу церкви с золочеными и голубыми куполами или луковками, увенчанными крестами. И это тоже была его Москва.

Пройдя угловую башню Китай-города, священник свернул направо к набережной, прошел заколоченную пристань и остановился возле того места, где раньше причаливали плоты. Удивленный и недовольный Сережа покорно шел следом. Дневной свет померк, вот-вот должны были ступить сумерки.

— Сынок, — повернулся к Сереже отец Тимофей. — Я понимаю, ты голоден и... Но я тебя сюда привел потому, что, когда мне было почти столько же лет, сколько тебе сейчас, мой отец говорил здесь со мной...

— Дедушка?

— Да. Он впервые заговорил со мной, мальчишкой, как со взрослым, и я это запомнил. И мне надо сказать тебе нечто важное. Меня скоро арестуют и вышлют. Это серьезно и надолго, боюсь, что и хлопотать через Красный Крест будет бесполезно. На твои плечи ляжет ответственность за маму и тетю Аню. Мама больна, тетя Аня — инвалид. Я понимаю, что у тебя в семнадцать лет и силенок, и возможностей немного, что родные их не бросят, что на жизнь они сами как-то постараются заработать, я о другом. Когда меня не станет, ты останешься единственным мужчиной в семье и будешь за них отвечать.

Отец Тимофей спохватился, что родные сестры едва ли станут помощницами: одного свояка сослали в Архангельскую губернию, и сестра поехала за ним, другой стал помощником

у обновленческого «митрополита» Антонина, и отношения с ним были порваны.

— Слишком рано на тебя падает такая ответственность, но что поделаешь, маленький, время такое нам выпало. Мама есть мама, ее надо слушаться, но опора ее — ты. Постарайся это понять.

— Папа, а ты?.. Папа!..

Сережа тесно прижался к нему, неловко обхватив руками, так что саквож давил в левый бок. В приблизившемся бесконечно родном личике, худом и бледном, в котором сквозь юношескую мягкость уже угадывались мужские черты, сейчас видна была откровенно щенячья беззащитность.

— Я не знаю, что со мною будет.

«Оттуда я уже не вернусь», — вдруг спокойно сказал сам себе отец Тимофей, но не стал пугать сына.

— Будем писать друг другу письма. Если разрешат — пришлете мне посылку, а может быть, сможете и навестить там. Это допускается. Со временем станет ясно, что и как. А пока давай не будем огорчать маму и подумаем вместе, как ее подготовить.

— А кто тебе сказал про это? — вдруг напрягся Сережа. — Мало ли что говорят!

— Нет, маленький, все точно. Но не будем страшиться будущего. С нами Бог!

В дом отец и сын вошли с веселыми лицами. Лида, обеспокоенная их задержкой и уже трижды ставившая на керосинку картофельный суп, услышав их бодрые голоса, стала накрывать на стол и простила им опоздание.

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ПРАВОСЛАВНОЕ КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Заказ оформляется на обычном листе бумаги или почтовой открытке с указанием фамилии, имени, отчества, количества экземпляров журнала в месяц, месяца, с которого оформляется подписка, почтового адреса.

ЗАКАЗ МОЖНО СДЕЛАТЬ:

1. По адресу: 119435, г. Москва, ул. Погодинская, д. 20/3, стр. 2
2. По электронной почте: exp@rscros.ru
3. По телефону: (495) 789-90-45 (доб. 22-28) / факсу: (495) 789-90-45

Стоимость полугодовой / годовой подписки на один экземпляр журнала составляет
600 / 1200 руб. соответственно
(стоимость заказа указана с учетом почтового тарифа за пересылку).

Заказ высылается адресату после перевода суммы стоимости заказа на наш расчетный счет.

Оплату можно произвести банковским или почтовым переводом по реквизитам:

Религиозная организация
«Издательский Совет Русской Православной Церкви Московский Патриархат»

Адрес: 119435, г. Москва, ул. Погодинская, д. 20/3, стр. 2

Р/с 40703810300010000128

Банк АКБ «ПЕРЕСВЕТ» (ЗАО), г. Москва

К/с 30101810700000000259

БИК 044585259

ИНН 7704223920

КПП 770401001

Цель платежа:

За журнал «Православное книжное обозрение»

**ПРОГРАММА ЦЕРЕМОНИИ ВРУЧЕНИЯ
ПАТРИАРШЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
ИМЕНИ СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ
КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ**

- **17-45** Начало показа фильма посвященного церемонии вручения Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия 2011 года.
 - **18-00** Прибытие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.
 - **18-10** Представление номинантов на звание лауреата Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия 2012 года.
 - **18-15** Торжественная речь Святейшего Патриарха Кирилла.
 - **18-25** Начало голосования Палаты попечителей.
 - **18-35** Объявление Святейшим Патриархом Кириллом имен лауреатов, награждение лауреатов и номинантов Патриаршей литературной премии.
-
- **19-00** Концертная часть праздника.
Хор Московской Духовной академии.
Детская балетная школа «Щелкунчик». Художественный руководитель Наталья Чеховская.
Лауреат международных фестивалей и конкурсов Федор Тарасов, бас, и ансамбль народных инструментов «Адмирал».
Оркестр флейт под руководством заслуженного деятеля искусств Владимира Кудри и танцевальный ансамбль под управлением Ирины Давыдовой.
Заслуженный артист России, лауреат премий им. М. В. Ломоносова и И. А. Бунина, академик АБОП, композитор, виртуоз-балалаечник Юрий Клепалов.
Концертный хор «Московские колокольчики». (Руководитель — Почетный член Всероссийского Музыкального общества Екатерина Аветисян).